

А. ЛУКИН, Д. М. ПОЛЯНОВСКИЙ ★ СОТРУДНИК ЧК

Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

А. ЛУКИН, Д. М. ПОЛЯНОВСКИЙ

Сотрудник ЧК

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

*АЛЕКСАНДР ЛУКИН
ДМИТРИЙ ПОЛЯНОВСКИЙ*

СОТРУДНИК ЧК

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1958

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОССТАНИЕ ФРОНТОВИКОВ

Весна в Херсоне наступает рано. Уже в начале марта подсыхает земля, а к концу месяца появляется первая зелень. В это время небо над городом становится выше и синей, и солнце заметно припекает.

Но в памятную весну тысяча девятьсот восемнадцатого года март выдался на редкость серый и ненастный. Ветер с Днепра задувал пронзительно, трепал над домами дождевые облака, носил по улицам обрывки плакатов, зашарканые листки прокламаций, гнилую прошлогоднюю листву. Никто этого мусора не убирал, и он собирался под

заборами, у рекламных тумб, в подворотнях, путался под ногами.

Шли грозные времена. Дороги Украины топтали тяжелые, щедро подкованные немецкие и австрийские сапоги, пахло бензиновым перегаром военных автомашин...

В Херсоне только и разговоров было, что о немцах. Их ждали со дня на день. Газеты выходили с тревожными заголовками: «Что слышно в Одессе?»

В Одессе были немцы. Были они и в Николаеве. Газеты сообщали о расстрелах на Пересыпи, о трупах, висящих на столбах, о заводах, возвращенных прежним владельцам. Все это у одних херсонцев вызывало радость, в других вселяло страх, а у третьих — у большинства — заставляло сжиматься кулаки...

И вдруг, как громовой удар, разнеслась весть, что эсэро-меньшевистская городская дума отправила в Николаев делегацию просить австро-немецкое командование не медлить и прислать в Херсон войска для «наведения порядка»...

Союз бывших фронтовиков, — а их в Херсоне насчитывалось больше двух тысяч, — возглавляемый большевиками, объявил, что с этих пор не признает власти городской думы и не допустит, чтобы пролетарский Херсон стал немецким. Разоружив боевые дружины городской думы — обывателей, гимназистов и отряды милиции, — фронтовики начали укреплять на городской окраине остатки старинной крепости, которые херсонцы называли «валы». Сюда стали стекаться вооруженные рабочие отряды.

Город спешно готовился к обороне.

Днем девятнадцатого марта в Херсон явились немцы, сопровождаемые гайдамаками гетмана

Скоропадского. На длинных грузовиках со щелястыми капотами, напоминавшими оскаленные звериные морды, окруженные толпой возбужденных, откровенно ликующих обывателей, они проследовали в городскую думу и тотчас же послали парламентариев на «валы», требуя, чтобы фронтовики сложили оружие...

ЛЕШКА МИХАЛЕВ

В окнах дома Союза фронтовиков только в верхнем этаже уцелели стекла. В нижнем окна были забиты досками; сквозь щели сочился желтый, дымящийся в ночном тумане свет. У входа маячили часовые.

В низких комнатах Союза вдоль стен тянулись дощатые нары, над жестяными буржуйками змеились черные дымоходные трубы. Здесь пахло незатейливым солдатским варевом, горели развешанные по стенам керосиновые лампы, в коридорах, в комнатах, на лестницах толпились фронтовики в серых, обожженных у походных костров шинелях и мятых папахах, давно утративших свою первоначальную форму.

На втором этаже в одной из комнат располагался Совет Союза фронтовиков. В широком квадратном зале возле этой комнаты было особенно многолюдно. Ожидая распоряжений, фронтовики толклись у двери, дымили сигарками, переговаривались. В воздухе стоял сдержанный гул голосов.

Рябой солдат с короткой кавалерийской винтовкой на ремне говорил, жуя козью ножку:

— ...Я, к примеру, три года в окопах отбыл, и скажу тебе так: немец к концу войны не мечтал по России ходить. Думал только, как шкуру уберечь. А тут — на тебе: пришел и за горло берет. Справедливо это? А? Справедливо?

— Справедливости захотел? — насмешливо сказал другой фронтовик, бородатый, в нахлобученной до глаз папахе. — У немца одна справедливость: отломить кусок пожирней. Люди из деревень приходят, говорят, начисто немец хлеб выгреб. Скотину угоняет до последней телушки. Справедливость! Ищи ветра!..

Быстроглазый низкорослый фронтовичок, сидевший на корточках возле стены, заговорил, вставая:

— Мужики-то чешутся! Раньше нос воротили: нам што! Земля нынче, слава богу, есть. То, мол, Киевской Раде треба, щоб нимцы бильшевиков прикончили, а наша хата с краю, хай воны хоть головы друг дружке поотгрызают... А зараз, як старые паны до их земли объявились, другое говорят...

— Факт! — вздохнул бородатый. — Продали Украину буржуи, им революция вон где сидит. Народа бояться. Видал, немец заявление прислал, чтобы оружие сдавать? Не то расстрел.

Вокруг зашумели:

— Добрый видать!

— Как же, сейчас и понесем. Утречком он всю нашу оружие получит, будет доволен!

— Это точно!.. Жалиться не пойдет!..

А быстроглазый фронтовичок погладил ладонью темное винтовочное ложе:

— Ни-и, брат, мне ще вона самому згодится! Ва-ажные у ей будут дела!..

Стоя возле двери за спинами фронтовиков, к этим разговорам прислушивался паренек лет шестнадцати—семнадцати в старой гимназической шинели, из которой он уже изрядно вырос. По-юношески долговязый и угловатый, он вставал на носки и смотрел в лицо каждому гово-

рившему серыми удивленными глазами. Над пухлым мальчишеским ртом его и на щеках возле ушей темнел пушок. Светлые волосы, курчавясь, выбивались из-под форменной фуражки и жестким чубом налезали на лоб. Видно было, что каждое слово фронтовиков, людей бывалых, полно для паренька особого значения...

Из комнаты Совета вышел один из его членов, Силин, человек рослый и очень широкий в плечах. На круглой стриженной голове волосы стояли ежиком. Под распахнутой шинелью на поясе висел наган.

Ему тотчас же придвинули табурет. Силин влез на него.

Когда установилась тишина, он заговорил ровным негромким басом, взмахивая зажатым в кулаке листом бумаги:

— Согласно общего постановления, а также Совета Союза фронтовиков, с утра будем выбивать немцев с нашего пролетарского Херсона!

Фронтовики возбужденно зашумели, придвинулись ближе. Силин поднял руку:

— Тихо! Митинги отменяются! Все! Поговорили! Договорились до немца!..

Послышались голоса:

— Правильно!

— Кончать надо говорильню!

— Пора делать дело!..

— Так, — продолжал Силин, — связь с рабочим классом у нас есть. Наше дело начать, они поддержат. Объявляется особое положение. Ежели какая-нибудь недисциплина, будем рассматривать как измену революции и пролетарскому классу, и по закону военного времени — налево без разговору! Понятно?

— Чего не понять!

— Правильно!

— Теперь слушать команду. Ротам Иваненко и Маренина идти к городской думе сейчас же и занять позицию. Так... Рота Линькова — к вокзалу. Остальные пойдут оцеплять город по берегу. Командирам указания есть... Общая картина будет такая. Начнут Маренин и Иваненко у думы. До них чтобы ни единого выстрела! А как они начнут, тогда всем действовать по сложившейся боевой обстановке. Ясно?.. Которым отрядам есть задание, выполнять! Остальным разойтись по своим местам и ждать приказов, какие поступят. Всё!..

Раздались слова команды:

— Становись!..

— Отряд Павлова, ко мне!..

Силин соскочил с табурета, поискал глазами, крикнул:

— Лешка!

Паренек в гимназической шинели подскочил к нему:

— Я тут!

— Вот тебе записка, отнесешь Виговскому на Забалку, в районный штаб, знаешь?

— Еще бы!

— Принесешь ответ. Пробирайся осторожно, на немцев не нарвись.

Лешка побежал к выходу.

Лешка Михалев, долговязый паренек в гимназической шинели, стал связным Силина совсем недавно, всего несколько часов назад.

Сначала, когда от своего закадычного друга Пантелея Дымова (в просторечии — Пантюшки), отец которого командовал рабочей дружиной на

табачной фабрике Лермана, Лешка узнал о готовящемся восстании, он вместе с приятелем попытался пристроиться в дружину Пантюшкиного отца. Но ребят сразу постигла неудача. Пантюшкин отец даже разговаривать с ними не стал и велел убираться с глаз долой, пока греха не вышло. Пришлось уйти ни с чем.

Впрочем, Пантюшка надежды не терял.

— Ты как хочешь, Леш, а я останусь,— сказал он.— Сейчас пойду к батю и при всех скажу: что же ты сына до революции не допускаешь! Пусть попробует не взять, я его на весь город ослаблю! Ты, Леш, не обижайся, я пойду, дело, сам понимаешь, какое...

Лешка понимал. Дело было не шуточное: революция!

Это слово — «революция» — с детства ходило рядом с Лешкой...

Матери Лешка не помнил: она умерла от родов. Самой значительной фигурой в его жизни был отец, работавший мастером на верфях Вадона. В Лешкином представлении он был образцом человека сильного, сурового и справедливого. В начале германской войны отца взяли на фронт, а когда грянула революция, стало известно, что он состоит в партии большевиков и находится в Петрограде, чем-то там командует...

Для Лешки это не было неожиданностью. С детства он знал, что отец — революционер. К отцу тайком ходили рабочие со всех херсонских предприятий. Случалось, что в их квартире подолгу жили незнакомые люди, о которых никому нельзя было рассказывать. Отец прятал их в тайнике, вырытом во дворе, под сараем. По ночам в чулане за кухней Николай Семенович (так звали отца) вел с ними долгие разговоры о царе, о за-

водчиках, о революции, и Лешка рано начал разбираться в таких вещах, о каких его сверстники и понятия не имели.

Иногда отец давал ему несложные поручения: сходить туда-то, найти такого-то человека, сказать такие-то слова. Слова были неожиданные и часто непонятные. Их надо было зазубривать, как стихи: «К Степану Петровичу приходили гости, хорошо выпили и разошлись, с чем пришли» или «Семен Васильевич поздравляет с христовым воскресеньем и просит прислать просфорочку»... Лешка с малолетства привык к тайне, к тому, что с людьми следует обходиться осторожно, а язык крепко держать на привязи. Он рос крепким, упрямым и неразговорчивым пареньком — немногословность вообще была семейным качеством Михалевых. Учился в гимназии, где чувствовал себя белой вороной среди обеспеченных сынков херсонских чиновников, адвокатов, торговцев и врачей с частной практикой.

Когда отец ушел на фронт, Лешка остался с сестрой Екатериной, существом безгласным и добрым. Их тетка Вера Порфирьевна, акушерка, выдала ее замуж за приказчика из магазина готового платья Павла Никодимыча Глущенко, человека «положительного и с будущим»: он копил деньги на собственное «дело» по продаже готового платья. Самодовольный, упитанный, с сытеньким брюшком и ранней плешью, он завел в доме свои порядки, «как в интеллигентных семьях». Лешка сразу и навсегда смертельно невзлюбил его. Каждая стычка с Глущенко слезами отливалась сестре, и Лешка научился отмалчиваться, не замечать шурина. Он еще больше ушел в себя. В глазах у него появился холодный пристальный блеск, точно в светлой, почти проз-

рачной их глубине мерцали крохотные чешуйки слюды. Екатерина, замечая этот блеск, вздохнула:

— Совсем ты, Леша, на папу стал похож, даже страшно до чего!

Лешка в письмах слезно просил отца взять его к себе в Питер, потому что он, Лешка, до последней капли крови за мировую революцию!.. Отец отшучивался, велел ждать. Видно, представлял его таким же маленьким двенадцатилетним пацаном, каким оставил, уходя на германский фронт. Посмотрел бы он, в какого детину вымахал сейчас его сынок!..

В это время и появился Силин.

Он пришел однажды утром, когда Глущенко не было дома, и сразу, на пороге еще сказал:

— Ага, ты, должно, и есть сынок Николая? Узнаю, похож. Ну, здоров. Привет тебе привез от бати и письмо.

— Вы с ним служили, наверно? — спросил Лешка, с уважением глядя на фронтовую шинель и папаху гостя.

— Служил, — усмехнулся Силин. — Зимний мы с ним вместе брали, такая у нас была служба...

Лешка провел его в комнату, хотел напоить чаем. Силин от чая отказался. Не раздеваясь, присел к столу и стал рассказывать про отца:

— ...Скоро его не ждите. Дела, брат, завариваются не шуточные. Воевать, видно, придется. Контра нашему брату, рабочему, Россию за здорово живешь не отдаст...

Он был разговорчив, как все бывшие фронтовики, после долгого отсутствия возвратившиеся в родные места.

— Николая метили назначить частью командовать, — говорил Силин, — он башковитый, батя твой. А меня, значит, сюда прислали...

— Кто послал?

— Кто... Партия послала. Большевистская партия, слышал про такую? Твой-то батя ведь большевик, ты это, брат, помни.

— А почему вас сюда, а отец там? — чуть не с обидой спросил Лешка.

— Каждому свое... Здесь дела много, там — еще больше. Люди всюду нужны...

Силин рассказал о себе. Родом он из-под Херсона. Воевал в Карпатах. Потом попал под полевой суд за большевистскую агитацию, ушел из-под расстрела, добрался до Питера и там встретился с Николаем Семеновичем, Лещкиным отцом. Рассказал, как брали Зимний дворец, как Ленина слушали на II съезде Советов.

В Херсоне Силин собирался работать в Союзе фронтовиков.

— Это тоже место ответственное, ты не думай! — сказал он. — Фронтовик нынче неустойчивый. Его, которые за контрреволюцию, легко могут с дороги своротить. А надо, чтобы он свою линию знал, чтобы с нами шел, понял? Это, брат, тоже не пирожки печь! Тут надо тонко, с соображением. — Силин повертел возле головы короткими пальцами с желтыми пятнами от табака.

Уходя, он сказал:

— Так что вот, Алексей-друг, ежели чего понадобится, иди прямо ко мне, не сомневайся. Николай велел за тобой приглядывать.

Лешка хотел поведать ему про свое невеселое положение, но почему-то не сказал, постеснялся.

Потом он встречал Силина то на митинге, то просто в городе, на улице. Силин расспрашивал про житье-бытье и каждый раз напоминал, чтобы Лешка шел к нему, ежели чего. Лешка говорил: «Хорошо», но так ни разу и не обратился за по-

мощью. Но вот, когда город начал готовиться к обороне, когда друг Пантюшка ушел с боем добывать у своего отца винтовку, Лешка уже не сомневался, что ему следует делать. Он отправился прямо в Союз фронтовиков, к Силину.

Первый раз за все время Силин встретил его неприветливо:

— Нашел когда прийти! Чего тебе?

— Возьмите меня к себе!..— нахохлившись от волнения, сказал Лешка.

— Это еще зачем?

— Как зачем! Что же мне сидеть с Глущенко, как последнему буржую?

— А здесь что ты будешь делать?

— Ну вот! Что я, стрелять не умею?

— Ишь ты, воевать захотелось! — протянул Силин.— Шел бы лучше домой, парень.

— Не пойду! — твердо и отчаянно заявил Лешка.— Будь дома отец, так я бы уж давно...— Про отца Лешка сказал с умыслом: пусть вспомнит, чей он сын.

Силин, прищурясь, словно впервые видел, оглядел крепкую, не по годам рослую Лешкину фигуру. Прикинув что-то в уме, поколебавшись, он вдруг спросил:

— Не трусишь?

У Лешки отчаянно забилося сердце.

— Не... я не струшу!..

Силин пожал плечами:

— Ну, оставайся, коли так, будешь при мне для поручений...

Так Лешка стал связным.

Вскоре он уже носился по ночному затаившемуся Херсону, разносил по заводам записки Силина. Он побывал на Забалке, на верфях и всюду видел одно и то же: формировались от-

ряды рабочих и, вооруженные чем попало — винтовками, охотничьими берданами, винчестерами и даже старыми шомпольными ружьями времен турецкой войны, — уходили в ночь, в темноту, на исходные рубежи предстоящего восстания. И было радостно чувствовать себя среди этих людей участником надвигавшихся событий.

Одно омрачало Лешкино существование: оружия у него не было, а попросить у Силина не представлялся случай...

НАЧАЛО

Возвращаясь с верфей Вадона, Лешка едва не наткнулся на немцев.

Отряд человек в тридцать шел по улице Говарда. Прячась в тени домов, Лешка двинулся следом.

Немцы свернули на Суворовскую и прошли ее насквозь, туда, где белело двухэтажное здание городского почтамта.

«Почту идут занимать», — догадался Лешка.

В конце улицы, чуть наискосок от почты, находился небольшой пустырь, заваленный строительным мусором.

Притаившись за грудой щебня, Лешка видел, как немцы взломали широкую трехстворчатую дверь почты и вошли внутрь. На улице остался патруль, человек пять. Забранные решетками окна первого этажа осветились.

Вернувшись в Союз, Лешка рассказал о виденном Силину. Тот нахмурился.

— Это точно?

— Точно!

— А у Вадона был?

— Как же. Велено передать, что все сделают.

И насчет Забалки чтобы не беспокоиться: там будет, как условлено.

— Добро. А как ты к почтамту попал, это вроде не по пути?

Лешка рассказал, как наткнулся на немцев и шел за ними до почты. Силин расспросил, сколько было немцев, как вооружены. Потрепал Лешку по плечу:

— Ишь ты, разведчик! Ну, посиди там, в зале, обожди меня.

Лешка вышел в зал, где в это время никого не было и только на скамье возле двери в комнату Совета сидел молодой парень-фронтвик и мотал серые, донельзя затрепанные обмотки. Лешка сел рядом с ним. У парня было безусое скуластое лицо, из-за воротника шинели выпятился край старого вафельного полотенца, которым он, как шарфом, обмотал шею. Полотенце было черное от грязи.

Надежно закрепив шнурок обмотки, парень распрямился, взглянул на Лешку и вдруг сдвинул редкие бесцветные брови.

— Ты кто такой? — подозрительно спросил он.

— А ты кто? — в тон ему отозвался Лешка.

— Я Николай Пахря, меня всякий знает. А ты кто — кадет?

— Дура ты! С чего взял?

— Но, но, не дурачись! — угрожающе сказал парень. — Думаешь, не видал я вашего брата?

— Вот и факт, что не видал. Не кадет я: гимназистом был.

— Гимназистом? — недоверчиво переспросил Пахря. — А шинелька-то, вроде кадетская. Небось врешь? Погоны снял, думаешь, и не видно тебя? Шпионить сюда пришел?

Пахря был одного роста с Лешкой и, по-видимому, одной с ним силы.

— Сам ты шпион! — наливаясь злобой, проговорил Лешка. — За такие слова, знаешь...

— Ты еще угрожать!

Не успел Лешка опомниться, как Пахря был уже на ногах и держал в руках винтовку.

— А ну, руки вверх! — заорал он, щелкая затвором. — Руки вверх, говорю, кадетская морда!

Лешка вскочил, сжимая кулаки...

Так они стояли друг против друга, когда в коридор вышел Силин вместе с командиром одного из отрядов — Костюковым, плотным, сутулым фронтовиком, с длинными, концами вниз, рыжими усами.

— Что у вас тут? — нахмурясь, спросил Силин. — Убери винтовку, Пахря.

— Подозрительный тип, товарищ Силин, — доложил тот, — кто такой неведомо.

— Убери винтовку, тебе говорят. Это свой человек, мой связной.

— Связной?.. Чего же он молчал?

— А чего кричать?

— Ну сказал бы, что свой, а то сразу на дыбки!..

Силин спросил Лешку:

— Ты можешь привести людей к почте?

— М-могу, — с трудом приходя в себя, вымолвил Лешка.

— Только пройти надо аккуратно, чтобы никто не заметил. Сможешь?

— Смогу, товарищ Силин.

— Бери его, Михайло, — сказал Силин Костюкову, — паренек ничего, боевой. — И он дружески подмигнул Лешке.

И тут Лешка решился:

— Товарищ Силин, винтовку-то дайте мне.

Силин перестал улыбаться.

— Винтовок нет. Какие были, роздали по заводам.

— А как же я...

— Что ты? Смотри, Алексей: отведешь людей и сразу назад. Под пули не лезь. Понял?

— Понял...— Лешка кусал губы.

Тут басом заговорил Костюков:

— Что же ты, Петро, посылаешь парня на задание, а оружие не даешь. Нехорошо.

— Ты-то уж молчи! Тебе бы только лишнего человека.

— А что: парень не маленький...

Силин взглянул на Лешкино огорченное лицо.

— Тьфу, незадача! Иди за мной...

С заколотившимся сердцем Лешка прошел за ним в комнату Совета. Здесь уже никого не было, только за столом сидел изможденный писарь. В углу лежала груда вещевых мешков. Силин достал свой мешок, порылся в нем и повернулся к Лешке:

— На, бери.

В руке он держал большой полицейский «Смит и Вессон». Лешка схватил револьвер.

— Обращаться умеешь? — спросил Силин.— Дай сюда...

Он переломил ствол, показал, как заряжать, потом отсыпал Лешке на ладонь длинные, тускло мерцающие медным блеском патроны.

— Ну, доволен? Теперь все. Жми! Надо успеть дойти затемно...

Выбирая самые тихие переулки, Лешка вывел отряд Костюкова к «почтовому» пустырю. Они

подошли через проходной двор со стороны, противоположной почтамту, где пустырь окаймляли глухие неоштукатуренные стены домов, обращенных фасадами на другую улицу.

Вместе с Лешкой в отряде было двадцать два человека. Они залегли под стенами.

Ночь шла на убыль. Рассвет вставал сырой, промозглый, но вверху, над туманом, все ярче голубело небо, обещая впервые за много дней светлую погоду.

...Это была, возможно, первая в Лешкиной жизни бессонная ночь, но усталости он не чувствовал. Все в нем напрягалось и дрожало от ожидания.

Он лежал на земле за грудой битого кирпича (было приказано не высовываться), подрагивая от сырости, и крепко сжимал теплую рубчатую рукоятку револьвера, который он как взял у Силина, так до сих пор и не выпускал из руки.

Рассветная мгла редела. Все отчетливей проступали распластанные на земле, неподвижные фигуры фронтовиков. Лешка с удивлением увидел, что некоторые из фронтовиков спят, уткнувшись в рукава шинелей. Костюков, облокотясь, смотрел в сторону почтамта. Рядом с Лешкой, в двух шагах, оказался его давешний знакомец — Пахря. Заметив, что Лешка смотрит на него, Пахря весело подмигнул и зашептал:

— Эй, связной... Дрожишь?

— Чего дрожать-то? — словно бы нехотя, отозвался Лешка.

На самом деле он был не прочь сейчас поболтать с парнем. Злобы к нему уже не было, а среди фронтовиков Пахря больше других подходил Лешке по возрасту.

— Сыро, не приведи бог, — пожаловался Пахря. — Сейчас бы сигарочку...

Он подполз к Лешке поближе и, улыбаясь широким ртом, зашептал:

— Ты чего давеча не сказал, что при Силине состоишь? Кабы не он, был бы ты покойник.

— Ну уж...

— Вот те и ну. Я, знаешь, какой? Я за революцию кого хошь могу уложить. Правда!

Его пнули сапогом в бок. Костюков издали грозил им кулаком. Пахря поднял руку, показывая, что все, мол, в порядке, понятно, еще раз подмигнул Лешке и вернулся на свое место...

Время тянулось медленно. Прошел час. Рассветло. Туман оторвался от земли и стал подниматься вверх, сбиваясь над крышами в серенькое облачко. Невидимое еще солнце подсветило его алым цветом. Холод стал ощутимей, пробирал насквозь. Лешке казалось, что он промерз до последней косточки...

Но вот, наконец, издалека, из центра города, со стороны городской думы, донесся неясный шум, словно где-то повалили дерево, и оно, с треском ломая ветви, тяжело ухнуло о землю.

Лешка оглянулся. Фронтовики поднимали голы прислушиваясь.

Через несколько секунд шум раздался снова. Теперь было отчетливо слышно, как беспорядочно, вперебой, лопались винтовочные выстрелы, потом коротко стрекотнул пулемет.

— Началось, — проговорил Пахря и зачем-то вытер рот рукавом.

«Началось... началось...» — стучало Лешкино сердце.

— Готовься! — вполголоса бросил Костюков. — Стрелять по команде, залпом.

Лешка осторожно выглянул из-за своего укрытия.

Возле почтамта встревоженно суетились патрульные. Из дому, застегивая шинель, выбежал худощавый молоденький офицер. Начальник патруля начал докладывать ему. Офицер закричал высоким пронзительным голосом, и патрульный, козырнув, побежал вдоль улицы в сторону выстрелов. Офицер ушел в дом. «Послал узнать, что там такое»,— догадался Лешка.

Вскоре посланный вернулся. Он мчался со всех ног, подобрав руками полы шинели. Винтовка болталась у него на спине. Он что-то крикнул патрулю и вбежал в дом.

— Чего ждем? — услышал Лешка голос Пахри.— Атаковать надо.

— Цыть! — Костюков, бешено округляя глаза, стукнул кулаком по земле.

Через несколько минут из дому показался офицер, вслед за ним начали выскакивать солдаты. Резко звучала команда. Солдаты быстро построились. Офицер прошелся перед строем, остановился, широко расставив ноги, и заговорил — слышались клохчущие, непривычные интонации его голоса.

— Прицел два,— раздался голос Костюкова.— Залпом по германской пехоте...— Мгновенье подумал: — За революцию... пли!

И не успел Лешка осознать слов команды, как грохнул залп.

В тупой глухоте Лешка расслышал лязг затворов и снова:

— Пли!

Немцев точно отмело к стене почтамта.

Поднялся Костюков и негромко деловито сказал:

— Айда в атаку.

Лешка бежал вместе со всеми, прыгая через груды мусора, что-то кричал...

Немцы отступали вдоль улицы. Некоторые стреляли на ходу. Лешка мельком видел, как невысокий пожилой солдат бросил винтовку и, приседая от ужаса, поднял руки. На него набегал Пахря...

Лешка догонял немца с широкой круглой спиной. Он видел, как под шинелью у того ходили лопатки, как взблескивали подковки на сапогах...

В конце квартала немец обернулся и выстрелил. Пуля свистнула возле самого Лешкиного лица...

От этого свирепого свиста, от внезапного сознания, что это сама смерть пронеслась рядом, Лешка оторопело остановился. Немец был уже около угла. Тогда, вспомнив о револьвере, Лешка поднял его и прицелился. Мушка запрыгала, потерялась на серо-зеленой шинели. Тяжелый револьвер дернулся, вырываясь из руки...

Лешка впервые в жизни стрелял в человека, и он не сразу уловил связь между своим выстрелом и тем, что произошло.

Немец вдруг метнулся в сторону, припал к стене дома и, прижимаясь к ней спиной, обернулся. Мясистое перекошенное лицо его на Лешкиных глазах обмякло и посерело. Роняя винтовку, он пошарил рукой по стене, нашел водосточную трубу, вцепился в нее и стал медленно садиться на землю. Пальцы его скользили по запотевшей от сырости трубе, оставляя на ней мокрые следы. Потом он упал...

Лешка осторожно подошел к нему.

Немец лежал ничком, подогнув ноги, и на его шинели, между лопатками, где вошла пуля, виднелась маленькая рваная дырочка.

Лешка стоял, потрясенный серьезностью происшедшего. Все, что было до сих пор, казалось теперь мелким, не стоящим внимания. «Игра в революцию» кончилась. Теперь Лешка становился человеком, окончательно и бесповоротно выбравшим свой путь в жизни.

Если Лешка и не сказал себе всего этого, то во всяком случае так он чувствовал. А слов было только два: «Вот оно...»

Он оглянулся. Улица опустела, несколько убитых лежало на мостовой. За углом хлестали выстрелы и слышались крики.

Лешка поднял винтовку убитого им немца и, не оглядываясь, побежал туда, где вели бой его товарищи.

Весь день — двадцатое марта — Лешка пребывал в каком-то лихорадочном, тревожно-радостном угаре. Впоследствии он никак не мог припомнить, что было раньше, что позже. Все смешалось в его памяти в один пестрый, грохочущий клубок. Он был возле думы, врывался в белый особняк херсонского миллионера Соколова, где находился немецкий штаб, громил оружейный магазин Фрикке на Суворовской улице. Потом все с тем же небольшим отрядом Костюкова он попал на улицу Говарда и видел, как фронтовики отбили у немцев десять грузовиков, на которых те пытались вырваться из города. Два подорванных гранатами грузовика образовали баррикаду, перегородившую проезжую часть улицы. Немцы залегли под колесами уцелевших автомобилей и открыли пулеметный огонь. Фронтовики пошли в штыковую атаку... А потом на одном из захваченных грузовиков Лешка носился по городу

и вылавливал прятавшихся по дворам и чердакам немецких солдат...

К вечеру Херсон был свободен. Но не надолго. Уже на следующее утро отступившие к Николаеву остатки немецких и гайдамацких отрядов вернулись с подкреплением.

И все началось сначала. Дрались на Забалке, в Сухарном, у вокзала и на кладбище, у больницы Тропиных и в Военном Фортштадте. В портовых мастерских чинили пулеметы и винтовки. Херсонские мальчишки сновали по передовой, собирая расстрелянные гильзы. Во многих дворах чадил жаровни — там отливали пули. По улицам то и дело проходили отряды Красного Креста. Все городские лечебницы были забиты ранеными.

Наконец восставшим удалось выбить немцев из Херсона и отбросить их почти на тридцать километров от города. Власть перешла в руки Совета пяти, созданного из представителей фронтовиков и рабочих.

Было ясно, что нового наступления немцев ждать придется недолго. Однако обстоятельства сложились так, что город получил небольшую передышку. Вспыхнуло восстание в Николаеве. Рабочих и фронтовиков там было значительно больше, чем в Херсоне, но и немецкий гарнизон намного сильнее. На подавление николаевского восстания были переброшены германские и австро-венгерские части. Ходили слухи, что ими руководит недавно прибывший с Западного фронта генерал Бем-Ермоли...

События в Николаеве на время отвлекли внимание немцев. В эти дни нельзя было узнать некогда тихий патриархальный Херсон. Он заметно опустел с тех пор, как фронт отодвинулся от города. Оживленно было только в рабочих районах.

На центральных улицах царило безлюдье и пугливая тишина. По вечерам сквозь заложённые ставни редко-редко пробивался наружу неосторожный луч света. На дверях магазинов висели пудовые замки. Витрины покрылись черными листами гофрированного железа. В ожидании лучших времен жители предпочитали не показываться на улицах.

С утра за город тянулись угрюмые колонны херсонцев с кирками и лопатами. По приказу оперативного штаба восставших они шли строить укрепления...

Однажды, пробегая мимо одной из таких колонн, Лешка услышал, как его окликнули. Человек тридцать обывателей, одетых так, словно их отправляли в сибирскую ссылку, шли по Кузнечной улице. Их сопровождали двое рабочих с винтовками. В конце колонны Лешка увидел Павла Никодимыча Глущенко. Шурин был в высоких болотных сапогах, стеганой телогрейке и старой кепчонке с пуговицей на макушке. Он отчаянно моргал, делая Лешке знаки подойти. Лешка сразу понял, что нужно шурина. Глущенко, конечно, будет просить, чтобы Лешка помог ему освободиться от трудовой повинности — с такими просьбами в штаб восстания приходили многие.

«Как же, дождешься ты от меня! — подумал Лешка. — Другим работать, а тебе, значит, дома сидеть? Ничего, потрудись на революцию!»

Он сделал вид, что не понимает сигналов шурина, и убежал.

За все это время Лешка только один раз бывал дома. Он предстал перед домашними опоясанный широким кожаным ремнем, подаренным ему Пахрей; на ремне висел револьвер в желтой скрипящей кобуре — Лешка раздобыл ее в кон-

фискованном фронтовиками оружейном магазине.

Глущенко не стал с ним разговаривать. Он презрительно оглядел Лешку с головы до ног и ушел в другую комнату. За дверью негромко и зло прошипел:

— Папашенькин сынок, ничего не скажешь!..
Лешка ухмыльнулся.

Екатерина, увидев брата, заплакала:

— Что ты делаешь, Лешенька! Убьют тебя где-нибудь! Что я папе скажу?

— То и скажешь, что убили,— жестко ответил Лешка.— Не бойся, ничего тебе не будет. Папа поймет...

Он сказал, что состоит связным при Силине и, если Екатерине понадобится что-нибудь, пусть приходит прямо в штаб, он, Лешка, поможет.

Потом, уступая просьбам Екатерины, съел тарелку борща и сменил белье. Он чувствовал себя взрослым и сильным человеком.

Силин был теперь членом оперативного штаба восставших. Лешка большую часть времени проводил в Ново-Петроградской гостинице на Ганнибаловской улице, где располагался штаб.

С утра и до позднего вечера в штабе не прекращался шумный людской круговорот. Шли рабочие и жены рабочих, крестьяне из окрестных деревень, обыватели. Сюда приводили спекулянтов, сильно набивших базарные цены на продукты, мародеров, воришек и прочий темный элемент, оживившийся в первые дни восстания. Большинство задержанных отпускали, посулив в следующий раз разделаться с ними, как положено, самых заядлых уводили за город и там расстреливали. Возиться с ними было некогда.

Город готовился к обороне.

На помощь восставшему Херсону прибыл из Севастополя военный корабль с отрядом революционных матросов. Их встреча была похожа на праздник.

Лешка прибежал в порт вместе с огромной толпой горожан. Люди наводнили пристанские спуски, ребятишки облепили заборы и крыши портовых сооружений.

Широкий, осадистый военно-морской заградитель «Ксения» медленно и торжественно развернулся и, загнав под пристанские сваи пенную волну, ошвартовался. Молодцеватые, перекрещенные по груди пулеметными лентами матросы сошли на берег. На их поясах угрожающе брякали гранаты. Похожие друг на друга, точно морские братья, они построились у пирса, красуясь выправкой и вооружением.

Кто-то крикнул:

— Да здравствуют черноморцы!

И толпа, взорвавшись приветственным ревом, кинулась к матросам. Их растащили в разные стороны, обнимали, хлопали по плечам. Командира отряда, коренастого здоровяка в широких брезентовых штанах, затеяли качать. Он взлетел над толпой, одной рукой придерживая гранаты и маузер, другой стараясь ухватиться за шею кого-нибудь из качавших его людей.

— Стой! — сипло кричал он. — Стой, говорю, вашу мать!.. Дай слово бросить!..

Наконец ему удалось облапить высокого вадоновского металлиста. Держась за его могучую шею, матрос сорвал с головы бескозырку, обвитую двухцветной георгиевской лентой, и выкрикнул:

— Привет геройскому Херсону! Дадим немцу жару, ур-ра!..

— Ур-ра-а! — подхватила толпа. В воздух полетели шапки.

Матрос отпустил металлиста и откинулся на спину:

— Качай дальше!..

И снова взметнулись над головами его кирзовые солдатские сапоги, замелькала, разлетаясь на тонком ремешке, деревянная кобура маузера.

После короткого митинга матросы построились и прямо из порта отправились занимать оборону туда, где в ковыльной прихерсонской степи легли линии окопов. Толпа провожала их через весь город.

В тот же день в Херсоне появились оборванные люди с винтовками. Их покрывала копоть и пыль. Некоторых вели под руки, а то и несли на носилках, сооруженных из жердей и шинелей. На запыленных бинтах чернели пятна крови. Это были николаевские повстанцы, которым удалось пробиться к Херсону сквозь кольцо немецких войск...

А на следующее утро на подступах к Херсону прозвучал первый орудийный выстрел — подошли немцы.

Началась неравная борьба за город.

НА ЧАСАХ

Силин позвал Лешку:

— Вот что, парень, мне с тобой разговаривать недосуг, так без возражений... Людей у нас мало, каждый человек на счету, а штаб тоже надо охранять, правда? Так вот: из связных я тебя списываю, и будешь ты состоять в караульной команде. Ясно тебе?

Лешке было ясно: о том, чтобы попасть на передовую, нечего и думать.

— Как же, товарищ Силин... — начал было он. Но тот не дал ему продолжать. Придавив ладонью какие-то бумажки на столе, он сказал негромко и решительно:

— Вопрос ясен. Иди к Ващенко, начальнику караульной команды, и доложишься. Всё! — Взглянув на покрасневшего от обиды Лешку, он добавил мягче: — Не торопись ты, друг Лешка, на тот свет! Право слово, не торопись. Дёла впереди ой-ой!..

Спорить было бесполезно.

— Есть,— сказал Лешка, сжал зубы и отправился в караульную команду.

...Это было просторное помещение в первом этаже, где в ряд стояли дощатые топчаны с соломенными тюфяками и роскошные никелированные кровати, перенесенные сюда из гостиничных номеров. Посередине комнаты были составлены в козлы винтовки. На столах валялись уплощенные солдатские котелки и огрызки снеди. Трое свободных от караула фронтовиков спали, не раздевшись, на кроватях.

Длинный, худой и добродушный начальник караула Ващенко, увидев Лешку, засмеялся:

— Ага, засадили горобца за железные прутья, а ему бы летать да летать!.. Ничего, ординарец, привыкай к дисциплине, така солдатская доля. Ну, сидай и слухай, яка у тебе буде служба...

Через час Лешка уже стоял часовым у входа в гостиницу.

Издалека, с запада, катился орудийный гул. Там, на подступах к Херсону, было настоящее дело. Там дрались насмерть черноморские мат-

росы, там были Костюков и Пахря, с которыми Лешка успел сдружиться за это время...

А в городе пусто, безлюдно. Ветер нес пыль и песок по притихшим улицам. Редко показывались прохожие. Они шли торопливо, прижимаясь к домам, и испуганно оглядывались каждый раз, когда вздрагивала земля, донося тяжелый артиллерийский удар...

За то время, что Лешка стоял на посту, если не считать запыленных, падающих от усталости ординарцев, к штабу подошло всего несколько человек.

Двое крестьян — один бородач в зимней шапке, другой, помоложе, белобрысый, веснушчатый и вислогубый — спросили:

— Де тут бильшевики, як керують всим дилом?

Оказалось, что они приехали на баркасах из Алешек, привезли продовольствие и обратным ходом могут захватить раненых.

Лешка направил их в канцелярию штаба.

Заплаканная старая женщина пришла узнать о судьбе своих сыновей. Всхлипывая, прикрывая платком морщинистый рот, она жаловалась Лешке, что вот «ушли ее лайдаки, не сказавшись, а теперь неведомо, вернутя или нет. Где тут начальство, которое знает?..»

Лешка сказал, что из начальства сейчас никого нет, все ушли на передовую, а сыновья женщины в свое время вернутя, пусть не плачет.

Женщина спросила:

— А ты кто, сынок, будешь?

— Часовой я, — ответил Лешка, — штаб охраняю.

— Вот и моих бы поставили, — вздохнула женщина, — они отчаянные...

— Идите, мамаша, домой,— сказал Лешка.—
Слышите: стреляют.

И она ушла.

Потом из-за угла, из Успенского переулка, появился коренастый парень в длинной гимназической шинели и фуражке, заломленной, по моде старшекласников, на манер бескозырки. Он вскользь глянул на Лешку и перешел на другую сторону улицы. Лешка узнал его: это был Виктор Марков, учившийся с ним в одной гимназии на класс старше.

«Чего шляется? — подумал Лешка, проводив его глазами.— Революционер лабазный...»

В гимназии Марков считался силачом и всегда бывал заводилой в драках. Отец его имел мельницу за Днепром и речную баржу. После революции дела Маркова-старшего пошли худо, и он куда-то исчез из города, а Виктор остался в Херсоне с матерью. Лешка иногда встречал его на митингах. Виктор носил черную косоворотку и, случалось, даже выступал с речами от партии социалистов-революционеров. Язык у него был хорошо подвешен; он умел сыпать красивыми словами о спасении революции от анархии и большевиков.

Перейдя улицу, Марков вдруг словно вспомнил что-то, повернулся и направился прямо к Лешке.

— Здорово! — сказал он, подходя и широко улыбаясь.— Старый знакомый!

— Здорово,— буркнул Лешка.

— Ишь ты какой стал! — сказал Марков, окидывая взглядом Лешкину винтовку и желтую кобуру.— Не человек — арсенал!

Он засмеялся, обнажая розовую, усаженную крепкими зубами десну. У него были твердые

скулы, выпирающий вперед подбородок. На левом виске небольшое родимое пятно. Он смотрел на Лешку, щуря узкие серые глаза, и, видимо, старался вспомнить его фамилию.

— Иду мимо, думаю: он или не он? Потом смотрю: нет, не ошибся! Так. Значит, караулишь?

— Караулю.

— Что ж, дело нужное. Закуривай.— Он достал из кармана кожаный портсигар.

— Не курю.

— Зря. С папиросой стоять веселей.— Марков закурил, оглянулся и по-простецки спросил, осклабясь: — Как же это ты в красные солдаты попал?

— А что мне с немцами, что ли? — угрюмо проговорил Лешка. Самоуверенный, явно навязывающийся в знакомые Марков раздражал его. «Что ему надо? — думал Лешка.— Чего пристал?..»

— Я не говорю...— Марков пожал плечами, выпустил изо рта струйку дыма.— Но ведь и здесь гиблое дело.

— Что?

— Да все вот это. С немцами нам не совладать. Они одной артиллерией кашу наделают. Слышишь, как дают?

Лешка не вытерпел. Там люди кровь проливают за революцию, а этот здесь болтает на манер Глущенко.

— Вот что, — сказал Лешка и сдвинул пальцами винтовочный ствол, — иди отсюда, здесь стоять нельзя.

Марков поднял брови.

— Какие строгости!.. Ну ладно, мне самому некогда с тобой лясы точить. Да, кстати, надо бы зайти сюда, к вам...

- Зачем?
- Есть дельце.
- Какое дельце?

За Лешкиной спиной хлопнула дверь, слышались шаги Ващенко.

— Да так, пустяки,— сказал Марков,— насчет хозяйства. Можно и в другой раз, терпит. Ну прощай, пойду.

— Прощай.

Марков кивнул Лешке головой и отошел.

— Кто такой? — спросил, проходя, Ващенко.

— Так, один... В гимназии вместе учились. Купеческий сынок. Болтал разное...

— Я его в другой раз примечаяю,— сказал Ващенко,— шляется тут! Ну як служба иде?

— Какая это служба!

Ващенко добродушно усмехнулся:

— Не сумуй, горобец, приїде и до нас стояще чло.

Над домами волоклись клочья низких дымных облаков. Вдали тупо и настойчиво долбили землю артиллерийские разрывы.

Ващенко и Лешка долго стояли рядом прислушиваясь.

Свернув за угол, Марков ускорил шаги. В конце квартала он остановился и посмотрел по сторонам. Никого не заметив, он хотел уже идти дальше, но в это время за его спиной раздалось осторожное покашливание.

Высокий поджарый человек в солдатской шинели и кожаной фуражке стоял под извозничьим навесом в нише большого каменного дома. Можно было подумать, что это один из жильцов вы-

шел покурить на ветерке. Марков подошел к нему.

— Вы здесь, господин...

— Тише! — остановил его человек. — Господа устранены в прошлом году, — сказал он медленно, четко выговаривая каждый слог. — Вы видели нашу знакомую?

— Нет, не удалось.

— Почему?

— Совершенно непредвиденный случай: на часах у входа стоит мальчишка, который знает меня по гимназии. Я не рискнул.

— Так. Что же вы собираетесь теперь делать?

— Я, право же, не знаю. Надо подождать...

Человек в шинели слегка оттянул рукав с кисти. На его запястье, под серым шинельным сукном, оказались дорогие часы на массивном золотом браслете.

— Повидать нашу знакомую есть необходимость в ближайшие два—три часа максимум, — сказал он. — Не уходите далеко. Выберете момент, когда там будет более людей и когда сменят этого... вашего мальчишку. Помните: только два—три часа! — Он погасил папиросу о стену дома, хотел бросить, но, подумав, положил окурочек в карман. — Я имею надежду на вас... Вас зовут Виктор, вѣктори — это значит победа. — Он улыбнулся тонкими и точно завернутыми внутрь губами.

— Я постараюсь... — сказал Виктор.

— Желаю удачи. Вы знаете, где меня разыскивать?

— Да, конечно.

— Хорошо, я жду.

Не поворачивая головы, человек в шинели об-

вел глазами улицу, сунул одну руку за пазуху и, не прощаясь, неторопливо пошел по тротуару.

Теперь со стороны он казался раненым фронтовиком.

ПАНТЮШКА ДЫМОВ

Лешка был недоволен жизнью. За три дня, что он нес скучную и, как ему казалось, никому не нужную службу в карауле, у него притупилось ощущение того, что сам он принимает участие в боевом и славном деле обороны города. События двадцатого марта, первый бой у почтамта, разгром оружейного магазина — все это казалось ему теперь далеким, смутным, как во сне, точно происходило не с ним, а с каким-то другим посторонним человеком.

Между тем положение в Херсоне становилось угрожающим. Покончив с Николаевом, немцы бросили на Херсон две дивизии численностью более двадцати тысяч штыков. Это почти втрое превосходило силы защитников города. Фронт постепенно приближался к городским окраинам, с каждым днем все отчетливей слышалась оружейная канонада.

Несколько раз над Херсоном появлялся немецкий самолет и сбрасывал листовки. Командующий немецкими войсками обещал через несколько дней захватить Херсон и приказывал прекратить сопротивление.

Бои шли жаркие. Станции и деревушки на подступах к Херсону — Снегиревка, Станислав, Бобровый Кут, Александровка — переходили из рук в руки. Ряды защитников Херсона таяли, а немцы становились все наглее. Неожиданным рейдом у станции Копани они захватили боль-

шой обоз с фуражом, провиантом и боеприпасами. В городе поговаривали о предательстве.

Обо всем этом Лешка узнавал со слов, оброненных на ходу вечно спешащими ординарцами, да из обрывков случайно услышанных разговоров штабных работников. Он чувствовал себя посторонним, ненужным, и в нем, вместе с обидой на Силина, который отстранил его от настоящего дела, назревало желание плюнуть на все и бежать на передовую, к Костюкову. Уж там бы он показал себя!..

Неожиданно все изменилось. И Лешка оказался в гуще таких событий, о которых и не помышлял.

Началось оттого, что к Лешке в штаб явился его старый друг Пантюшка Дымов.

Сменившись с очередного караула, Лешка пошел добывать еду в гостиный двор — там, готовясь ехать на передовую, топилась захваченная у немцев походная кухня. Получив ломоть хлеба и котелок пшенной каши, Лешка уныло съел их, сидя на каменной тумбе в углу двора. Повара задраили котел, погасили огонь и впрягли в кухню пегую лошадь. Потряхивая длинной трубой с железным колпаком наверху, кухня выехала за ворота. Двор опустел. Лешка поплелся в караулку.

Первый человек, которого он увидел, войдя в комнату, был Пантюшка. Он сидел возле стола, держа между колен короткую кавалерийскую драгунку.

— Эге, здорово! — обрадованно сказал Лешка.

Пантюшка поднялся ему навстречу. Лешка сразу заметил в нем значительные перемены. Прежде всего Пантюшка был ранен. Левый рукав его черной, перешитой из матросского буш-

лата куртки свободно болтался: рука была подвешена на полосатой косынке. Пантюшка осунулся, под глазом у него темнел сине-желтый кровоподтек.

— Ты откуда взялся? — спросил Лешка.

— Не спрашивай, — хмуро ответил он. — Всюду был — цейхгауз брал, на передовой околачивался, вот пришел...

— Что так?

— Прогнали...

— Из-за руки, что ли?

Пантюшка не ответил. Помолчав, он насупился и сказал:

— Я за делом пришел.

— Ну?

— Устрой меня, Леш, к вам, хотя бы... Хожу, как неприкаянный.

— Вот те раз! — удивился Лешка. — Да ты расскажи, что было?

Пантюшка сел на табурет, с подозрением посмотрел на двух спящих в углу фронтовиков.

— Чего рассказывать... — неохотно начал он. — Как мы с тобой разошлись, пошел я к батю и говорю: «Принимай в отряд и все тут, небось, — говорю, — чужих сыновей тебе не жаль!..» Ты моего батю знаешь. Оскалился и на меня: «Я вот тебе покажу, — говорит, — кого мне жаль, а кого не жаль!..» А кулаки у него, известно какие, — почище свинчатки. Ну, я связываться не стал, ушел и думаю: «Тоже мне революция, когда человеку ходу не дают. Без вас обойдусь». Стал тебя искать — не нашел. Что делать? Добыл дрын железный, сам, думаю, буду воевать. Всю ночь по городу шатался, приглядывался к немцам. Потом вижу: идут куда-то фронтовики. Я за ними. Они в засаду сели возле цейхгауза, и я недалеко пристро-

ился. На рассвете, когда вся буча заварилась, те фронтовики давай цейхгауз брать. Пальба началась, фронт! Немцы побежали. Я за углом приспособился и, как немец выскочит, я его дрыном по каске — р-раз! Он с карачек. Другой выскочит, я и другого. Штуки четыре немцев уложил!..

— Ты не завирайся,— предупредил Лешка.

— Вот как бог свят! — воскликнул Пантюшка.

Впрочем, он не стал задерживаться на доказательствах и продолжал:

— Как взяли цейхгауз, я, конечно, винтовку раздобыл и уже от тех фронтовиков не отставал. Ребята хорошие, командир у них Павленко фамилия, и меня не гнали. Стал я с ними ходить...

— А сюда почему не заглядывал? — спросил Лешка.— Не видал я тебя.

— Сюда не ходил, чтобы бату не встретить. Да и почему я знал, что ты здесь... Ну вот. После, значит, ушли мы на передовую. Ох, что там было, Леш! Матросы немцев гранатами глушат, что твоих карасей! Я там, к слову, про тебя узнал, что при Силине состоишь, сказал один фронтовичок, молодой такой, зубастый.

— Пахря, должно быть?

— Пахря, верно! Мы с ним по соседству были. Ну вот. Вчера вечером, как подзатихло, сели вчерять, вдруг откуда ни возьмись — идет!

— Кто идет?

— Да батя мой! К нему, понимаешь, сестренка, Верка, прибежала, еду из дому приносила, конечно, плачет, дура, и говорит про меня, что, мол, пропал, может, даже убили где-нибудь. Батя, конечно, в расстройство. А тут кто-то ему и скажи, что видел меня на передовой у Павленки... Ну, конечно, берет за грудки и давай че-

стить из души в душу, это при всех-то. Мне бы промолчать, а я возьми да ляпни: несознательный ты, батя, человек! И про революцию загнул, что, мол, не понимает... Ну, тут он и разошелся. Вон какую красоту под глазом посадил, людям стыдно показаться!..

— Да-а,— протянул Лешка, разглядывая синяк.— Приложил крепко.

— Это что! — поморщился Пантюшка.— Синяк — это бы ничего, так он давай меня с передовой гнать. И Павленке сказал и другим командирам, чтобы не пускали больше... А там, Леш, дела-а! Твой-то Пахря со своими ушел в ночь на какое-то особенное задание, я бы тоже мог пристроиться, кабы не батя.

— Куда они ушли? — с ревнивым чувством спросил Лешка. Об отряде Костюкова он привык думать, как о своем отряде.

— Точно не знаю,— сказал Пантюшка,— говорили, на какой-то железнодорожный разъезд. Теперь, Леш, мне другого выхода нет, как только сюда. Ты скажи, можешь пристроить меня или нет?

— Попробую. А как же с твоей рукой? Не помешает?

Пантюшка стрельнул глазами в угол и, понизив голос, сказал:

— Рука — пустяк! Царапнуло слегка еще в первый день. Я ее для красоты подвесил. Засмеют ведь на нашей улице, если узнают. А так каждому видно: раненый человек. Рука здорова!

Он выпростал руку из повязки и повертел ею в воздухе.

Это значительно меняло дело. Лешка сразу почувствовал себя уверенней: настоящая боевая рана ставила Пантюшку в один ряд с бывалыми

фронтовиками. Теперь же они оказывались на равном положении.

— Хитер ты, — засмеялся Лешка. — Тряпку свою сними, Силин увидит, не возьмет.

Пантюшка поспешно — через голову — снял козынку, запихнул ее в карман, встал, надел винтовку.

— Пошли!..

МРАЧНЫЕ НОВОСТИ

В маленькой канцелярии, где около окна сидели писаря, их обогнал ординарец. Влетел в штабную комнату и захлопнул дверь. Лешка сунулся было за ним, но оттуда раздался окрик: «Обожди!»

— Садись, — сказал Лешка, указывая на стул. — Освободятся, тогда зайдем.

Вскоре дверь открылась, из комнаты вышла женщина в черном платье, молодая, сухопарая, с гладкими, расчесанными на пробор желтыми волосами. Мельком взглянув на ребят, она села за стоявший возле двери канцелярский стол, на котором громоздилась пишущая машинка. Лицо у женщины белое, веки приспущены, губы поджаты неприступно и презрительно. Это была машинистка Совета, работавшая здесь с тех пор, как штаб переехал в гостиницу.

У Пантюшки при виде этой женщины как-то сам собой раскрылся рот. Он тронул Лешку за рукав:

— Леш, а Леш, это кто?..

— Постой! — отмахнулся Лешка.

Дверь в штабную комнату осталась открытой. Отчетливо доносились голоса:

— ...Где это получилось?

— На самом разъезде... — задыхаясь, говорил

ординарец. — Хотели они оборону занять, а немцы тем часом сидели, попрятавшись, на огородах... Вот тут и началось...

Лешка не успел еще понять, о чем говорят, но упоминание о разъезде, куда, по словам Пантюшки, ушел отряд Костюкова, наполнило его тревогой, каким-то неясным предчувствием беды.

— По порядку докладывай, как было! — сказали за дверью. По густому, с энергичной хрипотцой голосу Лешка узнал Попова — одного из членов Совета пяти, большевика.

— Было, стало быть, так... Пошли они на разъезд, как приказано... Днем наши ходили туда на разведку, все кругом обшарили, немцев не было...

— Немцам разъезд ни к чему, — пробасил кто-то.

— Пришли... Все кругом тихо, никого не видно. Только стали оборону копать, а тут их пулеметами со всех сторон и зачали косить — засада!..

— Костюков живой?

— Какое там! Двое только и ушли, в больницу Тропиных отправили. Один так совсем кончается. Люди говорят — предали их...

У Лешки перехватило дыхание. Он растерянно оглянулся, точно желая убедиться, что он услышался, что этого не может быть... Пантюшка, бледный, смотрел на него круглыми потемневшими глазами.

— Слышал?

— Слышал... Я ведь, Леш, с ними хотел идти...

Лешка, не отвечая, провел ладонью по щеке... Убили Костюкова... Как же это? Лешка вспомнил его кряжистую, плотную фигуру, крупное,

морщинистое лицо с рыжими запорожскими усами. Такого, казалось, даже повалить невозможно, не то, что убить... А Пахря?! Неужели и он... Шумный, крикливый, никогда не унывающий Пахря, с лукавыми, прозрачными, словно капли голубой воды, глазами...

Постепенно, точно издалека, до Лешки стал доходить решительный голос Попова:

— Предательство это или что иное — разбраться надо. Не в том сейчас гвоздь. Если немцы на разъезде, обстановка складывается совсем по-новому. Смотрите...

Через открытую дверь было видно, как в мутной от табачного дыма комнате несколько человек склонились над картой.

— Разъезд вот где... — говорил Попов. — Отсюда прямой удар по нашему правому флангу, почему мы и хотели укрепить его. Понимаете теперь, что грозит? Если немцы здесь нажмут, к вечеру ждите их в Херсоне.

Писаря около окна тревожно переглянулись. Машинистка, согнувшись над столом, разбирала чьи-то торопливые каракули. За дверью несколько секунд молчали, потом кто-то неуверенно проговорил:

— Людей сюда надо бы...

— Где ты их возьмешь, людей? — возразили ему.

— Перебросить придется...

— Откуда?..

Некоторое время ничего. нельзя было разобрать: все говорили одновременно. Когда наступила тишина, послышался негромкий голос Силина:

— Чего кричать-то! Попов правильно судит.

Фланг нельзя оставлять открытым — это факт. Откуда взять людей? А вот откуда...

Силин предложил перебросить к разъезду отряд черноморских матросов. Это, конечно, сильно ослабит центр, где они теперь находились, но немцы, по-видимому, отказались от надежды пробиться в центре: вот уже второй день они усиливают нажим на флангах, а на участке черноморцев — затишье.

— Набили себе шишек, больше в центре не полезут, — спокойно, точно рассуждая о домашних делах, говорил Силин. — Оставим здесь заслон с пулеметами и хватит пока. Пусть матросы выбьют немца на фланге, а там их и на прежнее место можно вернуть...

Предложение обсуждалось долго, шумно и наконец было принято.

Из комнаты Совета вышли Силин, Попов, еще один из штабных — громоздкий, мрачного вида фронтовик Киренко и ординарец, сообщивший о гибели костюковцев. Подвижной, черноволосый, в штатском поношенном пиджачке, Попов подошел к машинистке:

— Пишите.

Она невозмутимо, как автомат, заправила в машинку два листа бумаги, проложенные копиркой, выжидательно положила пальцы на клавиши.

— Командиру революционного отряда севастопольских матросов товарищу Мокроусову, — начал диктовать Попов.

Силин, заметив Лешку, подошел к нему.

— Ты что здесь? — И, не дожидаясь ответа, сказал: — Будет до тебя дело, Алексей. Пойдешь со мной в больницу Тропиных, по дороге рас-

скажу. Слышал, Костюков-то с отрядом в засаду попал?

Лешка кивнул. Силин помолчал, глядя в пол. На его щеках лежали тени.

— Так-то вот... Поди к Ващенке, скажи, что я тебя беру. А это кто такой? — Казалось, Силин только сейчас заметил Пантюшку.

— Дымов, Пантелей. В караульную команду просится, — ответил Лешка. — Его отец на табачной фабрике дружину организовал.

— Тимофей Дымов?

— Ну да.

Силин внимательно оглядел Пантюшку.

— Ладно, пусть идет с нами, — сказал он, — может, сгодится.

Пантюшка вытер залоснившийся лоб. Конечно, сгодится! Уж кто-кто, а он-то!..

СВЕТСКИЕ ЗНАКОМСТВА

И вот они идут втроем вдоль пустынной Ганнибалловской улицы: рослый, широкий в плечах фронтовик и два паренька — долговязый белочубый Лешка в гимназической шинели с револьвером на поясе и коренастый, крепкий Пантюшка, повесивший драгунку на плечо стволом вниз, что считалось особым шиком.

Весна наконец наладилась. Город был залит предвечерним солнцем. Поутихший ветер нес ароматы смолы, набухающих почек, выдувал из дворов запахи сырой земли и преющих листьев. Веселые воробьи ворошили пыль на мостовой. И только безлюдье да отрывистая дрожь недалекой канонады напоминали о грозной военной судьбе осажденного Херсона.

Силин повел себя странно. Молча пройдя не-

сколько кварталов, он вдруг кинул взгляд по сторонам и свернул в один из дворов. Здесь было пусто. В углу двора под голыми деревьями стояли вкопанные в землю круглый стол и вокруг него — низкие скамейки. Силин указал на них ребятам:

— Сядьте.

Сам он сел напротив.

— Ну, хлопцы, вострите уши, что буду говорить!..

Глаза его смотрели не улыбочиво, строго, и Лешка ощутил холодок между лопатками от предчувствия, что разговор будет действительно серьезный и важный.

— Дела, значит, такие...— начал Силин.— Только смотрите, хлопцы, язык!..— Он поднес ко рту сжатый кулак.

— Ясно.

— Не маленькие,— вставил Пантюшка. Ему очень хотелось понравиться Силину.

— Ну, ну, это я так, на всякий случай. Так вот, слушайте... Положение у нас сейчас тяжелое, людей мало. Немцев раза в три больше. Патронов не хватает. Худо! А должны мы продержаться, пока помощь не придет. Но вот какая стала наблюдаться штукавина: чуть у нас где слабина — немцы тут как тут. Вот, к примеру, Костюков с людьми... Шли они на чистое место, немцами там и не пахло, а пришли в засаду. Думаете, спроста это? Неспроста! Кто-то немцам дорогу указывает! А кто?.. Тут она и есть загвоздка. — Он помолчал, подвигал кустистыми бровями и продолжал, словно думая вслух: — В штабе у нас база, ходят всякие, кому не лень. Тут тебе и эсеры, и самостийники, одного видел, так я точно знаю: бывший офицер, монархист, сволочь! На днях попа поймали, с немцами связь держал...

Самому-то мне недосуг заняться порядком, вот и ходят... Короче, хлопцы, так. — Силин положил кулаки на шершавые доски стола. — Надо того шпиона изловить, который нас немцам выдает. И вот тут-то нужна мне ваша помощь! — Наваливаясь грудью на стол, он твердо и пристально посмотрел на ребят. — Слушайте: пока вы будете находиться при штабе, надо вам присматривать, кто приходит, с кем разговаривает, по какому делу. Если заметите что-нибудь подозрительное — сразу ко мне. Бывает, явится человек, ничего из себя особенного, ходит, ляды точит, а сам слушает, примечает и мотаает на ус. Это — раз. А то, может, у него связь с кем из штабных. За этим особенно доглядывать надо. Враг в штабе — это последнее дело. Понимаете теперь, что от вас требуется?

— Понятно, товарищ Силин, — ответил Пантюшка.

— Дальше. Действовать надо с соображением, чтобы никому и не помнилось, чем вы заняты. Связь будете держать со мной, ну еще с Поповым — он в курсе дела. Другим ни гу-гу!.. Если что не ясно, говорите сразу, растолкую.

— Все ясно, — снова заверил Пантюшка.

Лешка промолчал. Он был разочарован. Значит, все-таки опять сидеть в штабе, а другие пусть дерутся... Он сжал зубы, подумал: «Сбегу!»

Силин, заметив желваки на Лешкиных щеках, сказал:

— Ты чего, Алексей? Не нравится? А ведь я вам настоящее дело предлагаю. Ты сам сообрази: пока шпионы ходят среди нас, мы перед немцами вроде голые, со всех сторон видны. Из-за них Костюкова убили, Пахрю, дружка твоего, и остальных... А сколько еще может погибнуть — думаешь

о том? Мы их на задание посылаем, а немцы уже все наперед знают. И каюк: гибнут люди! Вот ведь как...

Он потянулся через стол, крепко взял Лешку за плечо:

— Ты вдумайся, какое это важное дело! Немцы к нам разведку засылают, а мы им впоперек свою, чтобы их планы поломать. Я почему тебя выбрал да вот его? Вы хлопцы молодые, на вас никто внимания не обращает. А это-то как раз и нужно. Парень ты грамотный, умом бог не обидел, здесь ты сейчас больше пользы принесешь, чем на передовой. Всему нашему делу поможешь. Понял, Алексей, говори! — Он потряс Лешку за плечо.

— Понял, — сказал Лешка, — согласен...

— Дело это опасное, — продолжал Силин. — Шпионы — народ отчаянный, возможно, драться придется. Чтобы их уловить, смелость нужна, и тут тоже надо иметь, — он показал на голову. — Ясно тебе?

И видя по глазам парня, что тот понял, поверил, отпустил его плечо, выпрямился и заговорил по-деловому:

— Я сейчас в больницу Тропиных пойду, пови-
дать надо тех двух, что спаслись, после на пере-
довую. Вы вертайте назад, в штаб... Только,
хлопцы, язык за зубами и чтобы незаметно было,
как и что! — Он встал.

Пантюшка, который уже давно порывался что-
то сказать, остановил его:

— Товарищ Силин, у меня есть одно подозре-
ние насчет шпионов, нынче в штабе увидел...

— Быстро, — усмехнулся Силин. — Не успел
прийти, а уже шпиона разглядел. Ну, кого же ты
увидел?

Пантюшка покраснел.

— Вы не смейтесь, я правду говорю. Женщина у вас там сидит, белобрысая такая...

— Машинистка, что ли?

— Во-во. Так я ее знаю: это фон Гревенец, баронесса.

— Кто-о?

— Фон Гревенец, говорю, губернаторская дочка!

— Ты что, очумел, парень?

— Правда, товарищ Силин! Я ее давно знаю.

Силин посмотрел на Лешку, точно спрашивая, не спятил ли его друг. Но тот растерянно глядел на Пантюшку.

...Не так уж велик город Херсон, и Лешке, его шестнадцатилетнему старожилу, давно уже стало казаться, что он знает в лицо всех горожан. Вот почему, увидя в штабе желтоволосую женщину в темном платье, которая вначале тоже показалась ему знакомой, он не стал задумываться, где встречал ее. Мало ли где! Где-то в Херсоне.

Слова Пантюшки дали неожиданный толчок памяти.

Как-то — было это давно, когда Лешка учился еще в четвертом классе — совместный бал мужской и женской гимназий, устроенный «по случаю дня ангела возлюбленного монарха», посетил херсонский губернатор барон фон Гревенец. Вместе с ним приехало пять офицеров и молодая дама — сухопарая, с бледной нездоровой кожей и пухлыми губами. Волосы ее были пышно взбиты, на шее и на руках сияли драгоценности.

Офицеры, снисходительно улыбаясь, танцевали с онемевшими от счастья и смущения гимназистками. Даму пригласил грозный инспектор городских училищ Левушкин. Они сделали несколько кругов по залу. На плечах у дамы развевалась

белая, из тончайшего газа, накидка. Голову она держала неподвижно, слегка откинув назад, точно рассматривала угри на упитанном лице инспектора. После танца она подошла к стоявшим группкой офицерам, что-то сказала им, брезгливо усмехаясь, и они громко захохотали и стали по очереди целовать ей руку...

Вскоре все они уехали.

Сухопарая дама была дочерью губернатора. Ее звали Элиза фон Гревенец.

И вот, вспоминая штабную машинистку, Лешка уже не сомневался, что она и дочь губернатора — один и тот же человек, хотя и было на ней сейчас скромное платье, и волосы зачесаны гладко, как у монашенки.

Лешка был ошеломлен. Великолепная, блестящая, насмешливая, вся точно из иного мира, Элиза фон Гревенец и вдруг — машинистка в штабе восставших фронтовиков!..

Видя, какое впечатление произвели на Лешку слова его приятеля, Силин нахмурился и снова опустил на скамейку:

— А ну, рассказывай, что знаешь! — приказал он.

История Пантюшкиного великосветского знакомства была не сложна.

Напротив второй мужской гимназии находился так называемый Спортинг-клуб. Когда-то на том месте был велодром с дощатым овальной формы треком, но так как любителей велосипедного спорта в Херсоне оказалось недостаточно, хозяин велодрома трек разобрал, и на его месте раскатали площадки и натянули сетки для лаун-тенниса. Пантюшка ходил сюда, понятно, не для того чтобы упражняться в шикарной английской игре. В Спортинг-клуб его пускал знакомый сторож.

Здесь, подавая мячи игрокам, можно было заработать несколько пятаков, что было немаловажно для Пантюшкиного бюджета. В Спортинг-клубе он видел несколько раз молодую фон Гревенец. В короткой белой юбке, худая, с голыми ногами, она играла в теннис с офицерами местного гарнизона и с иностранным вице-консулом господином Бодуэном, аккредитованным в Херсоне. Это был очень высокий поджарый человек с гладким, без морщин, узким лицом, седыми висками и такими тонкими губами, точно они и вовсе отсутствовали. Сыграв несколько партий, он подолгу беседовал с фон Гревенец не по-русски и угощал ее английскими папиросами...

Все это ребята, как могли, рассказали Силину.

— Вот так история! — Силин крепко потер пальцами небритый подбородок.

Он начал вспоминать:

— Ее нам управляющий гостиницей подсунул... Говорил: вдова, раньше тоже у него работала. Фон Гревенец? И фамилия-то немецкая. Ну и ну!... А смелая баба! Ее ведь, наверно, знают в городе?

— Кто ее знает! — возразил Пантюшка. — Жила-то она не здесь, только на лето приезжала. А как приедет, все больше у себя сидит, в Спортинг-клуб только и ходила. Да и разве такая она была! Видали: черную хламиду напялила, глаза не поднимает. Я и то не сразу признал.

— Да-а... — Силин, задумавшись, несколько секунд, смотрел на возбужденное Пантюшкино лицо с синяком под глазом. — Вот что, хлопцы, — сказал он, — здесь с кондачка нельзя решать. Проверить надо. Если это шпионка, значит, она с кем-

то держит связь. Вы пока не подавайте виду, но следите в оба!.. Она ведь, кажется, при гостинице живет?

— При гостинице, — подтвердил Лешка.

— Ходит куда-нибудь, не замечал?

— Не знаю. Ни к чему было.

— А теперь надо смотреть. Тебя, Алексей, она уже заметила, а Пантелей — человек новый, так что пусть на глаза ей пока не показывается. Если придет к ней кто-нибудь, шума не поднимайте, а тишком-тишком за тем человеком последите, куда пойдет, с кем встретится. Понятно?

Он встал и по-мужски крепко пожал им обоим руки.

— Ну, хлопцы, на вас вся надежда. Большую пользу принести можете!

— Товарищ Силин, а если она сбежит? — спросил Пантюшка.

— Пока не сбежит, думаю. Как сидела, так и будет сидеть. А я к вечеру вернусь, тогда подумаем, что делать дальше...

Он взглянул на выходившие во двор запертые окна дома, осунул ремень на шинели.

— Я первый выйду, а вы минут через пяток. Пока, хлопцы, счастливо.

Он пошел к воротам. Прежде чем выйти на улицу, еще раз ободряюще подмигнул ребятам.

Друзья переглянулись. Пантюшка вздохнул:

— Ох, дела-а!

— Смотри, Пантелей, если язык где-нибудь распустишь, убью! — пообещал Лешка. — Я тебя к Силину привел, я за тебя и отвечаю.

— За собой лучше следи! — надувшись, буркнул Пантюшка. — Как бы самому не попало.

МАРКОВ

Под впечатлением разговора с Силиным Лешка был готов к самым решительным и немедленным действиям. Но ни он, ни Пантюшка не предполагали, что начать свою новую деятельность им придется так скоро.

Когда они вышли со двора и направились к штабу, Лешка вдруг увидел шедшего впереди них плечистого парня в гимназической шинели и узнал Маркова. Лешка вздрогнул. Неожиданная догадка мелькнула у него в уме. Неужели Марков, этот купеческий сынок, не зря болтается возле штаба?! Он вспомнил свою встречу с ним три дня тому назад, странный разговор о немцах, слова Ващенко о том, что Марков не впервой появляется здесь... Потом ему вспомнилось, что Марков хотел зайти в штаб, но почему-то передумал. Неужели?!

Лешка невольно пошел быстрее.

Однако Марков, миновав гостиницу, свернул в одну из боковых улиц, и Лешка успокоился.

Придя в штаб, он завел приятеля в караульное помещение, где в это время никого не было, а сам побежал наверх, в канцелярию. Ему не терпелось проверить, действительно ли машинистка — фон Гревенец.

Перед дверью он постарался принять озабоченный вид. Машинистка сидела на своем месте около комнаты Совета. Одного взгляда на нее Лешке было достаточно, чтобы убедиться: она! Ошибки быть не могло. Как он сразу не узнал это бледное лицо, лиловые, точно от недосыпания, тени в глазницах и брезгливо опущенные уголки губ! Барышня фон Гревенец на потрепанной,

тарыхтящей от старости пишущей машинке отпечатывала боевые декреты Совета пяти!

Лешка прошел мимо нее, пробормотал как бы про себя: «А Силина нет?» — и, повернувшись, вышел в коридор.

На лестничной площадке он столкнулся... с Марковым.

В первую минуту Лешка опешил. Не зная, как вести себя, он хотел уже пройти мимо, но Марков сам остановил его.

— Здравствуй! — сказал он, улыбаясь во весь рот. — Ты что не узнаешь?

— А... здорово, — проговорил Лешка и покашлял, прочищая горло от внезапной хрипоты.

— Хорошо, что я тебя встретил! — оживленно сказал Марков. — Я, признаться, даже искать тебя хотел! — Он протянул Лешке руку.

Тот почти машинально пожал ее. Марков, казалось, был искренне рад его видеть.

— Послушай, у меня к тебе есть дело. Ты не занят?

— Нет. Какое дело?

Марков взял его за пуговицу шинели и отвел в сторону.

— Дело вот какое, — доверительно заговорил он. — Я тебе все расскажу, ты здесь свой человек, может быть, посоветуешь, как поступить... Понимаешь: конфисковали папино имущество. Это общее явление, я не возражаю. Я ведь, как ты, наверное, знаешь, сам революционер... Но мы с матерью сейчас очень нуждаемся, а мне сказали, что Совет пяти выдает какую-то денежную компенсацию за конфискованные вещи. Ты ничего не слышал об этом?

— Нет, не слышал.

Марков сокрушенно вздохнул:

— Жаль. Если врут насчет компенсации, то я просто не знаю, что делать! Положение у нас катастрофическое, поверь мне, в жизни такого не было!.. Ну ладно, пусть даже не компенсируют, но я рассчитываю отхлопотать хотя бы нашу моторную лодку. По закону ее вообще не должны были забирать...— Он начал подробно, приводя множество доводов, доказывать, что прогулочная моторная лодка не является орудием производства и потому не подлежит конфискации.

Лешка близко видел его серые шкелдливые глазки, и в мозгу у него проносилось: «Врет... врет... Что делать?.. Что делать?»

— Может быть, ты посоветуешь, к кому обратиться? — спросил Марков.

— Вот что,— стараясь говорить как можно спокойнее, сказал Лешка, — тебе надо прямо к кому-нибудь из пятерки, такие дела только они решают. Сейчас никого нет, хочешь — подожди.

— А это долго?

— По-разному бывает. Иди в канцелярию и посиди там.

Марков быстро посмотрел на него, отвел глаза и, точно в раздумье, проговорил:

— Пожалуй, стоит подождать...

Лешка сам подвел его к канцелярии и открыл дверь. Машинистка подняла и опустила голову.

— Вот здесь и посиди,— сказал Лешка,— скоро кто-нибудь придет.

— Спасибо тебе! — горячо поблагодарил Марков.— Я подожду.

— Не за что... Пойду, дело есть.

— Ладно, ладно, теперь уж я сам.

Лешка вышел из канцелярии.

...По лестнице он летел со всех ног. Вихрем вошел в караульное помещение.

- Пантюшка, скорей!
— Что такое? Что случилось?
— Пришел к ней один!.. Ты Витьку Маркова знаешь? У которого моторка была?
— Нет.
— Сейчас увидишь... Гимназист, со мной учился... Скорей, тебе говорят!
— Чего скорей-то?
— Беги на угол, спрячься. Как увидишь, что он вышел, иди за ним, а я следом за тобой! Меня он знает...

Пантюшка всполошился, вскочил, схватил драгунку.

— Скорей! — торопил Лешка. — Стой! Винтовку оставь, слишком заметно.

— Как же я без оружия-то?

— На кой оно тебе?!

— Без оружия не пойду! — упрямо заявил Пантюшка.

— Тьфу, дурак! — На столе валялся немецкий ножевой штык, которым резали хлеб. Лешка сунул его Пантюшке: — На, спрячь под куртку. Да скорей же, черт!

Он швырнул драгунку на топчан и вытолкал Пантюшку из комнаты...

Что бы ни думал Лешка о Маркове, как бы ни презирал за буржуйское происхождение, у него все же не сразу уложилось в голове, что Марков работает на немцев. Чтобы убедиться, он и отвел его к фон Гревенец. Машинистка только одно мгновение смотрела на вошедшего Маркова, но Лешка успел заметить, как бесстрастное лицо женщины вдруг точно дрогнуло и напряглось.

И Лешкины подозрения стали уверенностью. Уверенностью в том, что фон Гревенец — шпионка...

В Лешкином представлении на такое предательство мог пойти только человек, смертельно ненавидящий революцию в любом ее виде. А ведь Марков ходил в эсерах и на митингах выкрикивал революционные лозунги!

Было от чего растеряться!

Себя Лешка считал большевиком. Во-первых, большевиком был его отец, самый значительный для него человек на земле. Во-вторых, почему-то именно среди большевиков попадались люди, которые внушали ему наибольшее доверие, — такие, например, как Силин, — и то, что они говорили о революции, казалось ему самым убедительным из всего, что ему доводилось слышать на многочисленных митингах. Это была революция для него, для Пантюшки, для Пантюшкиного отца, и вместе с тем она не подходила для Глушенко, что также говорило в ее пользу. У этой революции был головокружительный размах. Весь мир должен был запылать от нее. И Лешка со всей страстью молодой души верил в мировую большевистскую революцию!

Между тем в Херсоне подвизалось много разных партий, члены которых готовы были горло перегрызть друг другу, доказывая, что именно они-то и есть единственные подлинные революционеры.

Многие херсонские мальчишки приписывали себя к эсерам. Каждому льстило называться революционером, да еще и социалистом. Лешка не очень-то разбирался в партийных программах. Он отрицательно относился к эсерам главным образом потому, что так к ним относились большевики. Но в глубине души Лешка и эсерам не мог

отказать в революционности: слишком уж бойко выступали они на митингах.

И вот оказывалось, что эсеровский прихвостень — Марков — работает на немцев!

Следовало бы хорошенько подумать, посоветоваться со знающими людьми... Но сейчас Лешка твердо знал одно: кем бы ни был Марков, он — враг, он предает людей, проливающих кровь за революцию. И этого нельзя допустить!

Когда минут через пятнадцать после встречи на лестнице Марков вышел из штаба, Лешка сидел на каменной тумбе возле ворот и перочинным ножом строгал палку. Он был без винтовки, револьвер висел под шинелью.

— Ты здесь? — сказал Марков. — Знаешь, я решил не ждать. Начальство, говорят, не скоро придет. Лучше еще раз зайти. Тебе, конечно, большое спасибо, теперь-то я хотя бы знаю, к кому обращаться...

Он принялся с жаром благодарить Лешку за участие, пустился в рассуждения о том, что старые гимназические товарищи должны помогать друг другу, особенно в такое трудное время... В глазах у него Лешка разглядел колючие смешливые искорки.

— Так я позже зайду... А может быть, завтра. Лешка равнодушно пожал плечами.

— Ну пока, спасибо тебе! Хороший ты парень!

— Ничего не стоит, — сказал Лешка.

Дойдя до угла, Марков еще раз обернулся. Он даже помахал Лешке рукой.

«Доволен, — подумал Лешка, — обманул меня!»

Наклонившись, он сосредоточенно выстругивал набалдашник у палки. Марков свернул за угол,

а спустя несколько секунд улицу в конце квартала зигзагом перебежал Пантюшка. На углу дождал немного и исчез. Тогда Лешка вскочил, сунул ножик в карман и, забыв про палку, помчался вслед за ним.

ЧЕЛОВЕК В ШИНЕЛИ

Марков встретился с человеком во фронтовой шинели под извозничьим навесом большого каменного дома. То, что он передал ему, издали казалось аккуратно свернутой черной тряпицей. Обменявшись несколькими словами, они разошлись. Марков пошел прямо, незнакомец направился в противоположную сторону.

Возле запертых ворот одного из дворов, на сваленных грудой, темных от времени бревнах сидели два паренька: один — гимназист старшеклассник, другой из подмастерьев, в черной куртке и большом картузе. Гимnazист вертел в воздухе монету. Паренек в куртке с любопытством посмотрел на незнакомца. Тот закашлялся, прикрываясь ладонью.

— Смотри сюда! — закричал гимназист. — Орел или решка?

Мальчишки наклонились над упавшей монетой. Забыв, казалось, обо всем на свете, они играли в орлянку. Незнакомец не спеша прошел мимо них.

Когда он был достаточно далеко, Лешка свирепо зашипел:

— Что ты вылупился на него! Завалить все хочешь?

— Леш, я этого типа где-то видел! Морда знакомая...

— Где ты его видел?

Пантюшка запустил пятерню под картуз и несколько секунд с такой силой тер голову, точно хотел выдавить из нее воспоминание.

— Убей меня бог, забыл!

— Беги за Марковым,— приказал Лешка,— последи, куда он пойдет, а я за этим. Потом в штабе встретимся...

И они расстались.

...Человек во фронтовой шинели долго кружил по городу. Он шел неторопливо, с развальцем, походкой незанятого человека, время от времени останавливался возле рекламных тумб, с которых свисали ключья старых плакатов, и искоса поглядывал назад. Если впереди появлялись прохожие, он загодя переходил на другую сторону улицы.

Возле одной из улиц, куда свернул незнакомец, находился проходной двор. Пробежав через него, можно было срезать угол. Лешка так и сделал. Он перелез через забор, миновал какие-то амбары и выбрался к воротам. Встав за ними, Лешка припал к узкой щели над ржавой чугунной петлей.

Прошло с полминуты, и он снова увидел человека в шинели. Тот быстро шел по противоположному тротуару. Поравнявшись с воротами, за которыми притаился Лешка, он вдруг сделал шаг в сторону и прижался к стене за выступом одного из домов.

«Что такое?» — подумал Лешка, удивленный и испуганный непонятными действиями незнакомца.

Теперь он мог хорошо разглядеть его гладкое вытянутое лицо, на котором самым приметным был рот — прямой и безгубый...

Выждав минуту или две, незнакомец вышел из своего укрытия и осмотрелся. Опасаясь слежки, он явно хотел перехитрить своего возможного

преследователя. Если бы Лешка шел за ним, они сейчас наверняка столкнулись бы лицом к лицу. Ловко!

Наука пошла Лешке впрок. Незнакомец еще несколько раз повторил свой маневр. Иногда он заходил в подворотни и подолгу задерживался там. Лешка терпеливо ждал, стоя в каком-нибудь подъезде. Зная, что поблизости нет проходных дворов, он не боялся, что незнакомец скроется. Он чувствовал себя охотником, преследующим зверя. Это было похоже на игру, и в то же время, чем больше хитрил незнакомец, тем глубже Лешка проникался сознанием важности происходящего...

Поплутав по переулкам, человек в шинели вышел на Потемкинский бульвар и задержался около памятника Потемкину, осматривая бульвар. Лешка спрятался за деревянной лавчонкой, стоявшей на перекрестке. Когда он выглянул, человек был уже в конце улицы. Видимо, уверенный в своей безопасности, он спокойно вышел на Лютеранскую и скрылся за чугунными воротами нарядного белого особняка, принадлежавшего иностранному вице-консульству.

Теперь можно было возвращаться в штаб, но, подумав, Лешка решил, что этого делать не следует. Марков что-то передал иностранцу, должно быть, шпионские сведения. А зачем они тому? Для немцев? Тогда, значит, или он сам понесет их или пошлет кого-нибудь... Правильней всего было никуда не уходить и посмотреть, что будет дальше...

С другой стороны, болтаться здесь одному тоже не улыбалось Лешке. День уже кончился. Сизые дымчатые сумерки затянули город. Ветер улегся, стояла полная тишина, не нарушаемая даже привычным орудейным гулом: немцы по ночам не воевали.

Лешка осторожно обошел особняк. Что делать? Где пристроиться?

У особняка было два подъезда: один парадный — на Лютеранской, другой сзади, выходящий в небольшой сад. Лешка решил наблюдать за тем подъездом, который позади дома: и место здесь укромное, да и незнакомец, кажется, свернул именно сюда.

Пока Лешка колебался и ходил вокруг особняка, ему в голову пришла мысль, еще больше укрепившая его в намерении «никуда отсюда не уходить. Он подумал, что, если сведения, полученные Марковым, попадут к немцам, в том будет и его, Лешкина, вина. Ведь это он сам, желая убедиться в предательстве Маркова, помог ему встретиться с фон Гревенец! А сведения, должно быть, важные: недаром этот иностранец в них заинтересован.

Позади вице-консульства, между деревьями, стояла полусгнившая сторожевая будка. Лешка удобно устроился в ней и через круглое окошко принялся следить за особняком.

Он ждал долго, может быть полчаса, а может быть и час. Сумерки сгустились. Когда стало совсем темно, Лешка заметил, что окна особняка чуть-чуть краснеют: за плотными шторами горел свет.

Устав ждать, Лешка решил взглянуть на парадный подъезд. На всякий случай он переложил револьвер из кобуры в карман шинели и, прячась за голыми кустами акации, пробрался на Лютеранскую. Парадный подъезд был заперт. Когда Лешка решил возвратиться на прежнее место, от дома на противоположной стороне отделилась темная фигура с винтовкой и направилась прямо

к нему. Лешка прыгнул в сторону, не зная — бежать или защищаться...

— Это ты, Леш? — спросила фигура Пантюшкиным голосом.

Лешка чуть не вскрикнул от радости:

— Я, я это!

— Куда ты запропастился? Я уже час здесь околачиваюсь!

— Ша! Иди за мной! — сказал Лешка.

Он привел друга в сторожевую будку и с пристрастием допросил, как тот очутился на Лютеранской.

Пантюшка следовал за Марковым до Виттовской улицы. Всю дорогу он не переставал думать, где доводилось ему встречать подозрительного незнакомца во фронтовой шинели.

Думал-думал и в конце концов вспомнил: Спортинг-клуб, теннисные корты, фон Гревенец с голыми ногами и ее партнер — узколиций, сдержанный в движениях иностранец, перед которым заискивал даже такой всемогущий, в Пантюшкином представлении, человек, как хозяин Спортинг-клуба.

Вице-консул Бодуэн — вот кто был недавний собеседник Маркова!

Каким бы неожиданным и неправдоподобным ни казалось это открытие, Пантюшка все-таки ни секунды не сомневался в том, что он не ошибся. К тому же после встречи с дочерью губернатора в штабе фронтовиков Пантюшка решил ничему на свете больше не удивляться...

На Виттовской Марков вошел в дом номер пять.

— Он там живет, я знаю, — сказал Лешка.

Потом Пантюшка вернулся в штаб. Лешки не было, Силин еще не приезжал с передовой, фон

Гревенец по-прежнему сидела на своем месте: Пантюшка видел ее сквозь замочную скважину. Слоняться по штабу без дела было невмозможно, и Пантюшка отправился к вице-консульству искать друга.

— Я уж думал, не пришиб ли он тебя.

Лешка объяснил ему, почему решил остаться здесь.

— Иди к тому подъезду,— сказал он,— и смотри в оба. В случае чего беги ко мне, что-нибудь сообразим.

Пантюшке уходить не хотелось.

— На кой ляд,— сказал он,— только время зря теряем. Лучше уж эту фон Гревенец сторожить...

— Иди, говорят тебе! — рассердился Лешка. — Не понимаешь, что ли? Марков ему какие-то сведения передал! Если упустим, Силин по головке не погладит!

Пантюшка поворчал что-то себе под нос, помешкал и выскользнул из будки.

Почти тотчас же он ворвался обратно и хрипло шепнул:

— Там кто-то ходит, Леш!..

Они замерли прислушиваясь.

Было тихо, как в погребе. И вот Лешка различил осторожные шаги по влажной от весенней сырости земле. Шаги отдалились, стихли, потом раздались снова.

Прямо перед будкой под деревом остановился человек. В темноте можно было различить только, что он невысок и плотен. Человек медленно осмотрелся и, оторвавшись от дерева, направился к дому. До ребят донесся прерывистый стук, отворилась дверь, и снова все стихло.

— Видал? — выговорил Пантюшка.

— Слушай, — зашептал Лешка, — беги в штаб!

Может быть, Силин уже там... Если нет его, расскажи все Попову или кому хочешь. Пусть идут сюда, только скорей... Я здесь подожду. Только быстро, Паня, миленький!..

Пантюшка больше не возражал...

Оставшись один, Лешка достал револьвер и для верности взвел курок. Потом он выбрался из будки и встал за кустами акации на таком расстоянии от дома, чтобы можно было различить дверь. Сердце его лихорадочно отстукивало мгновения, а они тянулись, тянулись нескончаемо, и он потерял им счет. Сейчас он мечтал об одном: только бы Пантюшка успел кого-нибудь привести до того, как человек появится снова!..

Получилось, однако, иначе.

...Загремел засов, дверь отворилась, выпустив уже знакомую низкорослую фигуру, и сразу же захлопнулась. Человек быстро пошел через сад. Когда он поравнялся с Лешкой, тот выскочил из-за кустов и крикнул высоким срывающимся голосом:

— Стой! Руки вверх!

Человек присел от неожиданности и черным комком метнулся к стоявшим купой деревьям.

— Стой! — закричал Лешка. — Стой! Буду стрелять!

Тотчас же впереди блеснуло, пуля, просвистев, обломила веточку в кустах. Тогда Лешка начал стрелять в темноту, туда, где скрылся шпион. Он трижды нажал тугой спуск. Ответных выстрелов не было. Лешка подождал немного (ведь могло случиться, что он попал) и двинулся вперед...

За деревьями он увидел пролом в ограде, через который ушел враг. Лешка выскочил на улицу. Далеко, в конце квартала, ему почуди-

лось какое-то движение, он выстрелил наугад, крикнул «Стой!» — и в это же мгновение услышал сзади, в саду, топот.

— Лешка! — зазвенел голос Пантюшки. — Лешка, где ты?!

— Сюда! — позвал Лешка. — Сюда, ко мне!

В проломе показался Пантюшка, за ним Си-лин, потом полезли фронтовики — здесь было человек восемь. Среди них Лешка узнал Попова в штатском пальто.

— Где он? — задыхаясь, спросил Си-лин.

— Не знаю... Сюда выскочил! — чуть не плача, ответил Лешка. — Кажется, вон там...

Они бросились вдоль улицы. На перекрестке Си-лин приказал:

— Ващенко, Зуев, Макарычев и ты, — он ткнул в Лешку, — направо. Остальные за мной!..

Они перебежали улицу до конца и никого не увидели. Возвращаясь, заходили во все дворы, обшаривали каждый уголок. Лешка до крови искусал губы. Дурак! Безмозглый дурак! Упустил шпиона! Почему не стрелял сразу, из-за кустов! Ума не хватило?

Возле вице-консульства их уже поджидали.

— Нету? — спросил Си-лин.

— Немае, — отозвался Ващенко, — сбег, собака!

Си-лин смачно выругался. Лешка сейчас предпочел бы быть убитым. Он чувствовал себя ответственным за все...

Попов отвел Си-лина в сторону, и они стали вполголоса совещаться. Потом подозвали Лешку и подробно расспросили, как он выследил незнакомца и каков тот из себя. Лешка, как мог, описал его внешность.

— Точно, — сказал Попов, — сам господин Бо-

дуэн собственной персоной! Ну, что будем делать, Петро?

— Что делать! — угрюмо пробасил Силин. — Как говоришь, так и сделаем...

У обоих подъездов вице-консульства Силин поставил по человеку. Остальным велел идти за ним.

Они поднялись на парадное крыльцо особняка и постучали. Долго никто не отзывался. Особняк точно вымер.

— Ломать, что ли? — неуверенно проговорил Силин.

— погоди! — Попов сильно ударил в дверь рукояткой нагана.

Наконец в доме слышались шаги, спросили:

— Кто там?

— Революционная власть Херсона! — ответил Попов. — Отворите!

— Что вам надо?

— Обследование...

— Приходите днем. Сейчас все спят.

— Немедленно отворите! Иначе буду вынужден применить силу!

Из-за двери донеслись шелест, бормотанье. Заскрипел засов.

Попов и Силин вошли в вестибюль. Перед белой мраморной лестницей стоял щуплый старикашка с бронзовым подсвечником в руке. Пять зажженных свечей ярко освещали его тшедушную фигуру в вязаной кофте.

— Кто вы такой? — спросил Попов.

— Я эконом вице-консульства... — Голос старика дребезжал от испуга. — Вы ведь, должно быть, знаете, что этот дом не принадлежит России? Здесь иностранная территория...

— Нам надо видеть господина Бодуэна, — вместо ответа сказал Попов.

— Это невозможно, господа. Вице-консул спит...

— Разбудите его!

— Что вы, что вы! — замахал рукой старик. — Господин Бодуэн — представитель европейской державы. Вы не имеете права... то есть вы не должны врываться сюда! Это дипломатический скандал!

Тут, не выдержав, рывкнул Вашенко:

— Що ты юлышь! Буди, колысь говорять!

От его громового рыка старик весь сжался и стал похож на тощий сморщенный кулачок. Свечи в его руке задрожали, разбрасывая по стенам короткие отблески.

— Господа, господа... Вы не понимаете, что творите!

— Не кричи, Вашенко, — сказал Попов. — А вы идите к своему хозяину и доложите, что его вызывают представители Совета пяти. О скандале не заботьтесь: это наша ответственность.

— Как угодно... как угодно... — разводя руками, забормотал старик и поспешно зашаркал по лестнице.

Подсвечник он поставил на широкую баллюстраду лестничной площадки и скрылся за высокой дубовой дверью с витыми блестящими ручками.

Лешка никогда еще не бывал в таком доме. Здесь и стены, и даже пол в разноцветных вставках были мраморные. По сторонам от двери возвышались какие-то статуи, покрытые чехлами. Большое чучело медведя держало на вытянутых лапах широкое блюдо с чашей из зеленого камня. Голые младенцы со стрекозиными крылышками летали по потолку...

И среди всего этого великолепия молча стояли люди в пропахших потом, махоркой и дымом шинелях, угрюмые люди, державшие власть в городе.

— Зря мы его одного отпустили,— недовольно проговорил Силин.— Сразу надо было идти и никаких!

— Нельзя, Петро,— урезонивал его Попов.— Как-никак дипломатическое лицо!

— Плевал я на это лицо! — сказал Ващенко и действительно сплюнул в угол. — Злыдень и все!

— Ну, ну!..

Дубовая дверь отворилась, вышел высокий человек в длинном, до пят, шелковом стеганом халате. Кисти плетеного кушака свисали до самых его колен. Лицо у человека было гладкое, неподвижное, с памятным Лешке безгубым ртом. За ним показался старикашка.

— Господин Бодуэн вас слушает,— сказал он. Попов обернулся к Лешке:

— Это тот самый?

Лешка кивнул головой:

— Он...

Бодуэн тоже взглянул на Лешку и слегка прищурился, точно вспоминая, где он его видел.

Попов подошел к иностранцу, держа наган в опущенной руке.

— Я — член Совета пяти,— сказал он.— Мы должны осмотреть ваш дом.

Эконом быстро залопотал не по-русски, переводя его слова.

Бодуэн что-то отрывисто проговорил, и старик перевел:

— Господин Бодуэн выражает протест против ваших действий. Он спрашивает господина,— не

имею удовольствия знать фамилии,— известно ли ему, что такое экстерриториальность?

Незнакомое слово смутило всех, кроме Попова, который в прошлом был студентом.

— Господин Бодуэн, — насмешливо сказал он, — по-видимому, недавно разучился разговаривать по-русски? Это, впрочем, не играет роли. Да, мы имеем представление... Экстерриториальность обеспечивает неприкосновенность дипломатическому представителю, но не тем злоумышленникам, которых он покрывает... Только что мы схватили немецкого шпиона, вышедшего из вашего дома...

Пантюшка дернул Лешку за рукав: что он говорит?.. Лешка сжал зубы и отпихнул его локтем. Это не укрылось от внимания Бодуэна. Тонкая прямая щель его рта чуть-чуть растянулась.

— У нас есть основания предполагать, — продолжал Попов, — что здесь скрывается еще кто-то. Ввиду осадного положения Херсона, мы должны подвергнуть дом обыску.

Старичок быстро переводил. Выслушав ответ своего хозяина, он сказал:

— Господин Бодуэн предупреждает вас, что, если будет нарушена неприкосновенность дипломатического жилища, он обратится к своему правительству.

Попов нетерпеливо тряхнул головой:

— Это его право! — И он обернулся к своим: — Ващенко, ты, пожалуй, побудь здесь. Петро и Зуев, пошли!

Бодуэн быстро что-то сказал эконому, и тот юркнул в дверь. Сам он остался на месте, загоразивая собой вход. Попов подошел к нему вплотную:

— Разрешите пройти!

Тот не пошевелился.

— Разрешите пройти, говорю! — повторил Попов, и голос его зазвучал угрожающе.

По-прежнему держа руки за спиной, Бодуэн отступил на шаг к двери и вдруг заговорил по-русски, медленно, четко выговаривая каждый слог:

— Именем великой державы, которую я имею честь здесь представлять, я категорически возражаю против врывательства в принадлежащий ей дом!

— Ага! — усмехнулся Попов. — Вы вспомнили русский язык! Вы, по-видимому, хорошо знаете и немецкий, если так легко понимаете немецких шпионов... Хватит болтать: посторонитесь, уважаемый!

— Я еще раз повторяю... — начал было Бодуэн. Он не успел договорить. На улице раздались крики, топот, хлестнули выстрелы.

Попов резко обернулся:

— Что там такое?

Силин сделал ему знак остаться на месте и вышел на крыльцо. Лешка и Пантюшка выскочили тоже.

В темноте недалеко от дома лежал человек. Другой наклонился над ним.

— Что случилось? — крикнул Силин.

— Товарищ Силин, — выпрямившись, сказал фронтовик, остававшийся возле дома на карауле, — этот из окна сиганул. Я шумнул: стой! А он стреляет. Пришлось и мне.

— Убил?

— Кажись, есть немного...

Силин подошел ближе и зажег спичку.

На булыжной мостовой, откинув руку с пистолетом, лежал человек в короткой рваной поддевке.

Огонек спички отразился в его открытых глазах. Плоская кепчонка отлетела в сторону, обнажив лысый череп. Силин расстегнул поддевку, под ней оказался немецкий френч. Тщательно обыскав убитого, Силин, с помощью ребят, стащил с него сапоги и обшарил ноги. В шерстяном носке он нашел пачку бумажек...

Затем они вернулись в дом.

— Из окна выскочил вооруженный человек, — сказал Силин Попову.

Тот обернулся к Бодуэну:

— Ну, что вы на это скажете?

Бодуэн не ответил. Он здорово умел владеть собой, этот иностранец: на его бритом лице не дрогнул ни один мускул.

— Так... — проговорил Попов.

Решительно отстранив Бодуэна плечом, он вместе с Силиным и Зуевым вошел во внутренние комнаты особняка...

Все молчали. Бодуэн, прислонившись к косяку, стоял неподвижно, вздернув острый подбородок.

Когда Попов с фронтовиками вернулись, каждый из них нес на плечах новенькие винтовки. Попов задержался перед Бодуэном.

— Найденное у вас оружие русского образца мы конфискуем, — сказал он. — Завтра вам будет предоставлена возможность уехать из Херсона.

Бодуэн не ответил, глядя мимо него. Попов сбегал по лестнице.

— Все. Можно идти.

ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Вернувшись в штаб, Силин первым делом осведомился у часового, не выходил ли кто-нибудь из гостиницы. Часовой сказал, что он никого не

выпускал, кроме ординарцев, и что штабных на месте нет никого, кроме Киренко.

— Ващенко, распорядись насчет винтовок, — сказал Силин, — а вы, ребята, идите с нами.

Они вчетвером поднялись на второй этаж.

В канцелярии было светло: горело несколько фонарей на стенах. Писаря спали, уронив головы на стол. Двое фронтовиков дымили сигарками возле двери — это были часовые, оставленные здесь Силиным, когда он уходил с Пантюшкой.

Со своего места встала машинистка.

— Товарищ Попов, — заговорила она требовательным, обиженным тоном. — Я не понимаю, почему со мной так обращаются! Эти люди не выпускают меня из помещения. Я ведь в конце концов не военная! Уже ночь, имею я право отдохнуть?

— Сейчас разберемся, — ответил Попов, искоса взглянув на нее.

Вместе с Силиным он скрылся в комнате Совета. Ребята остались в канцелярии.

Лешка смотрел на машинистку и думал: вот из-за этой женщины погибли Костюков и Пахря...

Было что-то болезненное, нечистое в ее белом лице, в бегающих глазах, полуприкрытых тонкой лиловой кожицей век, в каждом ее движении, нервном и порывистом. Присев к столу, она вытягивала шею, прислушиваясь к неразборчивому гулу голосов за стеной.

Голоса стали громче, еще громче... Проснулись писаря.

Дверь распахнулась, и на пороге появился огромный, встрепанный Киренко. Силин и Попов попытались удержать его. Но Киренко вырвался и, грузно ступая, так, что в фонарях затрепетали огоньки, подошел к столу машинистки.

— Вот эта?! — хрипло спросил он. — Вот эта самая?

Женщина вскочила. Лицо ее стало покрываться прозрачной пергаментной желтизной.

Киренко смотрел на нее в упор.

— Это ты... Костюкова загубила?.. — придыхая на каждом слове, проговорил он.

— Что он говорит?! Я не понимаю... — забормотала она, жалко и растерянно оглядываясь на Силина и Попова.

— Не понимаешь?! А!.. — И Киренко начал обрывать застежку на кобуре.

— Что вы делаете! — Женщина отшатнулась к стене, расширенными глазами следя за его пальцами.

— Стой, Павло! — Силин схватил Киренко за руку. — Поговорить надо!

— Пусти! — хрипел тот. — Пусти! Раздавлю гадину!

С помощью Попова и часовых Силину удалось оттеснить его к двери.

— Ну, вам теперь все ясно? — спросил Попов у машинистки.

Она с трудом проговорила:

— Я ничего... не... понимаю...

— Ах, вы еще не понимаете, мадам, или как вас там... фон Гревенец!

У женщины дрогнули плечи. Точно защищаясь, она вытянула перед собой узкие ладони:

— Что вы! Что вы! Это ложь!

— Ложь, говорите? А это тоже ложь? — И Попов помахал измятым листом копировальной бумаги. — Узнаете? — Он поднял копирку на свет и медленно прочитал: — «Командиру революционного отряда севастопольских матросов, товарищу Мокроусову... Приказ...» Это вы печатали? Мы

изъяли этот документ у убитого немецкого шпиона!

Лешка невольно привстал с места. Он вспомнил Маркова и черную тряпочку, которую тот передал Бодуэну. Так вот что это было!

Женщина облизнула губы.

— Я ничего не знаю!..— выдавила она.— Это ошибка...

— Вот как, ошибка!.. Возможно... Кстати, у того шпиона мы взяли еще одно письмо. Так в том письме господин Бодуэн с самой лучшей стороны рекомендует вас германскому командованию...

Женщина поднесла руки к помертвевшему лицу и опустила на стул.

— Ну, это тоже ошибка? А гибель Костюкова с отрядом?.. А захваченный немцами несколько дней тому назад обоз с боеприпасами — это, верно, тоже ошибка?..

Лицо Попова перекосилось от гнева. Прямые и острые морщины очертили рот.

— Все... Кончились ваши ошибки, уважаемая фон Гревенец! Жалко, что поздно! Не разгадали вас вовремя! Ну что ж, не умеем еще, научимся. Научимся!..— Повторил он.— Одного не могу понять: как вы дошли до этого, вы, российская аристократка? В героини метили? Или перед немцами хотели выслужиться? Не пойму!.. Ну да это теперь и не важно! — Он обернулся и сказал: — Позовите Ващенко.

Один из часовых вышел из комнаты.

Попов сел к столу, придвинул лист бумаги, взял карандаш.

— Ваша фамилия фон Гревенец? Имя, отчество, возраст?

Она беззвучно пошевелила губами и ничего не ответила.

— Не хотите? Воля ваша...

Наступило молчание. Громко дышал Пантюшка. Силин, сдвинув брови, обрывал бахрому на рукаве шинели. Киренко налитыми яростью глазами неподвижно смотрел на машинистку.

Лешка сидел, вцепившись пальцами в колени, оглушаемый ударами собственного сердца. Он чувствовал, что самое главное еще впереди.

Вошел Ващенко и остановился на пороге, вопросительно оглядывая присутствующих. В отличие от Лешки, он, очевидно, сразу понял, зачем его вызвали. На простоватом лице фронтовика появилось напряженное и даже какое-то страдальческое выражение.

Попов поднялся, упираясь рукой в стол.

— Эта женщина немецкая шпионка,— глуховато произнес он.— Совет приговорил... в расход. Уведи.

Ващенко не пошевелился, только на длинной его шее судорожно прыгнул кадык.

— Таково решение Совета...— повторил Попов.

Угловато, весь точно окаменев, Ващенко шагнул к машинистке и тронул ее за плечо:

— Пийдемо!

И тогда началось самое тягостное из всего, что довелось испытать Лешке за последнее время.

Машинистка истерически кричала. Вырываясь из рук фронтовиков, она разорвала ворот своего черного платья, оголилось худое, с выступающими ключицами, плечо. Волосы ее растрепались. Дико и нелепо тряслись желтые, прямые, как солома, космы. Проклятия сменялись угрозами, мольбами о пощаде, и крики ее вонзались в душу...

В эти мгновения Лешка совсем забыл, что эта

женщина — враг, враг страшный, действовавший со звериным коварством, исподтишка, что из-за этой шпионки гибли люди и, может быть, даже все дело, ради которого лилась кровь на подступах к Херсону. Сейчас он видел только слабую обезумевшую от ужаса женщину, бившуюся в руках дюжих фронтовиков.

В голове у него мутилось, тошнота подступала к горлу. И, уже не сознавая, что он делает, Лешка бросился вперед и, что-то отчаянно крича, стал отдиравать руки Ващенко от женщины.

Его оттолкнули в сторону.

...Когда Лешка пришел в себя, фон Гревенец не было в комнате. Рядом стоял Силин.

— Ну, очухался? Эх, ты!.. Разве можно так, Алексей — Алешка, Николаев сын! — сказал он. — Иди вниз, я сейчас спущусь, поговорим. Помоги ему, — сказал он Пантюшке.

Тот бережно, как больного, подхватил друга под мышки. Лешка отпихнул его и пошел из канцелярии, провожаемый насмешливыми взглядами штабных писарей.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

В караулке он лег ничком, уткнулся лицом в пыльную дерюгу соломенного тюфяка.

Пантюшка спросил осторожно:

— Леш, может, дать тебе чего?

— Уйди! — огрызнулся Лешка. — Уйди лучше...

Пантюшка обиженно отошел.

Ни тогда, ни после Лешка не мог объяснить, что он чувствовал. Ему было плохо. У него ныло все тело, и он почти физически ощущал навалив-

шуюся на него тяжесть последних событий — событий одного дня, начавшихся с разговора с Силиным и закончившихся безобразной сценой в штабе. То, что произошло за это короткое время, потрясло его, перепутало, смешало все, чем он жил до сих пор.

Раньше борьба за революцию представлялась Лешке открытым боем в чистом поле лицом к лицу с врагом. На деле все получалось иначе. В «чистое поле» он не попал. Там дрались другие, более счастливые, чем он. А ему выпала доля увидеть и испытать такое, о чем и вспомнить было тошно.

В ушах его все еще звенел пронзительный крик фон Гревенец. Враг, шпионка, выходец из какого-то иного, полуночного мира, в котором копошились зловещие фигуры Бодуэна и Маркова, — и все-таки было невыносимо сознавать, что, может быть, в эту самую минуту ее расстреливает Ващенко, человек с добрыми глазами, хороший простоватый человек.

Лешка лежал пластом на топчане, обхватив руками голову. Ему было плохо, просто плохо...

Силин, войдя в комнату, спросил:

— Вы тут, хлопцы?

— Тут, — ответил Пантюшка.

— Почему в темноте сидите? Спичек, что ли, нет?

Он пошарил на столе, зажег светильник. Потом подошел и сел возле Лешки. Светильник поставил на соседний топчан.

— Ты, никак, заснул, Алексей? Вставай, вставай!

Лешка нехотя сел, отворачиваясь от света. Силин пытливо, стараясь скрыть усмешку, рассматривал его.

Вид у Силина был измученный. Щеки его ввалились. От усталости он утратил свою привычку щуриться, и глаза его казались теперь больше и светлей. Над скулами набухли мешки.

— Нате вот, хлебца вам принес, — сказал он. — Небось, не ели еще? А где Пантелей? Эй, друг, ты чего в угол забился? Иди, получай свою пайку!

Пантюшка живо перебрался на соседний топчан и сел на нем по-турецки, подогнув ноги.

Лешке есть не хотелось, но, желая показать, что с ним уже все в порядке, он взял протянутую Силиным краюху хлеба и через силу принялся жевать.

Силин заговорил оживленно:

— Не подвели вы меня, хлопцы! Чисто сыщики, натпинкертоны. Какую шпионку выловили, ай-ай! Важное сделали дело, это я всерьез говорю! Сволочь была большая, и жалеть нечего... — Он не смотрел на Лешку, но тому было от этого не легче. Кусок застревал у него в горле.

А Силин, словно ничего не замечая, продолжал:

— Конечно, человека расстрелять — это, брат, не просто, тем более бабу. Особенно, если с не привычки... Помню, на фронте еще, до революции, из нашего батальона сбежали двое, дезертировали... Добрались они до железной дороги, пристроились в порожнем товарняке, даже отъехали малость, а на ближайшей станции их сцапали. Доставили прямо в нашу часть, устроили полевой суд и — к расстрелу. Да как! Перед всем полком, чтобы другим не повадно было. Отвели нас с передовой в лес, построили вот таким манером... — Силин пальцем начертил на тюфяке большую букву П. — Выводят, значит, дезертиров. А они,

сердяги, едва идут. Один-то молоденький был, чуть постарше вас. Плакал. А второй — лет под сорок, матерый мужчина, полтавчанин. Идет, спотыкается и все приговаривает: «Помилосердствуйте, люди, семья, детишки малые...» Детишки, мол, сиротами остаются. Собрались офицеры. Генерал речь держал, что, значит, как они есть дезертиры, то это позор на весь полк, и пусть их сами полчане и расстреливают. Понял, как завернул?..

Кликнули охотников. Все молчат, ни одного не нашлось. Тогда генерал велел нашему батальонному самому назначить. Тот фельдфебеля послал. Фельдфебель, конечно, собака, других я и не встречал. Обошел он строй, отобрал человек десять. Я думаю: «Слава богу, меня хоть миновало!» И тут как назло он выкликает: «Силин!» И вышел я, хлопцы, убивать своих товарищей...

Поставили их к дереву, глаза тряпками завесили. Расстрелом фельдфебель командовал. Дали залп, а дезертиры, как стояли, так и стоят. Понимаешь? Все такие же умные оказались, как и я. Все в воздух выпалили. Фельдфебель чуть не лопнул от злости. Генерал орет: «Предатели, под суд отдам!..» Выстрелили в другой раз. И, пове-ришь, снова ни одна пуля в них не попала! Молоденький не выдержал такого страха, упал и давай кататься по земле. Век проживу — не забуду, как он кричал!.. Привязали его к дереву. Только с третьего залпа и закончили все дело...

Силин смотрел на коптящий огонек светильника, и лицо его, освещенное снизу, казалось составленным из углов и теней.

— Вот как было, хлопцы, — сказал он помолчав. — Там мы кого убивали? Своего же брата —

фронтовика, такого же горюна, как и мы сами. Не хотел он воевать невесть за что. А эту шпионку я бы расстрелял и не поморщился! Это же враг. Не то чтоб тебе враг или, скажем, мне — всей революции враг. Ты подумай: ведь она барыня, генеральская дочка, всю жизнь в роскоши жила, заграничные языки знала, ей один наш запах хуже козлиного, а пошла к нам в машинистки шпионить. Крепко надо нашего брата ненавидеть, чтобы на такое решиться! И наделала делов. Да хорошо бы, чтоб на том кончилось... — Он покашлял в ладонь. — Нынче она что хотела сделать? Передать немцам, что мы убрали матросов, центр оголили. Ведь если они об этом узнают — всему конец...

— Теперь не узнают, — сказал Пантюшка.

— Думаешь? А про того шпиона, что удрал, ты забыл?

— Бумажка-то не у него была.

— Мало что! На словах разве нельзя передать?

Пантюшка подумал и встревоженно заерзал на топчане.

— А и верно! Как же теперь, товарищ Силин? Надо, значит, матросов назад!

В голосе Силина появились злые нотки:

— А я что говорю? Попов уперся, понимаешь, и не своротить его: как решили, так, мол, и будет. Эх, больно много у нас начальства, каждый себя Суворовым воображает! Киренко тоже его сторону взял, вот и поспорь с ними!.. Слышь, Алексей, Киренко-то на тебя зол. Отчего, говорит, он за шпионку заступился? Сам, должно быть, белая кость, контра...

Лешка вскочил:

— Я?! Это я-то белая кость?!

Силин потянул его за руку, заставил сесть.

— Сам виноват: не надо было лезть. Нашел тоже кого защищать!.. Я Киренко говорю: «Ты, что, Павло, ведь этот паренек сам ее выследил». И про отца твоего рассказал. Только тем и успокоил. Да-а, Алексей, в другой раз будешь осторожней: ведь это война, в спешке, бывает, не разберешься, кто свой, а кто не свой. Думаешь, я не понимаю, почему ты психанул? Я понимаю, я все, брат, понимаю. Да нельзя так. Воевать только начинаем, много еще будет крови. Враги кругом. Немцы — что! Пострашней есть враг. Каждый буржуй на нас волком смотрит, норовит в спину ударить. Или возьми Бодуэна. Посмотрел я нынче, как он живет. Везде фарфор, полы паркетные блеском блестят, на потолке ангелочки намалеваны и висят такие штуки для ламп, что я век не видывал. А в спальне под кроватью — винтовки. Вот тебе и ангелочки!

— Товарищ Силин,— сказал Пантюшка,— не понимаю я, какая ему прибыль немцам помогать. Его-то страна тоже с немцем воюет. Он как-то на митинг приезжал. Народу было тьма. Сам думный председатель говорил, что союзники нам помогут немцев одолеть, и на Бодуэна показывал. А тот все поддакивал.

— Чудак ты человек,— улыбнулся Силин.— Это он городскому голове был союзник, а не большевикам. Теперь все по-другому. Была здесь раньше «электрическая компания», свои фабрики имела, и этот самый Бодуэн в ней пайщиком состоял, вроде хозяина, что ли. А большевики те фабрики прибрали в пользу народа. Нынче Бодуэну наплевать, кто будет — немцы ли, черт ли, дьявол,— лишь бы не большевики. Понял? Он с немцами от одной мамы...

— А почему же тогда не взяли его? — приставал дотошный Пантюшка. — А Попов еще говорит: дадим уехать?

Силин по привычке потер подбородок.

— Я в этом, брат, и сам не разбираюсь, — признался он. — Дипломатия... Хитрое дело! Попов говорит: «Нельзя», а он образованный, ему видней. В Петрограде, слышал, чрезвычайную комиссию организовали по борьбе с контрреволюцией? Чрезвычайную! — повторил он многозначительно. — Доберутся, должно быть, и до этих самых бодуэнов... Ну вот, хлопцы... Влезли вы в развеселую заваруху, так надо держаться. Сами говорите: не маленькие. Погоди, Алексей, дай срок, такими станете революционерами — загляденье! — Силин засмеялся и похлопал Лешку по колену. — Что-то еще хотел тебе сказать, Алексей... — Он поморщился, тронул пальцем висок. — Что же это?.. Нет, не припомню... Всё. Пойду... А устал я — сил нету! — Он посмотрел на свободный топчан, и было видно, что его одолевает нестерпимое желание прилечь.

Вздохнул:

— Ну, ладно, отдыхайте. Завтра пойдем того гимназиста брать, что к ней ходил.

— Маркова, — подсказал Лешка.

— Во-во. Прощупаем, что за фигура... Если, конечно, все будет в порядке, — неожиданно добавил он.

И, распрямив плечи, точно стряхивая с них какую-то тяжесть, грузно пошел к двери.

Лешка задул огонек.

— Хороший он человек! — сказал Пантюшка.

— Хороший, — согласился Лешка.

Пантюшка спросил:

— Послим, Леш?

— Поспим, Паня...

Но долго еще лежал Лешка без сна.

Перед рассветом вернулись фронтовики и Ващенко. Молча составили винтовки в пирамиду, молча разошлись по топчанам.

Незаметно поредела ночь. Точно нарождаясь из мрака, очертились предметы. Прошло еще немного времени, и воздух за посветлевшими окнами приобрел легкий золотистый оттенок.

Наступало утро четвертого апреля — дня решающего сражения за Херсон.

С первыми лучами солнца за городом грянула канонада...

ЧЕТВЕРТОЕ АПРЕЛЯ

Были ли тому виной шпионские донесения, или немцы сами разгадали несложный маневр повстанцев — неизвестно. Как бы там ни было, наступление они начали именно в центре. Дружина вадоновских рабочих не смогла сдержать их натиска. В последний момент Совет пяти перебросил черноморцев на прежнее место, но они явились слишком поздно. Фронт был прорван, и немцы начали быстро расширять брешь.

Если и раньше защитники города значительно уступали врагу в численности и вооружении, то у них по крайней мере была единая крепкая оборона. Теперь они лишились и этого преимущества.

Еще шли бои у вокзала, еще лилась кровь за каждый домишко на городской окраине, еще заградитель «Ксения», раскаляя стволы своих двух небольших пушчонок, посылал снаряд за снарядом по наступающим немцам, но судьба Херсона уже решилась. Он был обречен.

Около девяти часов утра немцы заняли вокзал и ворвались в город.

По всем улицам, тянувшимся к Днепру, двинулись их серо-зеленые цепи...

...Лешка растерял всех — и Пантюшку и Силина. В суматохе, выскочив из штаба вместе с караульной командой, он каким-то образом очутился на Говардовской улице возле старых кирпичных лабазов.

Здесь строили баррикаду. Фронтовики и рабочие ломали лабазные ворота, валили столбы, выкатывали из складов бочки. По мостовой тек пахучий огуречный рассол. Из ближних дворов вытащили несколько телег и, опрокинув набок, перегородили ими улицу. Откуда-то взялись матрацы, тюфяки, большой дубовый буфет, черный от времени... Все это сваливалось в одну кучу.

Когда баррикада была готова, со стороны вокзала пришла группа матросов, человек шесть.

Двоих вели под руки: они были ранены. Матросы сообщили:

— Идут, сейчас здесь будут!..

Раненых увели в порт, а два моряка остались на баррикаде.

— У кого патроны есть? — спросили они.

У Лешки в патронташе, которым он вместе с винтовкой разжился в штабе, было несколько заряженных обойм. Их тотчас расхватали. Последнюю оставшуюся обойму Лешка загнал в патронник и залез на груды бочек, сложенных в самой середине укрепления.

Шумные, громкоголосые моряки сразу стали главными людьми на баррикаде, особенно один из них — высокий парняга с волосатыми руками и квадратным подбородком.

— Залегай! — распоряжался он. — Стрелять не спешить, пусть ближе подойдут...

Лешке он крикнул:

— Куда ты, дурья башка, залез! Сшибут тебя, мигом слезай!

Он сам расставил защитников баррикады, в душу разматюкал какого-то бородатого фронтовика, устроившегося под телегой, потом велел разобрать доски на тротуаре на случай контратаки.

Ему с готовностью подчинялись.

Появились немцы. Они густой цепью шли вдоль улицы. Полы их серо-зеленых шинелей были подоткнуты под пояса. Стальные глубокие шлемы были надвинуты чуть не до плеч. Белым блеском отсвечивали ножевые штыки.

За первой цепью показалась вторая, за ней еще одна...

Заметив баррикаду, немцы замешкались, остановились. Выскочил офицер и что-то скомандо-

вал, тряся палашом. Солдаты двинулись снова. Откуда-то зачастил пулемет, и пули затарахтели по деревянной крепости.

Матрос крикнул:

— Угостим немца напоследок, братишечки! Слушай команду. Огонь!..

Бой был короткий. Отхлынув после первого залпа, немцы не возобновили атаки. Непрерывно поливая баррикаду из пулеметов, они выкатили на прямую наводку полевое орудие.

— Теперь все! — безнадежно проговорил матрос. — Надо уходить...

Первым же орудийным выстрелом он был убит. Лешка видел, как второй матрос тряс его за плечи, звал по имени, наклоняясь к самому лицу, как черными от грязи и пороха пальцами поднимал его веки и заглядывал в глаза...

Вместе с другими защитниками баррикады Лешка добежал до угла. Здесь он задержался... Он не мог уйти, не увидев всего до конца.

Стоя над убитым товарищем, матрос палил из нагана. Расстреляв патроны, он швырнул револьвер на землю, повернулся и побрел по улице. Он шел тяжело, медленно, точно забыв об опасности, а за его спиной немецкая пушка разрушала последнюю херсонскую баррикаду — взлетали обломки досок, высоко, переворачиваясь в воздухе, подскочило колесо от телеги, мутным фонтаном ударила в стену ближнего дома струя рассола из разбитой бочки. Дым заволакивал улицу...

На Ганнибалловской, куда Лешка попал, увлеченный потоком отступавших фронтовиков, он неожиданно увидел Силина. Размахивая большим автоматическим пистолетом, Силин пытался остановить бегущих. Всклопоченный, в разорванной на боку шинели, он метался по мостовой, хватал

людей за плечи, иступленно выкрикивал ругательства. Его никто не слушал. Кто-то крикнул пробегая:

— Чего стараешься, Петро! Теперь уже все!

Силин остановился, протрезвевшими глазами оглядел улицу. Он, казалось, только сейчас понял, что ничего нельзя изменить. Люди, в панике отступавшие к порту, уже не составляли боевой силы. Теперь это была толпа, охваченная единственным стремлением — спастись! Многие побросали оружие...

Силин плюнул, сокрушенно качнул головой и, ссутулившись, направился к боковой улице.

Лешка догнал его:

— Товарищ Силин, вы куда?

Увидев Лешку, тот не выразил ни удивления, ни радости, ни досады. Только сказал устало:

— Вот и все, Алексей, конец!

Мимо пробежали двое фронтовиков, срывая на бегу с шинелей красные банты — отличительные знаки командиров.

— Куда бегут, куда бегут! — проговорил Силин. — Все корабли ушли. Перебьют их в порту...

— А вы куда? — настойчиво повторил Лешка. Непонятно почему, но в эту минуту он чувствовал себя сильнее фронтовика.

Силин неопределенно махнул рукой:

— Надо схватиться до ночи. Там видно будет.

— Пойдемте со мной, я знаю место!

— Веди...

Надо было торопиться. Немцы занимали квартал за кварталом. На одном из перекрестков Лешка увидел несколько фронтовиков, ломавших станковый пулемет. В другом месте коренастый рабочий в промазученной до кожаного блеска ватной куртке, стоя за рекламной тумбой, стре-

лял из карабина. Когда кончились патроны, он пощелкал пустым затвором, перехватил карабин за ствол и с размаху ударил по булыжникам. Приклад разлетелся на куски. Рабочий скрылся за углом...

Кратчайшим путем, где через лазейки в заборах, где по крышам деревянных сараев, Лешка привел Силина к своему дому на Кузнечной улице. Здесь было сравнительно тихо: бой проходил стороной, отдаляясь к порту.

Ворота их дома были заперты. Лешка перелез через ограду, снял засов и впустил Силина.

Позади пустого курятника, возле бревенчатой стены сарая, Лешка разобрал остатки израсходованной за зиму поленницы. Под нею открылись сложенные рядком толстые доски. Лешка раздвинул их.

— Лезьте сюда, — сказал он, — скорее!..

Ни о чем не спрашивая, Силин спрыгнул в открывшуюся под досками яму. Лешка спустился за ним и аккуратно прикрыл вход.

...Это был тот самый тайник, в котором Лешкин отец прятал людей от полиции. О его существовании не знал даже хозяйственный Глуценко.

Здесь можно было стоять почти во весь рост. В углу был устроен дощатый лежак, фанерный ящик заменял стол, валялась ржавая керосиновая лампа без стекла. Пахло землей, сыростью и еще чем-то, гнилым и кислым.

Силин и Лешка сели рядом на лежак и стали прислушиваться к незатихающей стрельбе.

— В порт уже, верно, вошли, — проговорил Силин. — Умирают сейчас наши...

Лешка вдруг представил себе сбившихся в кучу людей, падающих под выстрелами, как тот матрос на баррикаде, распластанные тела убитых,

кровь на земле. Все это так ярко возникло перед его глазами, что ему стало трудно дышать.

— Это я во всем виноват, товарищ Силин, я!.. Шпиона упустил. Я один виноват!!

— Брось ерунду молоть! — грубо оборвал его Силин. — Нашел время искать виновных. Все хороши! Шпионку не разглядели — виноваты. Попов не захотел моряков вернуть вовремя — виноват, я виноват, что послушал его... В другой раз будем умнее. Ты думаешь, это конец? Нет, брат, это только начало! Мы еще вернемся сюда! — Он хотел еще что-то сказать, но только вздохнул и с силой ударил кулаком по колену.

Они долго сидели молча.

Наверху стихло. Лишь изредка доносились отдельные выстрелы.

Еще через некоторое время послышались голоса: это возвращались домой Глущенко и Екатерина, прятавшиеся в подвале. Все кончилось. Херсон стал немецким.

ДОМА

Через два часа, оставив Силину винтовку и револьвер, Лешка осторожно вылез из тайника и с заднего крыльца постучался в дом.

Открыла ему Екатерина.

— Лешенька! — ахнула она. — Живой!

Она втащила Лешку в комнату и стала ощупывать его руки, грудь, голову. Она смеялась от радости, смахивала пальцами слезы и приговаривала:

— Живой! Слава тебе, господи, живой!

— Твой-то дома? — спросил Лешка.

— Нету его, — всхлипывая, ответила Екатерина, — ушел немцев смотреть.

Это было хорошо: встреча с шурином не сулила Лешке ничего приятного.

— Дай мне умыться, Катя,— попросил он.

Она засуетилась, принесла в столовую таз с водой, чистое белье и, пока Лешка мылся и переодевался, приготовила ему поесть. Все время она говорила, говорила без умолку, что на Лешке лица нет, что она совсем измучилась из-за него, что отец, когда узнает, не спустит ему такого поведения.

Успокоившись, она села напротив Лешки и жалостливо уставилась на него:

— Что же теперь, Лешенька, как будешь дальше жить?

Вместо ответа Лешка, продолжая жевать, сказал:

— Собери мне узелок с собой, Катя, еды побольше.

— Никак ты уходить собрался! — всплеснула она руками. — Не пущу! Слышишь, не пущу! Ты убить меня хочешь? Я папе напишу! Я..

— Тихо! — прикрикнул на нее Лешка и, совсем как это делал когда-то отец, хлопнул ладонью по столу. — Не вопи!.. Слушай, Катя,— продолжал он мягче,— нынче ночью я уйду. Мне оставаться в Херсоне нельзя, обязательно выдаст кто-нибудь.

— Я тебя спрячу, Лешенька, ни одна живая душа не узнает!

Лешка нетерпеливо поморщился:

— Мне теперь одна дорога: уходить. И ты меня не удерживай, все равно уйду!..

Заметно возмужавший за последнее время, худой до того, что было видно, как под кожей шек двигаются зубы, Лешка так напоминал отца, что

Екатерина не решилась возражать. Она робко спросила:

— Куда же ты пойдешь, Лешенька?

— В Красную Армию. Отцу напиши... Обо мне не беспокойся, Катя, я тебе письмо пришлю. А мужу своему не говори ничего пока.

— Ты сейчас и уйдешь, Леша?

— Говорю тебе: ночью. А еду ты мне сразу собери, я ее во дворе спрячу, чтобы Глущенко не видел. Ну давай, Катя, не теряй времени! Стой, что это?

На улице, недалеко от дома, послышалась какая-то возня, и вдруг протяжно и отчаянно закричал человек. Вслед за тем, сотрясая оконные стекла, грохнул выстрел, и крик оборвался.

Опрокидывая стул, Лешка бросился к окну. Сквозь заложённые ставни ничего нельзя было разглядеть, но через несколько секунд он отчетливо услышал топот множества ног по мостовой. И почти тотчас же раздался сильный стук в ворота.

— Немцы! — проговорил Лешка. — Дворы обходят. Катя, надо открыть.

У Екатерины тряслись губы.

— Это за тобой пришли, Лешенька!

— Что ты мелешь! Они дворы обходят. Пойди открой, хуже будет!

Она попыталась встать, но не смогла: ее не держали ноги. Тогда Лешка сам бросился к двери. Сообразив что-то, он на ходу отстегнул свой новый военный ремень, швырнул его под стол и выскочил во двор.

Ворота гремели под ударами винтовочных прикладов.

— Иду, иду! — крикнул Лешка. — Сейчас!

...Засов цеплялся за кривую скобу. Лешке не сразу удалось сбросить его.

За воротами стояли немцы.

— Почему долго не открывал? — крикнул один из них, полный, небритый, с офицерскими нашивками.

— Не успел, торопился, — ответил Лешка и не узнал своего голоса, осипшего, точно от простуды.

Офицер, сузив глаза, смотрел на его форменную гимназическую рубашу.

— Кто ты есть? — скрипуче спросил он. — Фронтзольдат... Фронтэвик?

— Я гимназист, — сказал Лешка, — гимназист, гимназия, ученик, понимаете?

Немец брезгливо и недоверчиво оглядел его с ног до головы и, оттолкнув плечом, пошел в ворота.

— *Durchsucht alles, schneller!*¹ — приказал он. Солдаты разбежались по двору.

— Кто-нибудь заходил сюда? — спросил офицер.

Лешка энергично затряс головой:

— Нет, что вы, никого не было!

— Кто в доме?

— Я и сестра с мужем. Он торговец, торгует, коммерсант, — добавил Лешка, вспомнив любимое слово Глушенки.

Офицер еще раз смерил его взглядом и отвернулся.

Стоя за его спиной, Лешка, затаив дыхание, смотрел, как солдаты рыскали по двору, ворошили штыками кучу хвороста, для чего-то заго-

¹ Обыскать все, живее! (нем.)

товленного Глущенко, выламывали двери сарая и шарили внутри. Один немец спустился в подвал, а двое зашли в курятник... Они пробыли там несколько секунд и вернулись, ничего не заметив. У Лешки отлегло от сердца.

Запирая за офицером ворота, Лешка слышал, как немцы уже ломились в соседний двор. От пережитого волнения он чувствовал усталость во всем теле. Сейчас, когда опасность миновала, ему было стыдно вспоминать, каким просительным, приниженным голосом он разговаривал с этим толстым самоуверенным немцем... Плевать! Как бы там ни было, он спас Силина и Екатерину, которой тоже не поздоровилось бы, найди немцы спрятанного на ее дворе фронтовика. Кроме того, он теперь знает, что в своей гимназической форме не вызывает подозрений. Можно было даже сходить в город и посмотреть, что там делается...

Екатерина собрала Лешку в дальнюю дорогу. В старый вещевой мешок, с которым отец ездил на рыбалку, она уложила смену белья, носки и всю еду, какая нашлась в доме. Пока она возилась, Лешка достал из своего сундучка чистую выходную форменную рубашку и запасной ремень с белой пряжкой, на которой еще сохранился вензель первой херсонской гимназии. Рубашку он попросил отутюжить.

Когда Екатерина занялась утюгами, он отнес мешок к тайнику.

Силин спал. От света, упавшего ему на глаза, он встрепенулся и схватил винтовку.

— Это я,— успокоил его Лешка,— поесть вам принес.

Он передал Силину мешок и кружку с водой, которую захватил в снях.

— Пейте скорей, кружку надо назад.

Силин с жадностью выпил воду.

— Спасибо, брат, в горле точно наждаком скребли. Это ты с немцами разговаривал?

— Я.

— Больше, должно быть, не придут...

— Товарищ Силин,— сказал Лешка,— я в город хочу сходить.

— Это еще зачем?

— Так... Может, увижу кого из наших.

— Тебе что, жизнь надоела?

— Почему надоела! На мне разве написано? Эти-то немцы ничего не подумали.

Силин промолчал.

— Так как же, товарищ Силин?

— Вот что, Алексей,— сказал Силин,— я бы тебя сейчас не посылал, но раз ты сам... В общем слушай. Дам тебе адрес. Это то место, куда я сначала хотел пойти. Скажешь, что ты пришел от Петра Павловича поздравить с освобождением. Запомнил? От Петра Павловича поздравить с освобождением, так и надо сказать.

— Ясно,— ответил Лешка. Дело было знакомое.

— Расскажи им, где я, и вообще обо всем. Там люди верные, помогут выбраться из Херсона. Адрес такой: Купеческая улица...— Силин назвал адрес и велел Лешке повторить.— Помни, Алексей, если попадешься, лучше меня покажи, а этот адрес забудь!

— Да вы что! — обиделся Лешка.

— Слушай, не перебивай! По городу ходи осторожно, смотри, чтобы не выследили тебя. На рожон не лезь, помни, что ты не один. Да, что

говорить, сам должен понимать. Теперь ступай... Счастливо. И осторожней!..

Лешка тщательно сдвинул доски и нагреб на них мусору.

— Здесь, может, Глущенко будет шататься, се-стрин муж, так вы молчите,— предупредил он.— Я приду — стукну три раза, вот так.

— Ладно.

Рубаха уже была готова. Умытый, в свежестуженной форме, Лешка имел вид вполне благонамеренного старшекласника.

— Может, не пойдешь, Лешенька? — готовясь снова заплакать, сказала Екатерина.— Ведь знают, что ты у фронтовиков был. Братинька, не ходи!..

Но Лешка уже не слышал ее.

ХЕРСОН — НЕМЕЦКИЙ ГОРОД

Лужа подсохшей крови на тротуаре возле соседнего дома — вот что прежде всего увидел Лешка на улице. Но это было только начало.

Он вышел на Суворовскую и не узнал ее. Еще вчера здесь было пустынно и неприятно. Слепыми казались дома с запертыми ставнями. Покинута чернели фонари, которых давно никто не зажигал. Чудо — если появлялся прохожий в штатской одежде...

Сегодня все изменилось, словно по волшебству. Распахнулись окна. Исчезли черные пластыри гофрированных щитов с магазинных витрин, и в тени парусиновых тентов открылись холодные глыбы масла, пирамиды колбасных кругов, остроконечные сахарные головы.

В городе, где на рабочих окраинах люди сутками простаивали в очередях, чтобы получить

пайковый фунт хлеба, оказались запасы муки, мяса, круп и самой разнообразной снеди...

Тротуары заполнили добропорядочные херсонские обыватели. Многие вышли целыми семьями, ведя за руки принаряженных детей. Настроение было праздничное.

В толпе неторопливо разгуливали главные виновники торжества — немецкие и австрийские офицеры. Перед ними почтительно расступались, мужчины приподнимали котелки.

Напротив кондитерского заведения Голубева биваком расположился немецкий батальон. Ожидая, когда их разместят на постой, солдаты грелись на солнце, лениво переговаривались, курили, с любопытством рассматривая зевак, плотным кольцом стоявших вокруг. Перед ними появился хозяин кондитерской, известный всему городу богач Голубев, приземистый, пузатый человек в длинном сюртуке.

— Дорогим освободителям! — выкрикнул он и широким жестом распахнул двери магазина.

Напомаженные приказчики в белоснежных фартуках стали вытаскивать прямо на панель большие фанерные ящики, доверху наполненные румяными, только что из печи, булками, которые в Херсоне называли «франзолями». В воздухе горячо и сладко запахло сдобой.

— От благодарного русского купечества! — объявил Голубев. — Милости прошу!

Солдаты сгрудились вокруг ящиков.

Нарядные дамы заплодировали Голубеву. Какой-то господин с расчесанной надвое бородкой крикнул:

— Bravo!

Лешка вспомнил слова Силина: «Сейчас они повылазят, покажут себя...»

Держась ближе к подворотням, он смотрел во все глаза.

Контрреволюция «показывала» себя в полной мере. Хорошо одетые, радостно возбужденные люди двигались по Суворовской, затирая добротными башмаками свежие следы крови, пролитой утром на этих тротуарах.

Кого здесь только не было! Лавочники, благообразные деятели из городской думы, гимназические учителя...

Лешка увидел здесь Глущенко в фетровой мягкой шляпе с задранными вверх полями, которую тот надевал в особо торжественных случаях. Один раз мелькнула коренастая фигура Маркова.

Сегодня был их день. Сегодня для них светило солнце.

На фонарных столбах уже белели «Обращения германского командования ко всем жителям города Херсона». Доводилось до сведения, что глава вновь созданного городского самоуправления представитель партии социалистов-революционеров господин К. дал командованию доблестных немцев заверения в полном спокойствии жителей города на все время пребывания в нем австро-германских войск. Далее говорилось, что немцы пришли сюда как друзья и, потому, в своем стремлении навести порядок, они не остановятся ни перед чем. Прежде всего жителям Херсона надлежало в течение суток сдать все имеющееся у них оружие. Кроме того, запрещалось хождение по улицам позже девяти часов вечера. За нарушение любого из этих условий — расстрел.

Возле листовок собирались кучки обывателей. В одной из них разливался певучим южным го-

лоском худенький, пестро одетый человек в плоской соломенной шляпе канотье:

— Я вам скажу, что это совершенно логично, господа! Они освободили нас от угнетателей, так они хотят, чтобы им было спокойно. Они вам сделают порядок, будьте уверены!

— Оккупационный порядок! — заметил кто-то.

Худенький господин затрепыхал в воздухе руками в кремовых перчатках.

— Ай-яй, как мы обожаем красивые слова! Оккупационный порядок, оккупация!.. Перестаньте говорить глупости! В немецкой оккупации для интеллигентного человека больше свободы, чем во всем вашем большевистском раю!..

Лешке не удалось дослушать этот спор, потому что в конце улицы неожиданно раздались крики. Сверху, с висячего балкона дома, радостно сообщили:

— Поймали! Большевика поймали!

Стоявший на балконе мальчишка заныл, стуча ногами от восторга и нетерпения:

— Ой, пусть их приведут сюда! Ой, я хочу посмотреть!..

Дебелая дама одергивала его:

— Не прыгай, упадешь вниз! Их приведут, приведут, ты все увидишь!..

Толпа повалила навстречу арестованным, и Лешка побежал вместе со всеми.

Немцы вели трех человек: молодого парня в синем пальто, на котором висели ключья мочалы, и двух фронтовиков в мокрых до нитки шинелях. Сразу же стало известно, что фронтовиков взяли в порту, где они скрывались под настилом угольного пирса, сидя по горло в воде, а парня нашли на чердаке одного из домов.

Чинная толпа обывателей преобразилась на глазах.

Арестованным кричали:

— Попались, сволочи, большевики проклятые!

— Кончилось ваше царство!

— К стенке их!

— Дайте их нам, мы сами рассудим!..

Толстая женщина в розовом капоре, встряхивая рыхлыми щеками, пронзительно выкрикивала одно и то же слово:

— Мерзавцы, мерзавцы, мерзавцы!..

Фронтовики затравленно озирались. Один был высокий, рябой, обросший черной щетиной; другого Лешка знал: он видел этого низкорослого быстроглазого солдатика в Союзе фронтовиков. Сейчас тот шел согнувшись, припадая на левую ногу, и поминутно сплевывал на землю красную слюну из разбитого рта. Кто-то сшиб с него папаху, мокрые волосы челкой упали на лоб, и от этого он казался совсем мальчишкой. Штатский как-то по-птичьи, рывками, вертел головой и жалобно бормотал:

— За что, люди добрые? За что караете! Посмотреть только залез на тот чердак, святой истинный крест посмотреть... Помилуйте, голубчики, невинный я!..

На углу Суворовской и Потемкинской арестованных поставили лицом к стенке. Шагах в десяти от них построилось отделение немецких солдат.

В толпе нашлось несколько сердобольных. Делегация, состоящая из учителя гимназии Чумичина, какого-то заезжего студента и длинноносой энергичной дамы, обратилась к немецкому офицеру, прося помиловать штатского парня. Ведь могло оказаться, что он действительно и ни при чем.

Офицер с недовольным видом подошел к нему:
— Zeige die Hende! ¹

— Руки покажи,— перевел студент.

Плохо понимая, что от него хотят, парень протянул руки. У него были плоские ладони, покрытые задубевшими буграми мозолей; чернела въевшаяся в кожу металлическая пыль. Парень был рабочим, и этого оказалось достаточным...

Офицер пожал плечами, как бы говоря: «Ничего нельзя сделать, господа», — и крикнул солдатам:

— Achtung! ²

Лешка не стал больше смотреть. Работая локтями, он вырвался из толпы и бросился прочь от этого места. Когда раздался залп, ему показалось, что это в него, в голову, в грудь, в самое сердце ударили пули...

Он остановился только на Купеческой, где было тихо и пустынно, как в прежние дни.

ПРОЩАНИЕ

В доме на Купеческой, как впоследствии узнал Лешка, находился херсонский подпольный губком партии. Высокая молчаливая хозяйка, которой Лешка сказал пароль, отвела его в просторный подвал. Здесь было человек пять. Некоторых Лешка встречал и раньше на митингах и в штабе фронтовиков.

С ним разговаривал узкоплечий, большеносый человек. Расспросив Лешку о Силине, он сказал, что ночью губком будет переправлять через Днепр в плавни застрявших в Херсоне партизан. В рабочий поселок, что в Военном Фортштадте,

¹ Покажи руки! (нем.)

² Внимание! (нем.)

придут баркасы из Голой пристани. Туда и надо пробраться, когда стемнеет. На прощанье он просил передать Силину привет от Захара — так его звали.

Лешка возвращался на Кузнецкую напрямиком, минуя центр. В городе было по-прежнему оживленно. Издалека доносилась музыка — на Суворовской открылись кафе... То и дело навстречу попадались немецкие патрули. На одном из перекрестков немцы обносили колючей проволокой недавно вырытый окоп, в котором был установлен пулемет. Время склонялось к вечеру. Над городом плыли облака, и цвет у них был багрово-красный...

Перед тем, как надолго покинуть Херсон, Лешке пришлось еще раз побывать в родном доме, чтобы взять в дорогу шинель.

Поздно вечером, оставив Силина дожидаться во дворе, он тихонько постучался в дом...

Снова плакала Екатерина, снова умоляла Лешку остаться и, обхватив руками шею, вымочила слезами его гимнастерку на груди. Лешка гладил ее по волосам, по теплой вздрагивающей спине и сам готов был заплакать. Ему было до боли жалко сестру, жалко оставлять ее, такую слабую, беспомощную, совсем одну с Глущенко.

Они стояли в кухне и разговаривали шепотом, чтобы не привлечь его внимания, но он все-таки услышал и ввалился в кухню, с грохотом опрокинув дверью мусорное ведро.

— А-а, пришел большевик! — протянул он, останавливаясь у порога. — Явился все-таки!

Щекастое его лицо расплылось в ехидной улыбке. Губы сально лоснились. За дверью виднелась стоявшая на столе бутылка с водкой. У Глущенко был праздник.

— Пришел! Нашкодил, нагадил и пришел! Спрятаться здесь думаешь? А?

Екатерина испуганно смотрела на брата. Едва сдерживаясь, Лешка ответил:

— Я уйду, не беспокойтесь!

Глущенко захохотал:

— Уйдешь, как же! К немцам в пасть! Они тебя сглотят со всей твоей большевистской требухой...— Он хлопнул себя по выпуклому загривку:— Вот ты куда уйдешь! Ко мне на шею! Все сюда лезут, все! Лезьте, Глущенко выдержит! Глущенко добрый! Небось, когда до тебя была нужда, увильнул, а как до своей шкуры дошло, приполз: спрячьте, мол, боюсь!

— Пашенька! — простонала Екатерина.

— Что Пашенька? Что Пашенька, я спрашиваю! Неправда? Он возле начальства отирался, а мне пришлось окопы рыть для всякого быдла! Вот он какой родственничек!.. Слушай, ты, папин сын! Я тебя пущу, так и быть, за ради Катерины пущу... Но ты, паршивец, навсегда запомни, кто тебе жизнь спас! И чтоб тихо у меня, никаких большевистских штук! Чтобы в доме нишкнуть!

— Плевал я на твою помощь! — проговорил Лешка. — Вот так, видишь! — И плюнул в угол.

— Что-о?! — Глущенко отшатнулся, хлопнул ртом, лоя воздух.

Едва удерживаясь от желания сунуть кулаком в ненавистное лицо шурина, Лешка заговорил тихо, звенящим от напряжения голосом:

— Плевал я на твою доброту! Вот она где у меня сидит! Давно бы ушел от вас, да Катю было жалко... Век бы тебя не видеть, холуй ты, немецкая шавка!

Все, что накипело, все, что давящим тяжелым комом скопилось за последнее время в потрясен-

ной Лешкиной душе, он вышвыривал сейчас в оторопело распахнувшиеся глазки Глущенко. Он выбирал самые грязные слова, и ему казалось, что он говорит их не одному Глущенко, а всем тем людям, с которыми тот шлялся сегодня по Суворовской. В голове мелькало: «Что я делаю! Ведь Кате жить с ним!» Но он не мог остановиться.

— Я сейчас уйду, но ты знай: я вернусь еще! Если ты Катю обидишь, я тебя где хочешь найду! Хоть под землей! Все ответите, и ты, и вся ваша шайка! Понял? Прощай, Катя!

Лешка сорвал с крючка шинель и, откинув носком ботинка подкатившееся ему под ноги мусорное ведро, вышел, хлопнув дверью.

Уже на крыльце он услышал, как в голос заплакала Екатерина и заорал пришедший в себя Глущенко.

— Чего вы там расшумелись? — спросил Силин.

— Так, ничего, — тяжело дыша, ответил Лешка. — С шурином говорил... Попрощались... Теперь все...

Снова пригодилось Лешкино знание города. Он вел Силина путями, известными только херсонским мальчишкам. Город был темен и тих, но почти на каждой улице расхаживали немецкие патрули. Приходилось петлять, возвращаться назад и искать дорогу.

Они добирались не меньше часу. В районе Гимназической улицы миновали последнюю немецкую заставу и спустились к Днепру. Берегом вышли к поселку.

Низкие покосившиеся хибарки стояли неровно, то выше, то ниже, сливаясь в одну груды. Ни

огонька в окнах, ни дыма над крышами, ни собачьего бреха. Но вскоре дорогу им преградили три темные фигуры. Три такие же фигуры появились сзади. Спросили угрожающе:

— Кто идет?

Силин назвал себя, держа наготове гранату. Лешка тоже сунул руку за пазуху и схватил револьвер. Силина узнали. Когда пошли дальше, Лешку уже не могла обмануть кажущаяся пустота поселка: вокруг слышалось движение, приглушенные голоса.

На берегу увидели людей. Осторожно постукивая топорами, они сбивали плот. Чуть дальше темнело длинное, с плоской крышей, строение, по виду похожее на сарай. Туда их и направили.

В низкой хибаре, где удушливо пахло гнилой рыбой, было много народу. Сидели, лежали, стояли вдоль стен, опираясь о винтовки. Коптили тусклые фонари. В углу две женщины в белых косынках наклонились над лежавшим навзничь фронтовиком, у которого была забинтована вся голова. Люди молчали.

Приход Силина и Лешки вызвал некоторое оживление.

— Живой, Петро? — окликнули Силина.

— Проходи, начальство, садись...

— Чего ждем? — спросил Силин.

— У моря погоды, — ответили ему.

— Баркасы должны прийти.

И снова кто-то невесело сказал:

— Кататься поедем...

В одном из рабочих, молчаливо сидевших вдоль стен, Лешка узнал Тимофея Ильича Дымова, Пантюшкиного отца. Лешка шагнул к нему через чьи-то ноги.

— Тимофей Ильич, — позвал он.

Дымов взглянул мутными непонимающими глазами.

— Я Михалев Алексей, помните меня? А где Пантюшка?

— Пантюшка...— повторил Дымов и покачал головой. — Нет Пантюшки...

— Как нет?

— Не трожь ты его, хлопец, — сказал кто-то, — у него сынка убило...

...Баркасы пришли только через три часа.

Грузились торопливо. Баркасам предстояло до рассвета сделать несколько рейсов: на берегу скопилось много людей, а из темноты все время подходили новые.

Со скрипом напряглись уключины. Плеснула вода под веслами. Берег стал отдаляться и скоро исчез.

От воды несло холодом. На поверхности реки смутно отражались льдистые искорки звездного блеска. Лешка сидел, стиснутый фронтовиками, крепко прижимал к себе винтовку.

Далеко-далеко, где-то в стороне Сухарного, медленно оплывало зарево затухающего пожара, и на его фоне нелепо и мрачно громоздились дома. Перегруженный баркас тихонько покачивался, и все дальше в темноту отодвигался Херсон, город Лешкиного детства.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шестьдесят километров, отделяющие Николаев от Херсона, поезд тащился больше семи часов. Он был до отказа набит беженцами. Люди ехали целыми семьями, обживались в тесных вагонах, и порой, казалось, не очень-то стремились доехать. Лишь бы не наскочивали банды, лишь бы удалось на уцелевшее барахлишко выменять мешочек картофеля да пару морковок для детей,

вот и можно жить. А что ждет там, в конце пути,— кто знает!..

Алексею казалось, что на весь состав ему одному по-настоящему не терпится увидеть наконец Херсон.

Всю дорогу он просидел на тормозной площадке заднего вагона, где, кроме него да горбатого проводника, пристроились еще человек шесть, смотрел на степь, на пустые поля, поросшие кое-где белесыми кустами.

На Херсонщине было знойно, все выцвело в степи. В небе висели плоские облака, точно пеплом подернутые от сухости.

В Херсон прибыли в третьем часу пополудни.

Не успели остановиться, как Алексей уже соскочил на землю и зашагал к зданию вокзала. Предъявив документы красноармейскому патрулю и спросив адрес ЧК, он вышел на широкую привокзальную площадь-пустырь и оглянулся, надеясь найти попутную подводку. Подвод не было. Алексей кинул на плечо вещевой мешок, с сомнением посмотрел на сапоги — выдержат ли? — и пошел пешком.

Возле больницы Тропиных он догнал крестьянина на пустой пароконной телеге.

— Эй, дядя, подвези!

Приклеив к губе лоскуток газеты, возница вытряхивал на ладонь табачные крошки из кисета.

— Махорка е? — спросил он.

— Есть махорка. Армейская!

Возница раздернул ширинку холщового кисета:

— Сыпь.— Получив табак, он нагреб сена в задок телеги: — Седай... — И пустил лошадей рысцей.

Они выехали на улицу Говарда.

У Алексея щемило сердце, когда он смотрел

на белые херсонские дома с узорными решетками поверх дверных стекол, на выложенные желтым известняком панели, на запыленные липы по сторонам дороги. Все было знакомо до боли. Он вернулся на родину...

Два военных года — большой срок. За это время Херсон многое перетерпел. Были здесь деникинцы, был атаман Григорьев, были греки и французы. Следы их посещений попадались на каждом шагу: то обгорелые балки вместо дома, то сломанное артиллерийским снарядом дерево... Сейчас Херсон осаждал Врангель. Так же, как и два года назад, доносился оружейный гул. Стреляли где-то в стороне Днепра. Упругие удары выстрелов чередовались с обвальным грохотом разрывов.

— Откуда бьют? — спросил Алексей.

Возница ответил, сердясь неизвестно на кого:

— Шо це за «бьют»? Чи це бьют! Ото ничью побачишь, шо буде!

Вид у города был запущенный и неприветливый. В канавах у дороги гнили помои, в них рылись одичалые собаки. В раскаленном воздухе растекалось зловоние. Жители ходили с озабоченным видом, не глядя по сторонам, и чувствовалось, что они давно уже привыкли и к этой запущенности, и к грязи, и к артиллерийской пальбе, и ко многому другому, что их ничем уже нельзя удивить. Как непохожи они были на тех шумных, темпераментных херсонцев, каких Алексей знал с детства.

Да и сам он был уже не тот долговязый гимназист, что апрельской ночью восемнадцатого года на рыбацьем баркасе ушел в плавни с остатками разбитых немцами фронтовиков. Дорога его на родину кружила по Украине, по России, уходила

далеко на север, до Перми, и снова, хитро поплутав, привела на Херсонщину. Около года Лешка был ординарцем Силина, который командовал пехотным полком в Красной Армии. Потом Силина перевели на партийную работу, назначили комиссаром кавалерийской дивизии, и он перетасил Алексея за собой. Здесь Алексей стал работать в Особом отделе. Рекомендовал его туда Силин. «Хватит,—сказал он,—в ординарцах ошиваться. У парня голова культурная, а он на посылках — не по-хозяйски это!..»

Семь месяцев Алексей проработал военным следователем. Здесь же приняли его и в партию...

В апреле двадцатого года дивизия остановилась в Верхнем Токмаке. Когда она двинулась дальше, Алексея в ней уже не было: он свалился в тифу. Он не видел, как уходила дивизия, не довелось ему проститься с товарищами, но, когда пришел в себя, обнаружил в больничной тумбочке толстую пачку писем от однополчан и характеристики, оставленные ему Силиным и начальником Особого отдела Головиным. С этими характеристиками, выписавшись из больницы, он приехал в Харьков, в ЦУПЧрезком¹, и оттуда, без толку проболтавшись две недели в ожидании назначения, был направлен в распоряжение Херсонской ЧК.

И вот теперь на попутной телеге въезжал в город рослый красноармеец, стриженный, худой после недавно перенесенного тифа. У него обветренные, обожженные солнцем скулы, твердый рот. И на вид ему можно дать много больше его де-

¹ ЦУПЧрезком — центральное управление чрезвычайными комиссиями Украины.

вятнадцати лет. Только в пристальных светло-серых глазах такой же холодный и беспокойный блеск, как и два года назад...

Одет Алексей был плохо. Гимнастерка и штаны расплзались от ветхости. Печальное зрелище представляли сапоги: истлевшие голенища, подошвы дырявые, кое-как скрепленные кусочками проволоки и подвязанные для верности веревкой. Из дырок торчали концы измочаленных портянок. Шинели не было совсем...

Возле Лютеранской улицы, где когда-то Алексей (тогда еще Лешка) стрелял в шпиона из иностранного вице-консульства, крестьянин повернул налево.

— Стой, дядю, ты куда?

— А тобі що?

— Так мне ж прямо надо.

— Во голос! Ийды, хто ж тобі держить? — удивился возница.

Алексей спрыгнул с телеги. Спорить было бесполезно.

Впрочем, он не жалел, что оставшееся расстояние придется пройти пешком.

И вот он снова шел по Суворовской в густой и прохладной тени ее раскидистых лип. Он вспомнил почему-то не восемнадцатый год, не немцев и расстрел фронтовиков возле Потемкинской, а то казавшееся необычайно далеким время, когда он бегал здесь мальчишкой. Вот улица, где находилась его гимназия. А вон кафе-кондитерская немца Лаупмана, где продавался шербет из разных сортов мороженого, сдобренного вареньем и орехами — мечта всех херсонских ребятишек. Это удивительное по вкусу лакомство носило название «неаполитанское спумони». Сейчас

кафе закрыто, витрины заложены досками, и на них висит объявление:

«Питательный пункт перенесен на Виттовскую».

Орудийные разрывы здесь слышнее, но, не смотря на это, народу много. Хозяйки с тощими кошелками; спешащие куда-то совслужащие; красноармейцы, матросы, крестьяне; беженцы с печальными и голодными глазами, забредшие с вокзала в поисках чего-нибудь съедобного. В тени пустующих деревянных киосков стайками сидят беспризорные...

Алексей свернул на Ришельевскую и прошел несколько кварталов. В одной из боковых улиц стоял красивый двухэтажный дом с большими «венецианскими» окнами, принадлежавший когда-то богатому херсонскому заводчику. Сейчас у подъезда расхаживал часовой. Здесь располагалась уездная ЧК.

В коридорах ЧК многолюдно и шумно. Дежурный — румяный паренек воинственного вида, в кубанке, а наганом на боку — провел Алексея на второй этаж. Отворив одну из дверей, он сунул в нее голову и доложил:

— До вас человек пришедши, приезжий.

— Давай, — сказали за дверью.

Пропуская Алексея, паренек ободряюще подмигнул ему:

— Идите. Не дрейфьте, товарищ...

Человек, сидевший в комнате за широченным письменным столом, был Брокман, председатель ЧК, латыш, плотный, широкоплечий, в серо-зеленом английском френче.

На столе перед ним стояла массивная чернильница без крышки и снарядный стакан вместо

пепельницы. Рядом, на табурете, помещалась коробка полевого телефона.

Он долго и внимательно читал документы Алексея. В документах говорилось, что военный следователь Особого отдела Михалев Алексей Николаевич направляется в распоряжение Херсонской уездной ЧК после «прохождения лечения в госпитале».

В служебной характеристике Алексея было сказано, что Алексей «является преданным делу рабочего класса и беднейшего крестьянства, который не жалел своей молодой жизни за Советскую власть... проявлял отважность и сообразительность в борьбе с врагами, а также, будучи грамотным и членом партии большевиков, стоял, как утес, на страже справедливости...»

В письме ЦУПЧрезкома рекомендовалось использовать Алексея на оперативной работе.

Пока Брокман читал документы, Алексей рассматривал его. У председателя ЧК выпуклый лоб и сильная челюсть. Расчесанные на пробор седоватые волосы лежали на его круглой голове, как склеенные. Руки большие, узловатые, с заросшими ногтями.

Отложив бумаги, Брокман спросил:

— Сам откуда родом?

— Отсюда, из Херсона.

— Здешний? Значит, город знаешь? Родные есть? Где воевал? Ранен? Куда? Образование имеешь?..— Вопросы он задавал отрывисто, с едва заметным акцентом.

Расспросив о работе в Особом отделе, он достал из кармана коротенькую глиняную трубку и, набивая ее махоркой из жестяной коробочки, исподлобья оглянул Алексея.

— Ну и фигуры ко мне шлют,— проговорил,

двинув челюстью,— оборванца на оборванце...
Оружие хоть имеешь?

Алексей достал из заднего кармана маленький бельгийский браунинг — подарок Силина. Брокман махнул рукой:

— Это не оружие для чекиста. — Он подошел к двери, приоткрыл ее и крикнул:

— Фельцера ко мне!

Потом сел за стол и уткнулся в бумаги, словно Алексея и не было в комнате.

Через несколько минут в кабинет влетел щуплый остроносый человечек в съехавшей на затылок военной фуражке.

— Звали? — спросил он, дыша со свистом.

— Это Михалев, наш новый сотрудник, — сказал Брокман. — Надо его одеть, чтобы не стыдно было. И пусть оружие выберет.

Начхоз окинул Алексея оценивающим взглядом и в затруднении покачал головой:

— Нелегкая задача! Такой рост! Это же Илья Муромец! Ну, хорошо, что-нибудь придумаем.

— И еще посмотри, какие на нем опорки. Сапоги у тебя есть?

На лице у завхоза появилось мечтательное выражение. Он точно хотел сказать: «Если бы!..»

— Значит, нету? — спросил Брокман. — В таком случае выдашь кресло.

— Товарищ председатель, — заговорил начхоз мягко, — может быть, товарищ Михалев подойдет? Мне обещали подкинуть партию сапог через недельку-другую. В доме почти не остается кресел.

— Что мне приемы устраивать! — сказал Брокман. — У меня люди голые ходят! Садись, — приказал он ничего не понимавшему Алексею, — вот бумага, пиши...

Он продиктовал текст заявления. Алексей написал: «Ввиду отсутствия обуви, прошу выдать мне 1 (одно) кожаное кресло на сапоги...»

Брокман размашисто поставил резолюцию: «Хозчасть. Выдать. Брокман».

— Теперь идите,— сказал он.— Когда справишься, зайди. Насчет жилья придется самому устраиваться, мне тебя класть некуда. Одну—две ночи можешь где-нибудь на диване переспать, а там куда хочешь, заживаться не позволю.

— Устроюсь. Я здешний! — сказал растроганный Алексей.— Спасибо вам...

— Ладно, нечего. Работой с тебя возьмем.

В кладовой ЧК нашлась пара отличных га-лифе на рост Алексея — диагональных, с кожаными леями. В куче барахла Фельцер раскопал старый, но еще прочный офицерский френч. Он изрядно выгорел на солнце и был в двух местах пробит пулями — на дырочках лежали аккуратные заплаты. По одной из заплат на левом нагрудном кармане легко можно было судить о судьбе бывшего владельца френча.

Фельцер указал на нее пальцем.

— Чтоб вы знали: это хорошая примета. Два раза в одно место не попадает. Ну, лучше не найдешь, сидит, как влитой...

Потом они пошли наверх, в зал, где у стены стояло в ряд несколько кабинетных кресел. Фельцер отдал одно Алексею. Он выбрал наименее потертое и сам помог ободрать с него коричневую скрипящую кожу.

А затем Фельцер проявил поистине королевскую щедрость. Он снова повел Алексея в кладо-

вую и там достал с полки кусок толстой негнушейся кожи — на подметки!

Из оружия Алексей выбрал наган: он был привычней и надежней тяжелых парабеллумов. Браунинг он тоже оставил себе. Он любил этот легкий, маленький, как игрушка, пистолетик. К тому же, эта была память от Силина.

С Фельцером они расстались друзьями.

Одетый во все новое, с наганом на боку и свертком кожи под мышкой, Алексей снова пришел к Брокману, слегка стесняясь своего шикарного вида. Но тот, занятый какими-то бумагами, мельком взглянул на него и кивнул на стул:

— Посиди, я сейчас.

Кутаясь в клубы махорочного дыма, Брокман сделал на бумагах пометки, разложил по стопкам и вызвал дежурного:

— Разнеси в отделы. Вот эти в трибунал пойдут, а этих пусть сегодня же отпустят, зря людей напугали. И скажи Илларионову, чтобы не хватал всех подряд, в другой раз шею намылю! Филиппов здесь?

— Нет еще.

— Ладно, иди.

Дежурный ушел. Тогда Брокман осмотрел Алексея и, казалось, остался доволен.

— Ладно. Теперь слушай, Михалев. Будешь у нас работать, так надо тебе кое-что втолковать...— Он выбрался из-за стола, прошел, хромая, по кабинету и остановился перед Алексеем.— Слушай внимательно, товарищ, и запоминай... Работа у нас трудная. Грязная работа. Вроде как у золотарей. А делать ее надо чистыми руками. Понимаешь ты меня?

Алексей утвердительно кивнул головой.

— Это хорошо, если понимаешь... Обстановку я тебе сейчас рассказывать не буду, сам помалу разберешься. Парень ты грамотный, у нас немного таких, что в гимназии учились. Главное запомни вот что...— Брокману, видимо, было трудно стоять. Он придвинул стул, сел против Алексея и продолжал медленно, с расстановкой, словно давая тому время обдумать каждое слово: — Задача у нас — бороться с контрреволюцией, и нам дана для этого большая власть над людьми. Но то власть особая. Если для себя выгоду будешь искать, разговор с тобой будет короткий.

— Мне об этом говорить не надо...— сквозь зубы сказал Алексей.

— Ты брось! — оборвал его Брокман.— Надо! Каждый день надо напоминать. И не тебе одному: всем нам. В таком деле, как наше, легко голову потерять. А потеряешь голову — наделаешь беды хуже контрреволюции. Один был такой, тоже не любил, чтобы напоминали. Вывели в расход. Следственных избивал... Ты это учти. Мы не жандармы. На нас народ смотрит, как на Советскую власть, и это каждую минуту надо помнить. — Он поднялся и пересел к столу. — Теперь так... Работы будет много. И днем, и ночью, и без воскресных дней: контрреволюция праздников не справляет. Для начала пойдешь в отдел по военным делам и шпионажу, поскольку опыт есть. Начальником у тебя будет уполномоченный Величко. Он сейчас на операции, так что явишься к нему завтра. Сегодня отдыхай, устраивайся... Сапоги закажи. Спроси у Фельцера, он тебе сапожника посоветует.

— Уже посоветовал.

В дверь просунулась голова дежурного:

— Пришел Филиппов.

Алексей встал.

— Посиди, если хочешь, — сказал Брокман, — привыкай к обстановке. Этот Филиппов — начальник авиационного отряда. Нужный человек, но фрукт...

Он не договорил: Филиппов вошел в комнату.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

С первого взгляда было видно, что это летчик: обветренный, загорелый до медной черноты, в синем, покрытом пятнами комбинезоне. На сгибе локтя висели защитные очки и летный шлем. По бокам болтались на длинных ремнях планшет и маузер в деревянной кобуре.

— Филиппов явился, — доложил он.

— Здравствуй, садись, — сказал Брокман. — Это Михалев, наш сотрудник.

Филиппов небрежно кивнул Алексею и сел. Планшет и маузер положил на зеленое сукно стола. Он держался уверенно и даже несколько развязно, как человек, знающий себе цену.

— Что у тебя там вышло с Исаковым? — спросил Брокман.

— Ага, уже нажаловался! — усмехнулся Филиппов. — Ничего такого особенного не вышло.

— Ты почему отказался сегодня от полетов?

— Значит, была причина. Вчера полетал и хватит. Мне горючее с неба не накапывает.

— Для тебя приказ начальника военучастка существует? Первый день в армии, дисциплины не знаешь?

— Ты на меня не кричи, товарищ Брокман, — спокойно сказал Филиппов. — Мне теперь Исаков не указ...

— Это еще почему?

— А вот погляди.— Филиппов достал из планшета какую-то бумагу и протянул ее Брокману.— Получил приказ из Николаева. Велят всем составом и с аппаратами отбыть в тыл на новую базу...

Брокман читал приказ, и лицо его заметно бледнело. Он медленно сложил бумагу и, подумав, бросил ее в ящик стола.

— Так вот, Филиппов... Никуда ты отсюда не полетишь.— У него дернулась щека.

— Да ну? — произнес Филиппов с едва заметной иронией.

— Никуда! Я приказ отменяю!

— Не имеешь права, товарищ председатель.

— Не твоя забота! Этот приказ — предательский.

— Тебе всюду предательство мерещится!

— Мерещится? Ты сам подумай: где вы сейчас нужней — здесь или в тылу?

— Положим, что и здесь, — начал было Филиппов, — не в том дело...

— В том! — перебил его Брокман. — Для нас авиация чуть ли не единственный способ артиллерийской разведки. Перед самым наступлением перевести вас в тыл — такое только враг мог придумать.

— Да мне-то что! — досадливо сморщился Филиппов. — Ты сам говоришь: дисциплина. Велят — надо исполнять.

— Повторяю: никуда ты не полетишь! Сейчас напишу распоряжение, что я под угрозой ареста запретил тебе исполнять приказ номер двести шестнадцать дробь восемнадцать, так как считаю этот приказ вражеской вылазкой. Хватит с тебя?

Филиппов явно заколебался.

Брокман встал, сдвинул в кулаке бронзовый набалдашник пресс-папье.

— Послушай, Филиппов,— проговорил он негромко, но так, что летчик быстро поднял на него глаза,— я тебя знаю, как большевика, иначе я бы по-другому разговаривал... Там, в штабе, какая-то сволочь засела, заявляю это тебе, как партийному товарищу. И предупреждаю: исполнение подобных приказов — все равно, что предательство революции! Моя ответственность больше твоей... Улететь я тебе все равно не дам. А улетишь — найду где хочешь. Так лучше сам осознай...

Алексей видел, что Филиппов сдается. Он уже не возражал, а только смотрел на Брокмана, хмурия желтые выгоревшие брови.

Хотя Алексею трудно было судить, прав Брокман или нет, но во всем облике председателя ЧК и в его манере говорить была такая уверенность, спокойная сила, которая убеждала помимо слов. Глядя на него, Алексей подумал: «Вот это мужик! Боевой!»

Он не стал дожидаться конца разговора. Пользуясь тем, что Брокман и Филиппов забыли, казалось, о его существовании, он подобрал свои пожитки и вышел из комнаты.

В коридоре Алексей столкнулся с румяным пареньком — дежурным.

— В порядке? — поинтересовался тот.

— В порядке. Работать у вас буду.

Дежурный протянул руку:

— Приятно познакомиться. Оперативный сотрудник Федор Фомин. — И сразу переходя на

«ты», спросил: — Ну, как тебе наш председатель показался?

— Крепкий!

— Ого! — Фомин со значением поднял па-лец. — Сама сила!

Паренек он оказался расторопный. Куда-то схо-дил, достал талоны на обед и ответ Алексея в столовую.

Они ели ячневую кашу с постным маслом, пили несладкий, отдающий жестяным привкусом чай, и Фомин рассказывал Алексею о людях, сидевших кое-где за столиками. Каждого из них он наделял громкими торжественными эпитетами:

— Вон в углу, видишь, — Адамчук, — шептал он, указывая на пожилого чекиста с густой сединой в коротких волосах. — Уполномоченный по бэбэ¹, гроза бандитов, самого Кузьку-анархиста изловил!.. А вон тот — Илларионов. О-о, брат, это человек! Пламенный борец, пощады врагу не признает! Как дорвется до дела — все горит под ним!..

У Илларионова были тонкие интеллигентные черты, движения порывистые и угловатые. Бледно-голубые глазки, глубоко задвинутые в глазницы, ни на чем не останавливались подолгу. Он казался человеком нервным и неуравновешенным.

Зато в третьем чекисте, на которого указал Фомин, уравновешенности хватило бы на троих. Звали его Никита Боденко. Огромного роста, ко-сая сажень в плечах, медлительный и спокойный, он производил впечатление простоватого добродушного увальня. Ворот гимнастерки не сходил

¹ «Бэбэ» (б. б.) — так назывались отделы по борьбе с бандитизмом.

на его богатырской шее, а стол, за которым он сидел, казался ему не по росту. Фомин восторженно сказал:

— Силища у него, что у бугая! Киевский богатырь! Попадись ему Иван Поддубный — уложил бы, убей меня на месте!..

Фомин был недавно направлен на работу в ЧК райкомом комсомола, и эта работа наполняла его гордостью, которую он, как ни старался, не мог скрыть. Он любил говорить: «Мы, чекисты», «В нашем чекистском деле», и при этом румяное лицо паренька принимало важное выражение, которое еще больше подчеркивало его в общем совсем мальчишеский возраст — лет семнадцать не больше. Брокмана он считал образцом чекиста и, захлебываясь от восторга, рассказал Алексею, как тот, руководя неделю назад облавой на политических бандитов, скрывавшихся в Сухарном, лично скрутил здорового бандюка, который все-таки успел прострелить ему мякоть левой ноги.

— Знаешь, какая у него рана? — говорил Фомин. — Во! С кулак! А он хоть бы день отлежался! Ходит! Все ему нипочем!

Мимо их столика прошел стройный цыганковатый парень в черной косоворотке, подпоясанный наборным кавказским ремешком. Кобура револьвера, привешенная к брючному поясу, приподнимала рубаху сзади.

— Ты чего тут заливаешь, Федюшка? — спросил он, окидывая Алексея недобрый настороженным взглядом.

— Здесь лудильщиков нету, в другом месте ищи! — оскорбленно надулся Фомин.

Парень нахлобучил ему кубанку на нос.

— Ишь ты, чакист!

— Руки-то не распускай! — крикнул Фомин.— Тоже манеру взял.

Парень хохотнул и отошел к окну выдачи. Он заглянул в кухню и что-то сказал — там засмеялись. Он был очень красив — смуглый, чернобрый, с тонкой, как у девушки, талией и кудрявыми волосами, выбивавшимися из-под бархатной кепки.

— Между прочим, железный человек! — вполголоса сказал Фомин.— Серега Никишин. В деникинской контрразведке побывал, ребра переломаны. А здесь, знаешь, кем? — И шепотом: — Комendanтом!.. Потому он такой весь и дерганый. И пристаёт потому... А так парень ничего.

Больше он ничего не успел рассказать: его вызвали наверх.

Пообедав, Алексей пошел в город.

Прежде всего он отправился по адресу, данному ему Фельцером, в сапожную мастерскую. Сгорбленный, подслеповатый сапожник пообещал сшить сапоги за три дня.

Теперь оставалось еще два дела: повидать сестру и устроиться на ночлег.

С Екатериной Алексей давно потерял связь. За последний год он не получил от нее ни одной весточки. И хотя могло случиться, что письма сестры просто не находили его на фронте, ко многому привыкший за эти годы Алексей готовил себя к любой неожиданности.

Шел он по родной улице, узнавая незабываемые ее приметы: акации вдоль устланных известковыми плитами панелей, заборы, в которых известна каждая лазейка, гранитные тумбочки у ворот, покоробившиеся, порыжелые от времени номерные знаки...

Подходя к своему дому, он невольно сдерживал шаги.

Дверь открыл незнакомый старик.

— Давно не живут, — сказал он, — больше года. Дом сдали... Кто ж их знает, куда уехали. Говорили, в Большие Копани, а после был слух, что в Екатеринослав... Нет, письма никакие не приходили. Вы кто им приходитеесь?

— Привет привез от брата, — сказал Алексей и попрощался.

На душе было скверно. И оттого, что в отцовском доме живут чужие, и от беспокойства за сестру. И ко всему прочему теперь пропала надежда хоть что-нибудь узнать об отце, от которого Алексей тоже не имел вестей. А найти Екатерину удастся, должно быть, не скоро: до Екатеринослава далеко...

С жильем устроилось неожиданно просто. Выручил все тот же Федор Фомин, у которого Алексей спросил, не знает ли он, где поблизости сдается комната.

— Давай ко мне! — предложил он. — У меня маманя да сестренка Люська. Они рады будут. Пойдешь?

— Пойду, — сказал Алексей, — мне спать негде.

Фомин сбегал куда-то предупредить, что уходит, и повел Алексея на Забалку, где он жил.

Недалеко от городского базара Алексей увидел летчика Филиппова. Щеки его были багровы, шаги неестественно тверды, и ноги он ставил широко, словно не веря в устойчивость тротуара; планшет и маузер бились о колени. Его поддерживал за локоть высокий военный с одутловатым лицом, перетянутый офицерской портупеей и с палашом на ремне.

Мать Фомина и его сестра, такая же курносая

и розовощекая, как брат, приняли Алексея радушно, напоили чаем с сахарином, и Алексей почувствовал себя уютно, как в родном доме.

Постелили ему в тесной комнатухе, где умещались только узкая казарменная койка да круглый столик. Лежа в постели, Алексей вспомнил возницу: за Днепром во всю разговорились пушки. Домик вздрагивал до основания.

Алексей закрыл глаза. Вот он и вернулся в Херсон. Завтра начнется новая жизнь.

РАССЛЕДОВАНИЕ

Чем-то неуловимо походил на Брокмана новый начальник Алексея — Величко. Это был уже молодой человек, лысоватый, рябой, с умными, внимательными глазами. На левой руке у него не хватало трех пальцев — говорили, что он потерял их в перестрелке еще в пятом году. Родом Величко был из Питера, где начинал работать в ЧК вместе с Урицким.

Сотрудники в отделе подобрались под статью ему: замкнутый, хмурый донбасский шахтер Николай Курлин, чахоточный учитель из Полтавы Иосиф Табачников, широкогрудый, с пушистыми усами и трубным голосом одессит Иван Петрович Воронько (бывший матрос, участвовавший когда-то в восстании на крейсере «Очаков»). Все они были люди солидные и обстоятельные.

Алексею отвели место в одной комнате с Воронько. Здесь стояли два стола, несколько табуретов и ковровый диванный матрац без валиков и подушек. В углу до середины стены возвышалось что-то покрытое дерюгой.

В первый же день Воронько спросил Алексея: — Ты книги любишь?

— Какие книги? — не понял Алексей.

— Всякие.

— Ну, люблю.

— Так лучше разлюби, спокойней будет.

Оказалось, что под дерюгой в углу... книжный штабель. Книги были страстью Воронько. Он собирал их, где только мог, и никому не разрешал дотрагиваться до своей библиотеки. Было странно наблюдать, как этот большой бывалый человек по утрам осторожно снимал дерюгу и проверял, все ли книги на месте. Короткими неловкими пальцами он водил по глянцеvitым корешкам, сдувал пыль, вытягивая трубочкой сухие жесткие губы. Иногда он вытаскивал какую-нибудь книгу, перелистывал ее, вздыхал и клал на место. Читать не было времени. Затем он укутывал свое богатство, заботливо и с каким-то особенным секретом, чтобы сразу было заметно, если кто тронет без спросу. Во всем, что не касалось книг, Воронько был человек широкий, компанейский, готовый поделиться последним. Свое пристрастие к книгам он объяснял скупой, точно стыдливо пряча от постороннего взгляда что-то самое задушевное и сокровенное:

— Ум в человеке уважаю... Допусти наших до книжек — моментом растащат на сигарки. Не могу такого переносить.

Как-то утром в комнату вошел Величко.

— В первом госпитале раненые устроили бузу, — сказал он. — Врачей поарестовали. Сходите, разберитесь...

Воронько и Алексей пришли в госпиталь в самый разгар митинга.

Ходячие раненые в шинелях поверх нижнего белья толпились во дворе вокруг санитарной двучки. На ней стоял чернявый красноармеец, опи-

раясь на костыль и держа на весу толсто забинтованную, скованную лубком ногу, рубил воздух растопыренной пятерней.

— У пораненного человека кусок отнимать, — с надрывом выкрикивал он, — да это что ж такое, товарищи! Вы мне скажите такой вопрос: кому нужно, чтобы раненый красноармеец голодным сидел? Отвечаю: белогвардейской гидре это нужно! Что, не правда?

— Правильна-а! — неслось ему в ответ.

— Белогвардейская гидра не хочет, чтобы мы выправляли свое пораненное здоровье и снова били ее на корню до полной победы мировой революции!

— Здорово чешет стервец! — сказал Воронько вполголоса. — Научились слова говорить! За мной, Михалев...

Он влез в толпу и, осторожно отстраняя раненых с пути, пробрался к двуколке. Алексей шел за ним.

Их узнали.

— Чекисты пришли!

— Ага, давайте их сюда!

— Где вы там ходите, когда у нас тут своя контрреволюция повылазила!

— Эй, парень, — крикнул Воронько чернявому красноармейцу, — слезай! Поговорил и будет. Рассказывайте, что у вас?

Говорили все разом. С большим трудом удалось выяснить следующее.

В госпиталь завезли мясо.

Двоим раненым, дежурившим на кухне, показалось, что повар хочет присвоить себе часть. Они потребовали, чтобы мясо было взвешено при них.

Когда обед сварился, они снова потребовали

взвесить мясо, и оказалось, что не хватает больше двадцати фунтов.

Слух об этом тотчас разнесся по палатам. Раненые заволновались.

Все, кто мог ходить, осадили кухню. Как ни изворачивался повар, как ни божился он, что мясо попросту уварилось, никто не стал его слушать. Уварка в двадцать фунтов казалась неправдоподобной. Где же это видно: целых двадцать фунтов! Да ими сорок человек можно накормить!

Дело казалось ясным, как день: хищение, контрреволюция!

Госпиталь закипел. Несколько благоразумных голосов потонуло в общем возмущении. Повара, а заодно и всех его помощников скрутили и заперли в подвале. Кому-то пришло в голову, что повар не мог действовать без ведома начальства. Не долго думая, чтобы не промахнуться, схватили завхоза и начальника госпиталя. Вместе с ними сунули в подвал двух врачей, пытавшихся заступиться за арестованных.

В воздухе запахло самосудом.

На счастье, кто-то из медперсонала догадался послать за чекистами...

Алексея и Воронько стиснули со всех сторон. Каждый хотел высказаться, выложить свои доказательства виновности повара и его сообщников.

Рыжий парень в казачьей фуражке с малиновым околышем, теребя Алексея за рукав, бубнил ему в самое ухо:

— ...Последний кусок норовят украсть! Да, может, мне от того куска силы прибудет, может, я уж забыл, какое оно, мясо-то, на вкус!

Воронько поднял руку:

— Тихо, товарищи, все будет в порядке!

Сейчас заберем арестованных в Чека, там разберемся, кто прав, кто виноват.

Чернявый красноармеец крикнул:

— Не отдадим! Сами их судить будем!

— Не выпустим гадов из лазарету! — поддержали его.

— Знаем, они вам мясо, а вы их на все четыре стороны! — выкрикнул рыжий казачок, только что разговаривавший с Алексеем.

— Что-о? — Воронько повернулся к нему. — Что ты сказал?

Лапая задний карман брюк, где лежал револьвер, он шагнул к раненому.

— Они нам мясо? Значит, нас купить можно, так, что ли?

Отпрянув назад, парень прижался спиной к товарищам.

Стало тихо. И эта внезапная тишина была пронизана таким недобрим, настороженным ожиданием, что Алексей вдруг почувствовал: Воронько делает ошибку. Столкновение с раненым в этой накаленной обстановке могло вызвать новый взрыв возмущения.

Он предостерегающе сказал:

— Товарищ Воронько!..

Но Воронько, по-видимому, и сам уже все понял.

Дернув плечами, он отвернулся от рыжего и решительно поправил на боку офицерскую полевую сумку.

— Добро, пусть по-вашему! Устроим комиссию — на месте разберемся!

— Это другой разговор! — одобрительно зашумели кругом.

— С самого начала бы так!

— Грамотные есть? — спросил Воронько. — Пусть выйдут.

Он был уже спокоен, улыбался, и только усы его возбужденно топорщились.

Вперед протиснулось несколько человек. Воронько отобрал четверых, присоединил к ним чернявого красноармейца, который говорил речь, потом нашел глазами своего рыжего обидчика:

— Эй, гнедой, иди тоже в комиссию заседать!

— А на черта мне та комиссия! — отмахнулся рыжий, держась на всякий случай поодаль.

— Иди сам разбирайся, ежели другим не веришь.

— Мне это ни к чему. И так все известно.

— Может, еще чего узнаешь... про чекистов.

— Вы ему пожрать пообещайте, сам победит, — посоветовал кто-то. — Он брюхом до всего доходит.

Раненые засмеялись. От недавней напряженности не осталось и следа. Рыжего стали подталкивать к Воронько.

— Да ведь малограмотный я, — отнекивался тот.

— Уразумеешь как-нибудь. Заурчит в кузе, значит, непорядок!

Его в конце концов уговорили.

Трубным своим басом Воронько точно обрубил шум:

— Тихо! Знаете этих людей? — спросил он, указывая на «комиссию». — Доверяете им?

— Знаем!

— Люди известные!

— В таком разе кончайте базар: комиссия будет работать, остальным не соваться! Ведите на кухню!

И толпа, возглавляемая «комиссией», повалила

к одноэтажному, стоявшему особнячком кухонному флигельку. У его дверей двое раненых с винтовками охраняли нерозданный обед. «Комиссия» вошла на кухню, раненые столпились в дверях, облепили распахнутые окна.

На длинном разделочном столе влажной остывшей грудой лежало сваренное мясо.

— Седайте, громодяне,— сказал Воронько членам «комиссии»,— будем работать.

Алексею показалось, что матроса начинает забавлять происходящее. Воронько сел на табурет посреди кухни, положил на колени полевую сумку и уперся руками в бедра, хитро оглядывая присутствующих из-под насупленных бровей. Алексей встал у двери, помогая часовым сдерживать любопытных. «Комиссия» расселась на лавке вдоль стены.

Начался разбор дела.

Прежде всего допросили тех двух раненых, которые «накрыли» повара с поличным. Это были молоденький чубатый красноармеец с забинтованным глазом и дюжий хромой матрос в полозатом тельнике и желтых затрепанных кальсонах. Молоденький бойко рассказал, что подозрение у него вызвала солидная комплекция повара: с чего бы он был такой толстый, когда у всего трудового народа животы подводит! Не иначе — обжирается за счет раненых! С того все и началось...

— Повар-то спервоначалу нагличал,— рассказывал свидетель,— отказался мясо вешать, оттого, мол, что с обедом не поспеет. Но мы его взяли за жиры — взвесил... А как прояснилось, что не хватает, говорит — уварка. Это двадцать-то фунтов! Тут и малому дитю было бы понятно, что и как... Ты не гляди, что у меня временно

один глаз остался: я и вслепую контрреволюцию разберу!

Раненые сочувственно засмеялись.

— Сколько было мяса вначале? — спросил Воронько хмурясь.

— Свежего-то? Чуть поболее семидесяти четырех фунтов, — с уверенностью ответил красноармеец. — А как сварилось, в аккурат — пятьдесят. Двадцать четыре фунта как не бывало.

Воронько почесал голову, сдвинув на сторону фуражку, и обратился к «комиссии».

— Теперь надо другую сторону послушать... Пускай повара приведут. Только смотрите, без глупостей! Если кто тронет его хоть пальцем, с тем я отдельно поговорю! Михалев, сходи с ними, последи за порядком!

Привели повара. Неповоротливый, болезненно тучный, он мелко семенил ногами и, как улитка, втягивал голову в плечи при каждом окрике.

Его поставили перед Воронько.

— Рассказывай, кок, воровал мясо или не воровал? — приказал тот.

Повар заплакал. Дрожа обвислыми щеками, он стал клясться, что за тридцать лет работы не взял казенного ни на полушку, что мясо уварилось, что у него жена — старуха, а дочка на сносях от красного командира...

— Не заставьте безвинно пострадать, голубчики! — задыхаясь, выговаривал он. — Честно работал, видит бог!

— Знаем вашу честность! — крикнул рыжий.

Но его никто не поддержал. Раненые уже успокоились, и вид жалкого, плачущего старика подействовал на всех угнетающе.

— Отвечай, кок, — сказал Воронько, дергая себя за ус, — сколько бывает уварка?

— По-разному, голубчик, — всхлипнул повар. — Какое мясо... Другой раз и треть от всего может уйти.

Кругом зашумели.

— Ша, громодяне! — повысил голос Воронько. — Надо проверить, брешет он или нет. Свежее мясо есть еще, кок?

— В подвале, к ужину' осталось.

— Давайте его сюда!

Когда мясо вытащили наверх, Воронько сказал повару:

— Режь ровно три фунта. Но, смотри, тютелька в тютельку.

Все придирчиво следили, как повар взвешивал отрубленный от тушки сочный кусок филея.

— Ставь чугунок на огонь! — распорядился Воронько. — Сейчас, товарищи, сварим этот кусок и посмотрим, сколько останется, а там решим — виноват старик или нет.

Кто-то недовольно протянул:

— До-олгая история!

— Человека расстрелять, известно, быстрее, — нахмурился Воронько. — Ничего, подождешь!

— Правильно! — заговорили раненые. — Это он дельно придумал!

...Мясо варилось больше часу, и все это время члены «комиссии» и раненые, не отрываясь, следили за кипящим чугуном. По кухне растекался пар. Запахло жирным мясным бульоном. И слышались голоса:

— Ох, и жрать охота! Без обеда ведь сидим!

— Кабы не затевали бузу, давно были бы сыты!

Сварившееся мясо взвесили. В нем не хватало одного фунта и трех золотников!

Арифметикой занимались все. Имевшиеся у

Воронько и Алексея карандаши разломали на шесть огрызков, каждому члену «комиссии» Воронько выдал по листу бумаги из тетради.

Когда все подсчитали, оказалось, что на общее количество мяса, предназначенного на обед уварка в двадцать четыре фунта была еще не велика, могло увариться больше.

— Ну? — спросил Воронько. — Что вы скажете, товарищи громодяне?

Члены «комиссии» переглядывались, чесали затылки.

— Кого же теперь будем судить? — продолжал Воронько. — Или, может быть, все-таки расстреляем старика? Что нам стоит?

→ Ты не шуткуй! — сконфуженно пробурчал чернявый красноармеец, разглядывая исчерканную неуклюжими расчетами бумажку. — Всякое могло быть...

— Оно и видно, что всякое! — издевался Воронько. — Если черепушка не срабатывает, всего дожدهшься! Перебили бы людей, а после ищи виновных! А где он, главный-то свидетель? Поди-ка, поди сюда!.. Расскажи еще раз, как ты контрреволюцию разглядел?

— Братцы! — испуганно забормотал тот. — Ошибочка вышла!

Воронько сгреб его за рубаху.

— Я б за такие ошибки стрелял на месте! — свирепо раздувая усы, прогудел он.

— Почему же я знал! — оправдывался красноармеец. — Да я в жисть столько мяса не варил! Кто ж его, чертяку, ведал, что оно такое уваристое!

— А что, — обратился Воронько к раненым, — может, научим его кухарить, чтоб в другой раз

не ошибался? Запихнем в чугунок и посмотрим, сколько от него останется?

Грянул грохот.

— Ото, сказал!

— Ай да чекист!

— Отпусти его: он костлявый — навару не будет!

Смеялись все — и члены «комиссии», и раненые, и чекисты, — смеялись весело, от души, охваченные одним чувством радостного облегчения. Повара хлопали по круглым плечам, и он тоже улыбался, вытирая фартуком дряблое лицо, к которому вернулся его естественный багровый оттенок.

Вспомнили о других арестованных. Толпа повалила к подвалу. Врачей торжественно извлекли на свет и, — растерянных, ничего не понимающих, — обступив со всех сторон, повели через двор в здание госпиталя...

— Пошли, Михалев, — сказал Воронько, взглянув на карманные часы, — сколько времени потратили!

Возле ворот их догнал рыжий казачок.

— Эй, постойте!

— Чего тебе?

Рыжий подошел и, виновато заглядывая в глаза, попросил:

— Ты прости, брат, сбрыхнул тогда не подумавши...

— Иди уж, голова! — сказал Воронько благодушно. — За глупость только и прощаю... Я ведь сразу сообразил, что повар не виноват, — говорил он, когда вышли за ворота. — Сам когда-то в подручных состоял у корабельного кока, разбираюсь.

Алексей улыбался. На душе у него было празд-

нично, а отчего, он и сам не мог бы объяснить. Никого они не изобличили, никого не арестовали, не раскрыли никакого заговора... Но все-таки то, что они сделали, было настоящим чекистским делом, и человек, шагавший рядом с ним, был хорошим настоящим человеком...

ИСТОРИЯ С ПРИКАЗОМ

Днем одиннадцатого июля Брокман укатил на автомобиле в Николаев в Губчека. На следующее утро он вернулся, вызвал к себе всех сотрудников отдела по военным делам и шпионажу и приказал доложить обстановку.

Докладывал Величко.

За сутки, что Брокман отсутствовал, произошло одно чрезвычайное событие, в котором снова был замешан начальник авиационного отряда Филиппов.

Летчики получили приказ разведать и засечь огневые точки противника, так как, по имевшимся сведениям, белые получили подкрепление. Выполнять приказ по ряду причин можно было только во время артиллерийской перестрелки.

Весь день самолеты авиаотряда стояли наготове. Наша артиллерия настойчиво долбила левый берег, пытаясь вызвать ответный огонь, однако противник не отозвался ни одним выстрелом. К вечеру, когда смерклось, Филиппов решил, что на сегодня обойдется без полетов. Летчиков он распустил по квартирам, а сам с какими-то дружками напился до потери сознания. Именно в это самое время белые открыли такую канонаду, какой не было ни разу с тех пор, как врангелевский фронт придвинулся к Херсону. При этом они вели точный, прицельный огонь

по новым позициям нашей артиллерии, которая только за день до того была передислоцирована.

В результате им удалось накрыть нашу плавучую батарею, стоявшую на реке Кошевой, и она затонула со всеми своими 130-миллиметровыми орудиями.

Когда Филиппов, отославшись, узнал, что произошло, он, ни с кем не согласовывая своих действий, поднял весь отряд в воздух и долго, яростно бомбил скопления лодок, приготовленных врангелевцами для переправы.

— Филиппов арестован? — спросил Брокман.

— Нет.

Брокман сказал Курлину:

— Поезжай на авто, доставь его сюда немедленно.

Когда Курлин вышел, Величко продолжал доклад.

— Прошедшей ночью на берегу снова была замечена световая сигнализация. Впервые ее увидели с неделю назад в районе Забалки. С тех пор сигнализация несколько раз повторялась. Засады и облавы пока не дали результата.

— Где вчера сигналили? — спросил Брокман, подходя к висевшей на стене карте Херсона.

Величко показал. Брокман отметил это место кружком с цифрой 5 в середине. Четыре таких же кружка с номерами уже стояли вдоль днепровского берега.

— В котором часу?

— Как и раньше, между двенадцатью и часом.

— А что передают, выяснили?

— Данные о расположении нашей артиллерии, — сухо покашливая после каждой фразы, ответил худющий большеглазый Табачников. —

Белые всегда прекрасно осведомлены обо всех изменениях в наших позициях... Объективно преимущество в артиллерии на нашей стороне, а пользы мы имеем от нее гораздо меньше, чем они, ввиду особенности позиций... Их батареи укрыты в плавнях, а наши стоят почти на городских улицах. Мы стреляем в сущности наугад, а они засылают сюда одного шпиона — и город перед ними как на ладони...

— Одного шпиона, — повторил Брокман.

— Совершенно очевидно... От него они и получают ориентиры для стрельбы.

— Я говорю: все ли делает один шпион? Боюсь, что их тут целая шайка. Вот что я хотел сказать вам. — Брокман подошел к столу и достал из ящика исписанный на машинке лист. — Несколько дней назад Филиппов получил приказ из Николаева со всем отрядом вылететь в тыл на новую базу. Я этот приказ отменил, как не соответствующий генеральному плану военных действий, отменил самовольно и ждал: гроза будет. Проходит день, второй, неделя, а грозы нет. И вообще в документах из Николаева о том приказе ни слова. Непонятно... В Николаев я поехал специально, чтобы выяснить, в чем дело. И выяснил... — Брокман переложил с места на место промокательный пресс, с силой задвинул приоткрытый ящик стола. — Никакого приказа Филиппову не было! Да, да, совсем не было! Приказ фиктивный, подписи подделаны и только печать настоящая. Вот он.

Бумага пошла по рукам. «Приказ» был оформлен на совесть: исходящий номер, две подписи — начальника штаба и секретаря, даже какая-то неясная, но убедительная на вид пометка красным карандашом в верхнем углу, наискосок.

— Теперь дальше... Всю обратную дорогу думал: зачем они это затеяли? Допустим, что Филиппов не показал бы мне тот приказ и улетел в Николаев... А там, кстати, сказано прибыть четвертого июля к шести часам ноль-ноль минут, то есть на рассвете... Через час, самое большее через два часа, подделку обнаружили бы, и отряд вернули бы в Херсон. Все это они, конечно, понимали. Значит, им надо было удалить отряд из Херсона на три — четыре часа. Зачем? Потом вспомнил: как раз четвертого на рассвете белые делали попытку перейти Днепр, помните?

— Верно, четвертого.

— Вот и ответ: хотели избавиться от нашей авиации на время переправы. Это — первая причина. Но возможна и вторая: я думаю, что самому Филиппову с его летчиками на новом месте готовилась теплая встреча. Могли бы не вернуться назад.

— А Филиппова вы не подозреваете? — спросил Табачников.

Брокман ответил не сразу:

— Я лично думаю, что Филиппов не предатель. Посудите сами. Во-первых, он мог не показывать мне приказа или, показав, все-таки улететь. Во-вторых, в бою он орел — ничего не скажешь. А в-третьих, предатель сел бы на свою машину, махнул хвостом, и лови его в облаках!.. С другой стороны, конечно, есть основания для недоверия: много стал пить. Зазнался. Чувствует, что заменить некем. Ну ладно, все это мы проверим. Какой вывод можно сделать сейчас? В Херсоне действует шпионская группа, у которой есть агентура в штабе тыла. Губчека в Николаеве уже занялась ею. Теперь здесь...

Времени у нас в обрез, скоро начнется наступление, так что надо спешить. Вот вам след: сигнальщик. Позор! Под самым носом шпион выдает нас противнику! Найти его во что бы то ни стало! Ясно тебе, Величко? Кому поручишь исполнение?

Величко, по-видимому, уже думал об этом.

— Воронько и Михалеву, — ответил он. — Остальные сейчас все заняты. Табачников с саботажем в упродкоме не развязался, а Курлин завтра-послезавтра будет брать шайку анархиста Тиунова. Их снимать нельзя.

— Хорошо, — сказал Брокман, повернувшись к сидевшим рядом Воронько и Алексею. — Не подведете? Это, пожалуй, сейчас самое важное для нас.

— Сделаем, — пробасил Воронько.

Алексей наклонил голову.

Брокман заговорил об анархисте Тиунове, и пока Величко разъяснял ему какие-то подробности, Алексей, не слушая, смотрел на карту Херсона и думал о предстоящем деле.

Председатель был прав: начинать следовало с поимки сигнальщика. Связь с белыми, передача им военных сведений были завершающим звеном шпионской работы. Пресечь эту связь — значило сделать бессмысленными все усилия шпионов. Но как это сделать? По кружкам на карте было видно, что шпион никогда не являлся дважды на одно место. Где его ловить? Какую точку на длинной линии днепровского прихерсонского берега он изберет сегодня?

Вернулся Курлин.

— Привез, — коротко сказал он и положил на председательский стол летный планшет и маузер Филиппова.

ДОПРОС ФИЛИПОВА

Летчик вошел, сопровождаемый двумя оперативниками. Оглядев сидевших в комнате чекистов, он проговорил, насмешливо растягивая губы:

— Здравия желаю!

Никто не ответил на его приветствие. Брокман сказал:

— На этом и закончим, товарищи, можно разойтись.

Все, кроме Величко, Алексея и Воронько, ушли. Брокман указал Филиппову на табурет:

— Сядь.

Тот сел, закинул ногу на ногу и аккуратно натянул на колено свой кожаный шлем. Видно было, что предстоящий разговор несколько его не тревожит.

— Несколько вопросов к тебе, Филиппов,— сказал Брокман.— Ты помнишь, какого числа получил приказ о вылете в Николаев?

— Тот, что ты отменил? Помню. Третьего... Ан, нет, второго июля вечером.

— Где ты получил этот приказ?

— Как это где? В штабе, конечно.

— В штабе? Припомни-ка лучше: ты сам его получал или тебе доставили?

— Постой, постой!.. Действительно, принесли на квартиру...

— Кто — ординарец, курьер?

— Убей меня бог, не помню. Да на что тебе?

— Вопросы будешь задавать после! Сейчас я спрашиваю! — Голос председателя ЧК прозвучал резко, как металлический лязг.

Насмешливое, подчеркнуто беззаботное выражение растаяло на лице Филиппова.

Он ожидал, что Брокман будет распекать его за вчерашнее пьянство, из-за которого не состоялись полеты. Подобные разносы нередко устраивались ему и в штабе херсонской группы и в Особом отделе 6-й армии. Ему не привыкать было к домашним арестам, к тому, что у него отнимали оружие, крыли непечатными словами и даже грозили расстрелом. Опытный пилот, сильный и по-настоящему бесстрашный человек, Филиппов был незаменим как командир авиационного отряда и знал это. С ним носились, его восхваляли, о подвигах его летчиков рассказывали легенды. И Филиппов занесся. С начальством он вел себя вызывающе. В штабе фронта скопилась уже изрядная пачка рапортов о его поведении, о самовольном изменении, а то и просто невыполнении приказов. Но это Филиппова не беспокоило. Скандалы обычно заканчивались так: возникала неотложная потребность в авиационной разведке, его вызывали в штаб, строго-настрого предупреждали, что прощают в самый что ни на есть последний раз, возвращали оружие, и инцидент считался исчерпанным до следующего случая.

На этот раз было иначе. Брокман не распекал его: он допрашивал. И по голосу председателя ЧК летчик понял, что дело не шуточное.

— Постарайся вспомнить, при каких обстоятельствах ты получил приказ.

Филиппов потер лоб.

— Сейчас припомню... Второго вечером я был в Маркасовском... Точно! Вспомнил. Был я в тот вечер у одной своей... ну, как тебе сказать... знакомой. Туда мне и принесли пакет.

— Прямо к этой знакомой?

— Ну да. Не впервой. В штабе всегда знают, где меня искать.

— Вот как? Значит, ты с нею давно знаком?

— Давно не давно, а недели две есть.

— Как ее звать?

— Дунаева Надежда.

— Где живет?

— Да на кой тебе, скажи на милость? — развел руками Филиппов. — Или отбить хочешь? Не выйдет!

— Я спрашиваю: где она живет? — повторил Брокман. — Мне с тобой шутки шутить некогда!

— Тьфу, ты! Ну, в Маркасовском переулке, дом пять.

Алексей и Воронько записали. Филиппов сидел к ним спиной и ничего не видел.

— Объясни мне такую вещь, — сказал Брокман. — Связные из штаба знают тебя хорошо. Они даже секретные пакеты носят на квартиру к твоей знакомой. Как же случилось, что ты их в лицо не запомнил?

— Что ты от меня хочешь, товарищ председатель? — запальчиво сказал летчик. — Что ты меня ловишь, не пойму! Да я всех связных знаю наперечет! Говорю тебе: не помню, кто в тот вечер приходил, потому что был не в себе...

— Пьян, что ли?

— Ну, пьян!

— Ах, вон что! А может быть, твоя знакомая... эта... запомнила?

— Почему я знаю! Спросите у нее... Только не думаю. — Филиппов натянуто усмехнулся. — Я ведь тогда не один пил, сам понимаешь...

— По-онимаю! — протянул Брокман. — Теперь понимаю.

Он достал свою глиняную трубку, набил ее и

закурил. Все молчали. Филиппов дробно стучал носком сапога по паркету. Он заговорил первый:

— Может быть, ты все-таки объяснишь, что случилось?

— Придет срок, объясню. Сначала расскажи мне, уважаемый командир авиаотряда, как ты вчера помог белякам потопить нашу артиллерию?

Лицо и шея летчика медленно налились кровью. Он криво улыбнулся. Начиналось то, чего он ожидал с самого начала: нахлобучка за вчерашнее пьянство. И хотя Филиппов чувствовал себя виноватым, это все-таки было лучше, чем непонятный допрос.

— Ты слова-то выбирай,— сказал он.— До сих пор белякам моя помощь боком выходила...

— И еще расскажи,— продолжал Брокман, точно не слыша его,— как ты, летчик и командир Красной Армии, хлестал самогонку, когда твое место было в бою? Это как называется, трусость или осторожность?

— В трусости меня упрекаешь?

— Я не упрекаю. Пусть тебя знакомая упрекает. Я интересуюсь: если не трусость, значит, просто предательство? Или как? Приказ ты не выполнил, артиллерию белых не засекал, подавить их огонь не пытался, бомбы раскидал по пустым лодчонкам! Как это называется?

Филиппов хотел что-то сказать, но Брокман не дал:

— Ты посмотри на себя, Филиппов, каков ты есть со стороны! Большевик, питерский! А сейчас на кого ты похож? Зазнался? Революцию в самогонке топишь? Да знаешь ли ты, что под тот самогон враги из тебя петрушку сделали!

— Но, но, Брокман, ты полегче!

— Не веришь? Думаешь, для красного словца сказал? Вспомни, сколько раз ты из-за пьянки не выполнял приказа?

— Что пил — моя вина, — проговорил Филиппов, — а петрушкой я ни для кого не был...

— Я с тебя вины не снимаю, — отчеканивая каждое слово, сказал Брокман, — за нее ты еще ответишь. А что тобой враги вертят как хотят — это уже факт. Ты знаешь, что приказ, который я отменил, был предательский?

— Слышал уже!

— Не то ты слышал! В штабе и не думали переводить твой отряд в тыл!

— Как так?

— А вот так-то!

И Брокман в нескольких словах рассказал о своей поездке в Николаев и о том, что он там выяснил.

Филиппов слушал, уронив на колени тяжелые руки. Он был поражен.

— Забыл, в какое время живем? — говорил Брокман. — Кругом враги, за каждым шагом следят, только и ждут, что кто-нибудь оступится. Им наша авиация, как кость в горле: руками ее не достанешь, пулей не собьешь, ан, нашли средство: самогонка! Когда они затевали эту штуку с приказом, у них расчет был верный. Во-первых, Филиппов пьяница. С пьяных глаз не разберет, откуда ветер дует. Во-вторых, зазнался, начальство ни в грош не ставит. Находка, а не человек! Живешь ты разнузданно, шляешься по бабам. Иного на твоём месте, возможно, они и убить попытались бы, а тебя — нет. Зачем тебя убивать? Ведь тогда другого назначат, покрепче. А ты им в самый раз. Вроде и есть у красных авиация и нет ее: в нужный момент командир

пьян в доску. И подсунуть ему можно что угодно...

— Хватит! — глухо проговорил Филиппов. Загорелое его лицо приобрело землистый оттенок. — Хватит, Брокман!

— Нет, не хватит, уважаемый! Придется тебе все выслушать! Долго с тобой цацкались: орел, видишь ли! Птица, а не человек, ему больше позволено... Птица, да не та. Петух, а не орел! Ну, что мне с тобой делать? Под революционный трибунал подвести, что ли?

Филиппов только передернул плечами.

— Что молчишь? Нечем крыть?

— Что тебе сказать, председатель... — сквозь зубы произнес летчик. — Хочешь — отдавай под трибунал. Заслужил... На этот раз заслужил, сам знаю... Но только я ни сном ни духом... Правда! Что ты так смотришь на меня? — вдруг крикнул он. — Не веришь?

— Не ори, — тихо сказал Брокман, — от крика убедительней не будет. С кем ты пьянствовал последнее время?

Филиппов назвал несколько фамилий. Это были в основном известные чекистам штабные работники.

— А случайных собутыльников не было?

— Нет.

— Врешь?

— Правда не было...

— Так... Еще вопрос, — сказал Брокман. — Ты расписывался в получении приказа?

Филиппов несколько секунд напряженно смотрел в одну точку, шевелил губами, потом безнадежно покачал головой:

— Нет, не помню...

— А Дунаева не могла подсунуть тебе, пьяному, тот приказ?

— Куда ей! — отмахнулся Филиппов. — Она баба добрая и глупая.

— А может быть, все-таки?

— Нет, нет, не думаю.

— Кто тебя с нею познакомил?

И этого Филиппов припомнить не мог. Устраивали как-то выпивку по-домашнему, пригласили знакомых женщин, пришла и Дунаева, с кем? — не до того было...

— Ну ладно, хватит. — Жмуря от дыма один глаз, Брокман, точно прицеливаясь, некоторое время смотрел на летчика. — Выйди-ка в коридор, посиди, вызовем, когда понадобится...

Мнения разошлись. Воронько шумел:

— Судить сукиного сына! Совсем распоясался, думает, управы на него нет!

Величко считал, что Филиппов — человек, хотя и распущенный, но честный и что его следует не судить, а проработать по партийной линии.

Алексей был согласен с Величко. Наказывать военного человека за дисциплинарные поступки — дело командования, а не ЧК.

— Я о другом думаю, — задумчиво проговорил Брокман. — «Приказ» Филиппов получил второго вечером. Расписывался за него или нет — не помнит, наверно, нет, а человека, принесшего пакет, он скорее всего вообще не видел. Пакет, видимо, приняла хозяйка. Надо бы ее допросить, авось хоть приметыв опишет.

— Допросить не долго, — заметил Воронько.

Величко, задумавшись, смотрел в окно на зеленую ветку акации, которая терлась о подоконник. Алексей, насупившись, чувствуя себя неловко под пытливым изучающим взглядом председателя, сказал:

— Я бы эту женщину пока не трогал.

— Почему?

— За ней надо незаметно понаблюдать. В тот вечер она была наедине с Филипповым... Я думаю: не нарочно ли она его спаивала? Вот и у вас, товарищ Брокман, было сомнение, что это она подсунула пакет...

— Пока будем следить, много времени уйдет, — возразил Воронько. — А кабы знать приметы, так я того типа за день, за два изловил.

— Что — приметы! — сказал Алексей, ободренный молчаливым вниманием Брокмана и Величко. — Приметы можно изменить, а если Дунаева шпионка, она все равно правды не скажет.

— Михалев прав, — заговорил Брокман, — в этом деле зацепок мало: сигнализация на берегу да история с Филипповым, и относиться к ним надо осторожно. Если Дунаева ни при чем, цена ее показаниям не велика: что она запомнила спьяну! Если же она не так проста, как кажется Филиппову, тогда ее допрос насторожит всю шайку, и с нею прекратят связь. Я придерживаюсь такого мнения: Филиппова мы сейчас опустим. Его арест тоже может вызвать подозрение. Я позвоню в штаб, скажу, что политической подкладки в его действиях нет, и пусть они поступают с ним, как найдут нужным. А ты, Величко, предупреди его, чтобы не болтал о нашем разговоре. Будут спрашивать — пусть говорит, что песочили за пьянство, такое уже бывало... Впрочем, я сам поговорю с ним. Теперь насчет Дунаевой. — Он посмотрел на Алексея. — Раз подумал, сам и займись. Только помни: ей и приниться ничего не должно.

— Понятно.

— Но все это дело второе. Вы мне сигнальщика изловите!

НОЧНЫЕ СИГНАЛЫ

План поимки сигнальщика был простой и, по сути дела, единственно возможный. Для лучшего не хватало людей. Воронько и так с большим трудом удалось собрать только семь человек: Никиту Боденко, Федю Фомина и пятерых ребят из ЧОНа¹, боевых, но малоопытных.

Чоновцев еще днем посадили в засаду поблизости от тех мест, где раньше были замечены сигналы. Остальные должны были с наступлением темноты патрулировать вдоль берега. Разделились попарно: Воронько с Боденко, Фомин с Алексеем.

Кружки на председательской карте, отмечавшие места сигнализации, тянулись вдоль берега неровным прерывистым рядком. Гуще всего они стояли вблизи вадоновских верфей. Пустовато было в окраинном районе берега — в Военном Фортштадте — всего два кружка. Здесь, в наибольшем промежутке между кружками, наметили первый участок патрулирования. Его поручили Алексею и Фомину.

Воронько и Боденко взяли на себя большой участок, включавший верфи, Воронцовский спуск к порту и самый порт, а также базарный пустырь на берегу реки Кошевой, которая широким рукавом отходит от Днепра. Эти места шпион еще ни разу не использовал, как, впрочем, еще и многие другие, но здесь, особенно на базаре, имелись развалины, которые, по мнению Воронько, как нельзя лучше подходили шпиону для сигнализации...

Три ночи подряд чекисты упрямо ходили по

¹ ЧОН — части особого назначения при ЧК.

темному изрытому снарядами воронками берегу, а по утрам, возвратившись в ЧК, избегали встречаться с Брокманом. За это время на предсательской карте появилось еще два кружка с номерами 6 и 7.

— Может быть, переменить место? — предлагал Алексей.

— И не думай! — урезонивал его Воронько. — Потерпим еще. Рано или поздно, а он наколется!

Четвертая ночь выдалась беззвездная и тихая. Алексей с Федей Фоминым три часа бродили вдоль Днепра. Место было пустынное, не охранявшееся войсками. Артиллерия постреляла перед вечером и умолкла. Попискивали шальные пули, залетающие из-за реки.

Прибрежный поселок был сильно разрушен артиллерией, и жители давно покинули его, перебравшись в более спокойные районы, ближе к городскому центру. Ветерок, настораживая, шелестел чем-то на широких заваленных обломками пустырях. Пахло гарью. За пустырями грудились городские дома, темные, будто затканые плотной непроницаемой тканью. Малейший огонек на их фоне был виден издалека.

Чекисты шли медленно, часто останавливались и подолгу стояли неподвижно, сдерживая дыхание, точно желая раствориться в ночи, в ее черноте и безмолвии. На исходе третьего часа оба уже не верили в то, что шпион обнаружит себя сегодня: его излюбленное время, по расчетам Алексея, давно миновало. И все-таки, когда под ногами зазевавшегося Федей Фомина громко закрипела галька, Алексей так напомнил ему о серьезности момента, что тот потом долго потирал ушибленный бок. И оказалось, что это была не лишняя предосторожность.

На одном из пустырей стоял низкий, крытый соломой бревенчатый амбар, непонятно каким чудом уцелевший среди общего разрушения. Он стоял на взгорке, обратив к Днепру пустой треугольный провал чердака. Здесь, на чердаке, прикрытый по сторонам соломенными скатами крыши, и устроился шпион.

Первым его присутствие обнаружил Федя Фомин, который шел чуть впереди Алексея. Он ахнул от неожиданности, и Алексей, еще не поняв в чем дело, сердито зашипел:

— Тише, ты, ходить не умеешь!

И вдруг откуда-то сбоку его точно ударила по глазам короткая световая вспышка.

Алексей схватил Фомина за плечо и пригнул к земле.

Прошло несколько мгновений, и снова вспыхнуло раз, другой, третий... Потом, после небольшой паузы, вспышки — то короче, то длиннее — замигали непрерывно. Теперь можно было разглядеть, что их источник находится совсем близко — до него не было и полутора метра и что это фонарь, обыкновенный железнодорожный фонарь, с четырехугольным стеклом и коптящим в середине свечным огарком. Его, видимо, прикрывали чем-то. Темнота плавно смыкалась и размыкалась, пропуская аккуратно отмеренные порции неяркого света.

Все это Алексей соображал уже на ходу. Прямоком через пустырь, не разбирая дороги, они бросились к амбару. Они бежали большими скачками, стараясь не производить шума, но это было невозможно. Под ноги то и дело попадались куски каких-то досок, сапоги увязали в кучах песку и щебня.

темному изрытому снарядами воронками берегу, а по утрам, возвратившись в ЧК, избегали встречаться с Брокманом. За это время на предсательской карте появилось еще два кружка с номерами 6 и 7.

— Может быть, переменить место? — предлагал Алексей.

— И не думай! — урезонивал его Воронько. — Потерпим еще. Рано или поздно, а он наколется!

Четвертая ночь выдалась беззвездная и тихая. Алексей с Феей Фоминым три часа бродили вдоль Днепра. Место было пустынное, не охранявшееся войсками. Артиллерия постреляла перед вечером и умолкла. Попискивали шальные пули, залетающие из-за реки.

Прибрежный поселок был сильно разрушен артиллерией, и жители давно покинули его, перебравшись в более спокойные районы, ближе к городскому центру. Ветерок, настораживая, шелестел чем-то на широких заваленных обломками пустырях. Пахло гарью. За пустырями грудились городские дома, темные, будто затканые плотной непроницаемой тканью. Малейший огонек на их фоне был виден издалика.

Чекисты шли медленно, часто останавливались и подолгу стояли неподвижно, сдерживая дыхание, точно желая раствориться в ночи, в ее черноте и безмолвии. На исходе третьего часа оба уже не верили в то, что шпион обнаружит себя сегодня: его излюбленное время, по расчетам Алексея, давно миновало. И все-таки, когда под ногами зазевавшегося Феди Фомина громко заскрипела галька, Алексей так напомнил ему о серьезности момента, что тот потом долго потирал ушибленный бок. И оказалось, что это была не лишняя предосторожность.

На одном из пустырей стоял низкий, крытый соломой бревенчатый амбар, непонятно каким чудом уцелевший среди общего разрушения. Он стоял на взгорке, обратив к Днепру пустой треугольный провал чердака. Здесь, на чердаке, прикрытый по сторонам соломенными скатами крыши, и устроился шпион.

Первым его присутствие обнаружил Федя Фомин, который шел чуть впереди Алексея. Он ахнул от неожиданности, и Алексей, еще не поняв в чем дело, сердито зашипел:

— Тише, ты, ходить не умеешь!

И вдруг откуда-то сбоку его точно ударила по глазам короткая световая вспышка.

Алексей схватил Фомина за плечо и пригнул к земле.

Прошло несколько мгновений, и снова вспыхнуло раз, другой, третий... Потом, после небольшой паузы, вспышки — то короче, то длиннее — замигали непрерывно. Теперь можно было разглядеть, что их источник находится совсем близко — до него не было и полтора метра и что это фонарь, обыкновенный железнодорожный фонарь, с четырехугольным стеклом и коптящим в середине свечным огарком. Его, видимо, прикрывали чем-то. Темнота плавно смыкалась и размыкалась, пропуская аккуратно отмеренные порции неяркого света.

Все это Алексей соображал уже на ходу. Прямоком через пустырь, не разбирая дороги, они бросились к амбару. Они бежали большими скачками, стараясь не производить шума, но это было невозможно. Под ноги то и дело попадались куски каких-то досок, сапоги увязали в кучах песку и щебня.

Когда до амбара оставалось не больше пятидесяти шагов, пронзительный свист вспорол ночь — сигнальщик был не один, кто-то стоял на страже. И почти одновременно три раза подряд хлестнули выстрелы. На чердаке погас свет. В наступившей тишине послышался удаляющийся топот.

Не останавливаясь и не отвечая на выстрелы, Алексей закричал:

— За ним, Федька, за ним! — И услышал, как осыпался щебень под ногами рванувшегося в темноту Фомина.

Алексей подскочил к амбару. Он подоспел вовремя: с чердака спрыгнул человек. Тяжело и неловко, припадая на руки, он приземлился на груды гнилой соломы возле стены и не успел подняться, как Алексей ткнул его наганом в спину:

— Руки вверх!

Человек громко, точно с перепугу, ойкнул и на четвереньках пополз в сторону.

— Руки вверх! — крикнул Алексей. — Стреляю!

Тот быстро поднял руки.

— Смирно стоять! — предупредил Алексей. — Чуть что — убью на месте!

Переложив наган в левую руку, он обыскал задержанного и, к своему удивлению, не нашел оружия. Ничего, кроме каких-то бумаг, которые бережно спрятал в нагрудный карман. Человек был среднего роста и не слишком плотный. Без оружия он был не опасен.

Алексей приказал:

— Иди вперед! Руки можешь опустить, но смотри!.. Стрелять буду сразу!

Тот произнес дребезжащим неожиданно тонким голосом:

— Извиняюсь... вы проткнете мне спину...

И Алексей, который ожидал сопротивления, готовился к борьбе, испытал нечто вроде разочарованного недоумения: совсем не так он представлял себе встречу со шпионом!

— Вперед! — крикнул он. — Без разговоров!

За пустырем они остановились. Алексей прислушался, не идет ли Фомин. Но того не было. Вдали стукнули два револьверных выстрела...

Через некоторое время навстречу попала группа из пяти человек с винтовками: красноармейцы из стоявшей в Военном Фортштадте части, посланные узнать, кто стрелял на пустырях...

...Только введя арестованного в освещенный вестибюль ЧК, Алексей, наконец, разглядел его. Это был веснушчатый блондин, лет тридцати, в штатской одежде и в форменной фуражке с техническим значком на бархатном околыше, какие носили студенты и служащие строительных ведомств. Давно не бритый, бледный до того, что на висках и на горбинке тонкого длинного носа проступала синева, он испуганно моргал водянистыми глазами, и, глядя на него, не верилось, что это тот самый шпион, который с удивительной ловкостью и наглостью под боком у ЧК подавал сигналы белым и из-за которого погибла плавучая батарея на Кошевой.

Величко и Курлин уехали в Сухарное с оперативной группой.

Брокман был у себя, но и к нему Алексея не пустил вечно встрепанный и крикливый шофер и ординарец председателя Мишка Ганыкин. Он лежал навзничь на широкой скамье, загораживавшей дверь в кабинет, и спал, накрыв лицо кожаной шоферской фуражкой. Разбуженный Алексеем, он решительно заявил, что к председателю не пустит даже самого члена Реввоенсо-

вета, что Брокман тоже не железный и надо дать человеку выпастся хоть один раз. То, что Алексей привел пойманного шпиона, не произвело на него впечатления.

— Мало что! — заявил он. — Не скиснет твой шпион до утра. Сдай его Никишину под расписку.

После этого он лег, накрылся своей фуражкой и уже больше не отзывался ни на какие доводы Алексея.

Алексей отвел задержанного к коменданту, а сам побежал на речной базар искать Воронько.

На крыльце он столкнулся с запыхавшимся и расстроенным Федей Фоминым: второй шпион ушел от него...

КТО ПРЕДАТЕЛЬ?

Сигнальщика допрашивали на следующее утро.

Надеясь купить себе жизнь, он выбалтывал все, что знал, и, как впоследствии выяснилось, говорил в общем правду. Однако знал он, к сожалению, мало.

...Его звали Владиславом Соловых. Он был телеграфистом из Алешек. Там в собственном домике и теперь проживала его старшая сестра с мужем. Жил Соловых тихо, скромно, в политику не вмешивался. Шумели над Алешками революционные бури, волны гражданской войны приносили в городок то одну власть, то другую и так же легко уносили их. А жизнь Владислава Соловых текла ровно, насколько это было возможно в те времена.

Никаких таких особенных убеждений, ради которых стоило бы рисковать собой, у него не было. Более всего на свете он верил в то, что под лежащий камень вода не течет. Лишь бы по-

скорей улеглась вся эта буча, а там, что бы ни было, он не пропадет! В ожидании этих благословенных времен он стучал ключом своего аппарата и для белых, и для красных, и для зеленых. Кто бы ни занимал Алешки, телеграфист требовался всем. И жизнь его была подобна непрерывной телеграфной ленте, неизменно равнодушной к тому, что означают ее точки и тире.

Вполне вероятно, что он дождался бы в конце концов мирных времен, если бы не судьба...

Погубило его чувство более древнее, чем осторожность: Соловых влюбился. И как это часто случается, избранницей его спокойного и расчетливого сердца оказалась особа темпераментная, восторженная и полная самых романтических мечтаний. Ее вдохновляла идея монархии, или, как ее возвышенно именовали, «белая идея». Избранница сразу же объявила Соловых, что не мыслит полюбить человека, не способного к подвигам ради этой великой цели.

Однако телеграфист нравился ей. Она говорила, что цвет его волос свидетельствует о принадлежности к северной расе, которая создала викингов. И хотя Соловых не знал, кто такие викинги, он тем не менее обнаружил у себя в душе этакую, как бы сказать, тягу к героическому.

Было еще одно обстоятельство, которое так же способствовало пробуждению в нем героических настроений: три соперника в лице храбрых врангелевских офицеров. Соловых невольно чувствовал себя при них ничтожной штатской штафиркой, особенно когда офицеры повествовали о сражениях с «краснолапотной сволочью» за великую, неделимую Россию. Скрепя сердце, он наблюдал, с какими горящими глазами слушает их предмет его вздыханий...

В такие минуты он готов был на многое...

И вот однажды один из офицеров — он работал в контрразведке, имел чин поручика, фамилия его была Кароев — сказал, что Соловых при желании мог бы оказать белой армии неоценимую услугу. Ведь азбуку Морзе, несравненным знатоком которой он является, можно передавать на небольшие расстояния не только телеграфным ключом, но и при помощи простого фонаря. Если Соловых действительно хочет послужить родине, то он, Кароев, знает, как это осуществить.

Все присутствующие проявили большой интерес к предложению контрразведчика, и влюбленному телеграфисту не оставалось ничего другого, как сделать то же самое.

Поручик предложил следующее. Соловых тайно переправят на правый берег, в Херсон. Там его встретят верные люди. Задача Соловых будет заключаться в том, чтобы по ночам в условленное время передавать по световой морзянке все, что сообщат ему те люди. А здесь, на левом берегу, найдется человек, который примет сигналы... Соловых ни о чем не придется заботиться. Обо всем подумают те, к кому он поедет. Они приготовят для него безопасное убежище и сами будут выбирать места для сигнализации. Его дело мигать фонариком. Вот и все. Только мигать! Продлится это четыре — пять дней, не больше. Затем его переправят обратно...

Случись этот разговор в другое время и в другом месте, все, конечно, было бы иначе. Соловых наверняка нашел бы веские причины, не позволяющие ему принять лестное предложение контрразведчика: состояние здоровья у него хрупкое, да и здесь он нужен на своем ответственном посту.

Но сейчас вокруг сидели отважные офицеры, как равного принявшие простого телеграфиста в свою среду и даже согласившиеся терпеть в нем соперника. А во взгляде дамы было столько веры в него, отдаленного потомка викингов, и столько томительного, сладостного обещания, что у Соловых не повернулся язык, чтобы сказать «нет».

Прямо с вечеринки поручик Кароев повел Соловых в контрразведку, где с ним беседовали еще два офицера и где ему велели подписать какие-то бумаги. Офицеры сказали, что в Херсоне он будет находиться в распоряжении человека, который носит конспиративное имя Крученый. Сообщили пароль: «Лодка течет, нет ли пакли дыру заткнуть?» и отзыв: «За паклей далеко ходить не надо». Договорились, в какое время давать сигналы: от половины первого до часу ночи. Велели сказать Крученому, что сигналы должны быть видны на участках номер пять и шесть, — он, мол, знает. Затем принесли фонарь и тут же, в саду контрразведки, устроили пробную сигнализацию.

Домой Соловых больше не отпустили. Позволили только написать сестре записку, что его неожиданно посылают в Большие Копани проверять телеграфную линию, пусть не беспокоится, если он пробудет там несколько дней...

Так мирный алешкинский телеграфист Владислав Соловых стал связным врангелевской контрразведки.

Через сутки, ночью, переодетый офицер перевез его через Днепр и высадил на окраине Херсона, недалеко от того места, где его впоследствии поймали. На берегу Соловых встретил Крученый и отвел на Забалку. Там в подвале одного из домов было приготовлено убежище, в котором

Крученый оставил телеграфиста до следующей ночи. В дальнейшем Крученый появлялся лишь тогда, когда надо было отправляться на сигнализацию. Соловых встречался с ним только в темноте. За все время он не сумел даже как следует разглядеть своего начальника. Один раз он мельком, в свете фонаря, увидел его лицо, настолько искаженное тенью, что рассмотреть можно было лишь острые скулы да сильно выпирающий подбородок. Голос у Крученого был сипловатый, точно сорванный криком. Разговаривал он мало, и все, что говорил, было похоже на приказ. Поручик не обманул: Крученый все делал сам. Он находил места для сигнализации, составлял светограммы и охранял телеграфиста во время «работы». Соловых оставалось только зазубривать и передавать на память то, что ему велели.

Так прошло несколько суток. Ночью Соловых «работал», а днем отсиживался в подвале. Какая-то старуха, должно быть, хозяйка дома, приносила ему еду.

Все складывалось благополучно, и как раз вчера, перед выходом на сигнализацию, Крученый сказал, что через два дня Соловых сможет вернуться в Алешки...

— Упомянул Крученый при вас какие-нибудь фамилии или имена? — спросил Брокман.

— Нет.

— Он один собирал шпионские сведения или ему кто-нибудь помогал?

Этого Соловых не знал. Он также не знал, или говорил, что не знает, где скрывался и что делал Крученый днем, с кем был связан. От него все скрывали. Ведь они понимали, что он совсем не

такой, как они, ведь его обманом втянули в эту историю! Ему и оружия не дали, это может подтвердить арестовавший его командир. Он, Соловых, был игрушкой в руках контрразведчиков. Он был обманут! Он — жертва, а не злодей!..

Голос телеграфиста пресекался, сизые, точно пылью припорошенные, губы дрожали.

Соловых привел на память все светограммы, которые передавал. Это были в основном данные для артиллерии. Но попадались и такие фразы: «Вчерашний ужин хорош», «Гуще по темени», «Крыло промокает», «Привет от папы...»

И, наконец:

«Матросы восемьсот идут восемь пункт три...»

Эти слова всех насторожили. О каких матросах идет речь? Неужели о тех, что восьмого числа форсировали Днепр?

...Полуэкипаж из Николаева прибыл седьмого июня в середине дня. Матросов было восемьсот человек. Шли они с вокзала под гром собственного оркестра. Молодецкий марш «Бой под Ляояном» праздничным ветром врывался в распахнутые окна, и херсонцы уже предвкушали долгие веселые дни матросского постоя в городе.

Но уже на следующее утро, едва рассвело, отряд на трех баржах перебросили на остров Потемкинский, и скрытно, готовя неожиданный удар по врангелевцам, матросы двинулись к Алешкам.

Однако пройти им пришлось не далеко. В болотах, что покрывали остров, отряд попал в засаду.

Немногим удалось спастись. Погиб командир отряда, бывший флотский старшина Симага. На утлой душегубке двое уцелевших матросов переправили в Херсон смертельно раненного комиссара...

— Когда вы передавали сообщение о матросах? — спросил Брокман.

— Точно боюсь сказать, не помню...

— Ну-ка припомните! Может быть, вчера или позавчера?

— Нет, раньше.

— Примерно, в ночь на восьмое?

— Возможно...

— Та-ак... А что это значит?

Телеграфист умоляюще прижал руки к груди:

— Прошу вас, поверьте мне: я ничего не знаю! Он не говорил, а я и не спрашивал. Я сидел в этом проклятом подвале и не мог себе простить, что поехал. Я ни о чем не спрашивал. Я не хотел знать про их грязные дела, поверьте мне!

Брокман ударил по столу костяшками пальцев.

— Дураком прикидываетесь, Соловых! Невинность из себя корчите! Поздно вы вспомнили о «грязных делах»! Уведите арестованного...

— ...Я думаю, что этот тип и впрямь ни во что не посвящен,— говорил Брокман, дымя трубкой.— Дураками бы они были, если бы доверяли ему. Слизняк, падаль!.. Но кое-что мы все-таки узнали. Донесение о матросах надо понимать так: отряд состоит из восьмисот человек, переправляется восьмого. Пункт переправы намечен по их делениям... Обратите внимание на такое обстоятельство: матросы прибыли в Херсон седьмого днем, в одиннадцать вечера было решено, что на рассвете они двинутся на Алешки,— я был на Военном совете, отлично все помню. Решение приняли всего за несколько часов до начала наступления, и все-таки Соловых успел получить и

передать информацию. Что называется, с пылу, с жару. Вам понятно, что это значит? Это значит,— продолжал он,— что источник информации находится в штабе, что шпион, может быть, тот самый, которого зовут Крученный, имеет доступ к совершенно секретным документам!

— Я то же хотел тебе сказать, товарищ Брокман,— вставил Величко.— Мне давно подозрительно, как быстро у них получается. Командующий не дает артиллеристам покоя: чуть не через день батареи таскают с места на место. Не успеем мы переставить артиллерию, как белым уже все известно. Да будь шпион семи пядей во лбу и имей он еще трех помощников — и тогда ему за перестановками не уследить. Не иначе, кто в штабе выдает. Вопрос — кто?

— Да, вопрос — кто,— повторил Брокман, водя пальцами по лбу.

— А вы помните, кто был на Военном совете? — спросил Алексей.

Брокман придвинул бумагу и столбцом написал:

- «1. Исаков — начальник военучастка.
2. Иванов — комиссар.
3. Кудрейко — начальник штаба.
4. Панкратов — адъютант командующего.
5. Крамов — начальник береговой артиллерии.
6. Панков — начальник плавучей артиллерии.
7. Шалыга — начальник Особого отдела.
8. Симага — командир матросского отряда.
9. Горелик — комиссар матросского отряда.
10. Штабной секретарь...»

— Щавицкий Яков,— подсказал Воронько. Он знал всех штабных.

— Смотрите, вот все, кто тогда был,— сказал Брокман,— еще я да два писаря... Ну, Исаков

с комиссаром сразу отпадают.— Он вычеркнул первые две фамилии.— Кудрейко? — Карандаш повис в воздухе.— Кудрейко? Бывший агроном, из интеллигентов...

— Вычеркивай, вычеркивай,— сказал Величко.— За Кудрейко я головой ручаюсь: большевик с пятого года.

— Ну смотри. Дальше: Панкратов, адъютант...

Они тщательным образом перебрали всех поименованных в списке людей.

Адъютант Панкратов раньше работал в ЧК. Он ни у кого не вызывал подозрений.

Вне подозрений был также начальник Особого отдела Шалыга. Командир матросского отряда Симага погиб. Комиссар Горелик лежал в госпитале с простреленной грудью.

Величко связался с Особым отделом 6-й армии и справился, что собой представляют штабные писаря и секретарь Военного совета Щавинский. Ему ответили, что это — проверенные люди, назначенные по их рекомендации.

Остались две фамилии: Панков и Крамов. Оба бывшие офицеры.

Крамов имел когда-то чин поручика и на германском фронте командовал батареей. В Красную Армию вступил в девятнадцатом году и в качестве военспеца работал в разных армейских штабах. Месяца два тому назад его перевели в Херсон на должность начальника артиллерии херсонского военного участка.

Панкова откомандировал в Херсон штаб коморси¹. Он прибыл всего несколько дней назад, но оперативный Величко уже успел собрать о нем

¹ Коморси — так в те времена сокращенно называли командующего морскими силами.

кое-какие сведения. Панков — кадровый военный моряк, до революции служил на Балтике и дослужился до чина лейтенанта. После революции одно время ходил в анархистах. Человек он был крутой, несговорчивый, на военных советах старался отмалчиваться, а в бою норовил поступить по-своему.

Против этих фамилий Брокман поставил жирный вопросительный знак. Задумчиво проговорил:
— Кто же из них?

„ПОДАРКИ“ ФЕЛЬЦЕРА

Воронько с Алексеем осмотрели берег в том месте, где контрразведчики высадили Соловых, и нашли небольшую, хорошо просмоленную лодку. Она была тщательно спрятана в камышах. На корме лежал свернутый плащ — квадратный кусок брезента с веревочной петлей на одном углу и деревяшкой вместо пуговицы — на другом. Такие плащи носили днепровские рыбаки, плотовщики и баржевые матросы. Но зато на дне лодки валялся окуроч длинной дорогой папиросы.

Крепкие железные уключины, обильно смазанные машинным маслом, чтобы не скрипели, весла, опущенные за борт, чтобы не терять времени при отчаливании, плащ, не по-хозяйски оставленный без присмотра, и окуроч — все свидетельствовало о том, что лодка шпионская.

Алексей остался на берегу, а Воронько сходил в ЧК и через полчаса привел молодого паренька — чоновца. Для него устроили укромное гнездо в камышах недалеко от лодки и объяснили, что надо делать.

Воронько на прощанье сказал:

— Старайся живого взять, а увидишь, что не

выходит, тогда стреляй, не сомневайся! Как стемнеет, приведу кого-нибудь на смену...

Мучнисто-бледный от влнения паренек — это было его первое боевое задание — сжал челюсти и впился глазами в лодку. Алексей и Воронько пошли в ЧК.

Недалеко от берега взвод красноармейцев разбирал какие-то развалины. Когда Алексей и Воронько проходили мимо, один из красноармейцев крикнул:

— Эй, чего шляетесь тут?

Другой одернул его:

— Та це ж чекисты, хиба ж ты не бачишь?

Воронько критически оглядел Алексея.

— Не пойму,— сказал он,— почему от нас Чекой несет за версту? Ничего на нас особенного нету, а где ни пройдешь, сразу след: Чека ходила. Это ведь не на пользу... Надо бы какой-никакой гражданской одежкой разжиться.

Алексей думал о том же: ему предстояла слежка за Дунаевой.

— Надо бы, конечно.

— Фельцера потрясем,— подумав, решил Воронько.

Придя в ЧК, они сразу направились к начхозу.

— А-а! — закричал тот, увидя Алексея.— Все-таки пришел! А я уж думал: неужели у человека совести нет даже сапоги показать? Неужели, если на свете революция, так уж не надо благодарности? Все вот так: Фельцер дай то, Фельцер дай это, а чтобы вспомнить, что Фельцер тоже человек, так нет! Вот, когда что-нибудь надо, тогда, конечно, бегут к Фельцеру... Может быть, ты тоже за чем-нибудь пришел?

— Нет, нет! — За Алексея ответил Воронько, правильно оценив обстановку.— Он меня два

дня как тянет: зайдём к начхозу и зайдём! Я уж думал: отчего бы такая любовь?

— Ой ли! — с сомнением сказал Фельцер.

— Провалиться мне! — Воронько ясными глазами смотрел на начхоза.— Хочешь перекрестись?

— Он перекрестится! Подумаешь, большое дело перекреститься этому безбожнику! А ну, покажи сапоги! — Фельцер потащил Алексея к свету.— Ай-яй, вот это товар! Вот это богатство!

И действительно, новые сапоги Алексея были просто загляденье: остроносые, на удлиненном каблуке, с голенищами, сделанными «по-генеральски»: они передавали форму ноги и имели косой срез наверху.

Налюбовавшись сапогами и неоднократно напомнив, что, если бы не он, так век Алексею не носить такой царской обуви, начхоз спросил:

— Ну, теперь говорите честно, что вам от меня надо?

— Штатскую одежонку, — прямо сказал Воронько, решив, что дипломатическая часть переговоров закончена. Он коротко объяснил ситуацию.

Фельцер выслушал его с видом философа, которого уже нельзя удивить человеческим несовершенством, вздохнул и раскрыл свою одежную сокровищницу.

Надо прямо сказать: сокровищ там не было. Два—три изношенных пиджака, несколько латаных-перелатанных брючишек, немного грязного белья да крестьянский армяк, удушливо пахнувший кислиной,— вот и все, что Фельцер мог предложить.

— Не жирно,— заметил Воронько.

— Смотрите, он еще не доволен! — возмутился начхоз. — Берите, что есть, или дайте покой, у меня и без вас хватает дела!

В конце концов Алексей выбрал черный пиджак и желтую, в крапинку, рубаху. Воронько — широченный сюртук с оторванной полкой, полосатые брюки, а также черный приказчиный картуз. Расписавшись в получении вещей и поблагодарив Фельцера, они расстались.

Воронько собирался осмотреть дом, где Крученый укрывал Соловых. Телеграфист адреса не знал и даже не мог толком объяснить, где этот дом находится, потому что Крученый приводил его туда только ночью. Воронько решил вывести Соловых в город: пусть ищет дорогу по памяти.

Алексей пошел домой. Там он переоделся. Вместо диагональных галифе и новых сапог натянул свои старые солдатские штаны и едва живые опорки. Рубаха была ему маловата, но пиджак пришелся впору. На голову он надел висевшую в сенях линялую, с изломанным козырьком, фуражку, принадлежавшую когда-то покойному Федюшкину отцу, за спину закинул пустой вещевой мешок. Теперь он мог сойти за кого угодно, но только не за чекиста, а это-то как раз и требовалось. Во внутренний карман пиджака он опустил браунинг.

Люська, Федина сестра, увидев его, всплеснула руками:

— Леша, ты что это?! Ой, батюшки, и не узнать совсем!

Он приложил палец к губам и подмигнул девушке, довольный произведенным впечатлением.

ДОМИК В МАРКАСОВСКОМ

Приближался четвертый час пополудни. Было душно, и город, точно добела раскаленный солнцем, сонно притих.

Из пустынных в этот знойный час центральных улиц Алексей попал в еще более тихие улочки городской окраины. Волоча ноги, точно без определенной цели, он шел по Маркасовскому переулку, поглядывая на номера домов. Домишки здесь были маленькие, одноэтажные, окруженные садами и огородами. Козленок щипал траву на дорожной обочине. Черноликие подсолнухи свесили головы за невысокими заборами. Воробьи ковырялись в сухих коровьих лепешках. Знакомая картина. Все здесь было проникнуто безмятежным провинциальным покоем, который, казалось, не способен возмутить никакие революции...

Вот и дом номер пять. Такой же, как и другие, беленький, аккуратный. Окна не заперты, а только прикрыты от солнца голубыми ставнями. Одна ставня приоткрылась, видны чисто промытые стекла и белая кружевная занавеска. За домом большой двор.

Останавливаться и разглядывать было рискованно, Алексей медленно прошел дальше. Никакого определенного плана у него не было. Если бы из дома кто-нибудь вышел, можно было бы попытаться завести разговор, например, спросить, нет ли работы. Но так как этого не случилось, задерживаться здесь не следовало. Он, возможно, так и ушел бы ни с чем, если бы на помощь ему не пришел случай...

Следующий дом был угловым. Его окружал глинобитный забор, усаженный острыми бутылоч-

ными осколками. У широких ворот не хватало одной створки, и, проходя мимо, Алексей увидел во дворе молодую женщину в рваной старушечьей кофте. Покраснев от натуги, она старалась поднять вторую створку, лежавшую на земле.

Он заскочил во двор и, прежде чем женщина успела возразить, легко поставил тяжелую створку на попа.

— Фу-ты! — вздохнула женщина, удивленно разглядывая его. — Спасибочко!

— Не на чем. Дальше чего?

— Ничего не надо, я сама!

— Дальше чего, спрашиваю?

— Да вот, навесить хотела...

Он приподнял створку, протасил несколько шагов и прислонил к стойке ворота.

— Навесить хотела! — насмешливо сказал он. — Тут для мужика потная работенка, не то, что для тебя. А зачем снимала?

— Да разве ж это я! Их еще при Деникине поломали. А мужика нет, починить некому, вот и взялась. Нынче много лихого народу ходит, без ворот никак невозможно. Я и досточек раздобыла по случаю.

Алексей постучал кулаком по прибитым ею доскам — они легко отошли от поперечного бревна.

— Починила, — покачал он головой. — Одно название, что ворота. Ну-ка, дай топор...

На женщину подействовала его уверенная повадка и грубовато-снисходительный тон. Она протянула ему топор, виновато бормоча:

— Привычки-то нет. Нелегкое все-таки дело...

Алексей выпрямил гвозди, погнутые ее неумелыми руками, и заново приколотил доски. По-

том навесил створку. Пришлось положить камень под один конец створки, а затем, приподняв другой край и держа его на весу, попасть ржавой петлей на стерженек. Алексей взмок, пока ему это удалось.

Хозяйка суетилась вокруг, пыталась помогать, и из ее отрывочных восклицаний Алексей узнал, что муж ее вот уже два года воюет и что она живет с трехлетним ребенком и полоумной старухой свекровью. Работая, Алексей осмотрел все вокруг и понял, что лучшего места для наблюдения за живущей по соседству Дунаевой ему не найти. Ее двор, отделенный плетнем, был виден отсюда как на ладони: позади чистенького, свежесмытого дома стоял сарай с навесом для сена, а за ним находился такой обширный огород, что кончался он у другого дома, выходящего в соседний переулок. Ни заборчика, ни канавки, разделявших участки, Алексей не видел.

Наконец ворота были навешены, и Алексей отер лоб.

— Вот и вся недолга. Теперь тут как в турецкой крепости. А петли можно смазать, чтоб не скрипели.

— Смажу, спасибо за помощь, это уж я сама! Алексей огляделся.

— Может, еще какая работа есть, хозяйка?

— Как не быть! Как не быть! Я-то одна, в хозяйстве мужская рука требуется. Да где ее взять? Нанять-то не на что...

— Это ничего! — сказал Алексей. — Сочтемся. Кормить будешь? За харчи я взялся бы.

— Да ты сам-то кто? — спросила женщина.

— Я из Одессы, — ответил Алексей.

Он наскоро сочинил историю о том, как работал матросом на рыбацком сейнере и как това-

рищи оставили его, заболевшего тифом, здесь в больнице. Скоро, говорят, фронт отодвинется, и тогда рыбаки должны снова прийти в Херсон и забрать его с собой. А пока надо как-нибудь перебиться...

— Покормить, конечно, можно,— сказала женщина.— Что сами будем есть, то и тебе дадим. Не осуди, ежели не густо покажется.

— Что не густо, не беда,— весело произнес Алексей, — главное, побольше! Как у нас говорят: нехай хлеба ломоток, лишь бы каши чугунок!

— Ну, пойдем,— улыбнулась женщина. Алексей явно пришелся ей по душе.

Первым делом он взялся чинить крышу старенького сарая, в котором содержалась тощая однорогая коза и с чердака которого было удобно наблюдать за соседним двором. Он вытащил из сарая штабелек сухих жердей, заготовленных еще хозяином, и принялся крепить покосившиеся стропила. Если говорить честно, то необходимости в том не было: крыша держалась еще достаточно крепко. Но зато эта работа не требовала особенного умения, что было немаловажно. Женщина принесла Алексею пилу, ржавых гвоздей и ушла в дом готовить еду.

И вот отсюда, с чердака, Алексей увидел странную группу, двигавшуюся по Маркасовскому переулку. Она состояла из трех человек. Один из них, одетый в мешковатый сюртук с оторванной полрой, имел большие пушистые усы. То был не кто иной, как сам Воронько. Его спутника, человека богатырского роста и сложения, тоже ни с кем нельзя было спутать: Никита Боденко. А между ними, вобрав голову, плелся Владислав Соловых. Вот этого узнать было не-

легко. На него напялили шинель и островерхий красноармейский шлем, один глаз завязали косынкой, из-под которой жалко торчал тонкий синеватый нос. Соловых вел чекистов в свое убежище...

Все трое быстро приближались.

«Куда они идут,— подумал Алексей.— Неужели к Дунаевой?»

Но группа прошла мимо.

«Странно,— размышлял Алексей.— Соловых привел чекистов именно сюда, в Маркасовский переулок. Значит, скрывался он где-то поблизости. Случайно это или нет?»

Спустя несколько минут, Алексей увидел, наконец, ту, из-за которой, собственно, и подрядился в плотники.

Он мастерил возле сарая козлы для распиловки жердей, когда на заднее крыльцо соседнего дома вышла женщина в расшитой украинской блузке, синей шелковой юбке и шегольских сапожках на высоких каблуках. Широкая голубая лента скрепляла на ее голове толстую косу, уложенную короной. Статная, крутотелая, с кошачьей ленцой в каждом движении, она не спеша расправила руки, вытягивая их перед собой, отчего под блузкой стесненно напряглась грудь, и сладко продолжительно зевнула. Подрюманенное лицо ее с тонкими полосками бровей выражало скуку и ожидание.

Алексей понял, что это и есть Дунаева.

Скрытый кустами акации, росшими вдоль плетня, он хорошо разглядел ее.

Женщина медленным взглядом обвела кусты, огород, вечеряющее небо, затем спустилась с крыльца и, покачивая бедрами, прошла по двору.

— Ишь, поплыла! — раздалось позади Алексея.

Он оглянулся. Рядом стояла хозяйка.

— Что, засмотрелся? — Она осуждающе поджала губы. — Глаза не сломай.

Хозяйка приделась. Вместо заношенной хламиды на ней была опрятная юбка и белая рубаха с широкими рукавами. Волосы покрывал чистый ситцевый платок. Теперь стало заметно, что у нее миловидное лицо.

— Уж и засмотрелся, — небрежно проговорил Алексей. — На улице день, а она вырядилась, будто на гулянку, вот и смотрю...

— Так и есть, — зашептала женщина. — У ей, что день, что ночь — все одно. Других дел нету, как нарядиться да погулять. Одни мужики на уме.

— Мужики?

— Ужась сколько! — Женщина сделала большие глаза. — Ни стыда, ни совести у бабенки! И ведь только в прошлом году мужа похоронила! Муж-то у Деникина служил. Его красные ранили, он и остался в Херсоне секретно, когда белые отступили, думал за ейной юбкой отсидеться, а Чека его тут и прибрала.

— Вот как...

— Она и полгода не прождала с его смерти, затрепала подолом. Нынче с одним красным летчиком спуталась, глядеть невозможно! Да разве он один!

Женщина сплюнула в сердцах и, оправив рубаху на груди, проговорила уже совсем другим тоном:

— Пошли, поснедаем, я борща наварила.

— Не надо, хозяйка, не заработал пока...

— Еще заработаешь. На голодный живот какой от тебя толк!

Уходя, Алексей еще раз взглянул в соседний двор. Хозяйка перехватила его взгляд. Ревниво сказала:

— Что вы за народ, мужики! Нюх у вас, что ли, такой на легкую бабу! Гля! Только увидел, а уж глаз не может оторвать. И что в ей такого!.. Ты к ей сходи, она добрая, не отпихнет.

— Брось, хозяйка! — с деланным смущением отмахнулся Алексей. — С души ты на нее говоришь.

Он попал точно. Женщина так и взвилась:

— Не такая? Да я ее как ободранную!.. Да я, может, половины не скажу, что знаю! У ей нынче легчик за постоянного ночует, а, кроме него, еще штуки три просто так ходят. Ночью погляди: чуть этот уснет, она шась в огород, а там уже поджидают...

— Кто поджидает?

— Кто, кто! Такие же, верно, как и ты, любители!

— Ну, мне-то ни к чему! — сурово произнес Алексей. — Я таких баб не уважаю. От них одна канитель и безобразие. Я этого не люблю!..

Он поспешил перевести разговор на другое, чтоб отвлечь внимание хозяйки. Про себя Алексей решил во что бы то ни стало остаться здесь на ночь и проверить, правду ли говорит хозяйка.

В избе он сел у окна, чтобы ни на минуту не терять из виду улицу. К столу вместе с ними примостилась горбатая старушонка с мутными, точно плесенью подернутыми глазами. Маленький хозяйский сынишка смотрел на него с интересом, забыв во рту обслюнявленный палец. Хо-

хозяйка суетливо накрывала на стол. Чувствовалось, что ее волнует присутствие мужчины в доме. Она быстро двигалась по комнате, легко поворачивалась, обдавая Алексея запахом свежего хлеба и домоваренного мыла, и без умолку рассказывала о своем прежнем житье-бытье, о муже, о родителях, к которым она думает перебраться, когда «фронт уйдет», потому что одной «до невозможности скучно...»

Выбрав момент, Алексей попросил:

— Хозяйшечка, может, разрешишь на твоём дворе заночевать? Зато уж завтра с самого солнышка за работу.

— Что ты все — хозяйка да хозяйка! — обиженно сказала она. — Небось у меня имя есть. Зови Анна. А фамилия моя Усаченко. Это по мужу. А от рода я Свиридова. Батя мой с-под Твери, то в России, у самой почти Москвы...

— Так как же насчет переночевать? — напомнил Алексей.

— Ночуй, — краснея и не глядя на него, ответила она. — Места хватит.

— А мне много не надо. Я на чердаке пристроюсь — худо ли? Там сено, я видел.

— Как хочешь...

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Воронько с его группой больше не появлялся. По-видимому, в ЧК они вернулись другой дорогой.

Когда Алексей снова принялся за работу, день уже догорал. В воздухе острее стали запахи, заметней тишина. Врангелевская артиллерия сегодня молчала, не желая, должно быть, впустую тратить снаряды. Это был первый ощутимый результат вчерашней операции. На какой-то срок

связь между шпионами и левым берегом была прервана.

Алексей бойко стучал топором.. В соседнем дворе хозяйничала согнутая, одетая по-вдовьи старуха со скрюченным носом. От Анны Алексей узнал, что это мать Надежды Дунаевой. Сама Надежда почти не появлялась на дворе.

Алексей размышлял. Имевшиеся у него смутные подозрения относительно этой женщины подтвердились. Дунаева была вдовой деникинца, расстрелянного ЧК. Это о многом говорило. Во-вторых, она связана с какими-то таинственными людьми, которые ходят к ней по ночам. Если эти люди не созданы пылким воображением Алексеевой хозяйки, то кто они такие? Счастливые соперники Филиппова? Или, может быть, это те самые, что подсунули ему приказ о вылете в Николаев?

Обдумывая все это, Алексей еще раз по-настоящему оценил тот счастливый случай, который привел его сюда, на чердак старого сарая, к гостеприимной и доверчивой Анне Усаченко! Здесь он, кажется, все узнает...

Алексей работал дотемна.

В сумерках к дому Дунаевой, тарахтя на всю улицу, подкатила извозчицья пролетка. С нее соскочил Филиппов. Махнув рукой вознице, он вошел в ворота. Пролетка умчалась.

Навстречу Филиппову выбежала Дунаева. Он чмокнул ее в щеку и, обняв, повел в дом. Проходя мимо хромой старухи, громко сказал:

— Здорово, Михеевна!

Та отвернулась и что-то злобно забормотала, тряся головой.

— Пойдем, пойдем,— позвала Дунаева, беря летчика за плечо.

Филиппов засмеялся и взошел на крыльцо.

Возле Алексея немедленно появилась Анна.

— Приехал! — сообщила она. — Это полюбownik ее, самый главный летчик у красных — Филиппов. Может, слышал? Старуха видеть его не может: зятя любила крепко. А самой-то Надьке лишь бы кто. Сейчас они загуляют!

— Ну и пусть их! — Алексей пренебрежительно сплюнул. — Гляди лучше, как я тут крышу приспособил. Теперь она до второго пришествия простоит...

Поужинав остатками обеденного борща, Алексей сослался на усталость и попросил разрешения лечь спать. Хозяйка хотела постелить ему в горнице, но Алексей сказал, что после болезни не может терпеть духоты, взял предложенную ею для подстилки старую, армейского сукна, куртку и забрался на свой наблюдательный пункт.

Быстро спустилась ночь. Позажигались звезды над Херсоном. В крутой чернильной темноте заглохли звуки.

В соседнем доме «гулял» летчик. Иногда во двор выходила старуха, и, когда отворялась дверь, слышно было, как дребезжали струны гитары и пела Дунаева. Голос у нее был грудной, печальный. С ним переплетался надорванный филипповский басок.

Потом они замолчали. Желтый свет, пробиравшийся меж ставен, погас. Мягкая, совсем не военная тишина воцарилась вокруг.

Алексей лежал на чердаке сарая, вслушиваясь в каждый звук, доносившийся из-за плетня. Он мало спал за последние двое суток, и постепенно его начала одолевать дрема. Чтобы не поддаться ей, Алексей постарался принять самую неудобную позу. Повернулся на живот, уткнул подбо-

родок в положенные один на другой кулаки. Но сон как бы наплывал откуда-то сверху, путал мысли, властно и настойчиво смежал веки. Все вокруг стало призрачным, безразличным...

И вдруг что-то произошло. Алексея будто толкнули в спину. Он встрепенулся и поднял голову.

В соседнем дворе было какое-то движение. Смутно проступали белесые стены, и Алексею показалось, что в том месте, где к дому примыкает сарай, темнота шевелится. Спросонок у него еще шумело в ушах, но он все-таки отчетливо услышал шорох, словно кто-то переступал с ноги на ногу. А спустя несколько секунд уже не требовалось особенного напряжения, чтобы понять, что там происходит.

Дверь на заднем крыльце приоткрылась, и женщина — это была молодая Дунаева — громким шепотом произнесла:

— Сейчас...

Ей так же шепотом отозвался мужчина.

— Уснул?

— Да. Идите в сарай, я сейчас...

— Ключ?

— Да вот же он, где всегда!

Женщина скрылась. Большая тень передвинулась через двор. Стало слышно, как скребется ключ в замке, затем заскрипела открываемая дверь. Мужчина тихонько свистнул.

И со стороны огорода к нему придвинулась вторая тень.

«Эге, да вас двое!» — подумал Алексей.

Когда дверь сарая закрылась, Алексей соскочил с чердака, на цыпочках подошел к плетню, перелез через него и тотчас же пластом упал на землю: из дому вышла Дунаева.

Прошлепав босыми ногами мимо Алексея, Надежда скрылась за дверью сарая. Там зажгли фонарь.

Нащупав браунинг, Алексей пробрался к стене, нашел щель и заглянул в нее.

Мужчины прятали в сене, что навалом лежало в глубине сарая, тяжелый продолговатый ящик, который они принесли с собой. Женщина светила им «летучей мышью». Они изредка обменивались короткими фразами. Управившись, все трое вернулись к двери.

Теперь Алексей разглядел, что один из пришельцев в военной форме и затянут ремнями портупей. Другой был одет в сермяжный армяк, на голове широкополый соломенный брыль. Утираясь рукавом, военный отрывисто бросил Дунаевой:

— Давайте!

Из-под платка, в который она куталась, женщина достала темный квадратный предмет. Это был... большой летный планшет Филиппова.

Если до этого момента у Алексея еще оставались какие-то сомнения, если среди прочих мыслей, мелькавших в голове, было предположение, что Дунаева — обыкновенная спекулянтка, уголовница, укрывающая краденое, то теперь он больше не сомневался: перед ним — шпионы.

Военный раскрыл планшет и сделал Дунаевой знак приподнять фонарь. Едва только свет упал на его одутловатое лицо, как Алексей вспомнил: это был тот самый человек, которого они с Фоминым видели в обществе летчика в день приезда Алексея.

Чувствовалось, что он не в первый раз осматривает планшет. Многие бумаги были ему знакомы, он даже не вынимал их. Другие бегло про-

сматривал и осторожно клал на место, не нарушая их обычного порядка. Наконец он нашел то, что искал.

— Вот последний приказ,— сказал военный вполголоса, прочитав бумагу.— Завтра Филиппов полетит на Серогозы, разведывать конницу генерала Барабовича. На ночь вернется не сюда, а в Берислав, чтобы послезавтра лететь еще дальше — на Веселое. Должен вас огорчить, Надежда Васильевна, завтра он не будет ночевать...

— Знаю, уже сообщил, — ответила женщина, брезгливо передернув плечами.

Военный усмехнулся. Обращаясь к человеку в брыле, он сказал, что отсутствием летчика нужно воспользоваться, чтобы «собрать и проинструктировать людей».

— Другого такого случая может и не представиться, — говорил он. — Сегодня же необходимо всех оповестить. Завтра ночью я буду ждать их здесь от двенадцати до половины второго. Сами приходите обязательно. Возможно, я найду способ переправить вас туда, к нашим. Накопилось много новостей.

— Имейте в виду, — сипловатым, как от простуды, голосом проговорил человек в брыле, — Чека сегодня шарило в доме, где скрывался наш злополучный телеграфистик, а ведь это всего в квартале отсюда.

«Крученный! — пронеслось в мозгу Алексея. — Это Крученный!»

— Я знаю, — сказал военный, — и все-таки здесь безопасней, чем где бы то ни было. Дом, куда ходит летчик Филиппов, для них вне подозрений. Отправляйтесь и предупредите всех. На всякий случай, пусть идут не через Маркасов-

ский, а через огороды. Пароль... ну, скажем, «Расплата». Вы поняли меня?

— Да.

— Кстати, как насчет лодки? Окончательно пропала?

— О лодке надо забыть. Сегодня возле нее была засада. Я послал к ней какого-то беспризорника для проверки, так его задержали. Ничего, найдем другую.

Алексей закусил губу.

— Ну что же, — военный встал, — это все. Теперь, Надежда, идите: как бы не проснулся наш красный орел. Мы выйдем чуть позже.

Дунаева отдала фонарь человеку в брыле, спрятала под платок планшет и пошла к двери.

Наступил момент, когда Алексею приходилось решать, что делать: брать этих двух шпионов немедленно или выпустить их из мышеловки, в которую они сами залезли, и ждать завтрашнего дня?

Это был нелегкий выбор.

Случай, удивительный, неповторимо счастливый случай отдавал в его руки двух отъявленных врагов, поимка которых была сейчас едва ли не самым ответственным делом ЧК. И это мог сделать он, Алексей Михалев, один, без посторонней помощи...

С другой стороны, теперь было совершенно ясно, что дело не только в этих двух шпионах, что существует организация, шпионский центр, заговор, что завтра главари соберутся здесь. Одним ударом можно раздавить всю шайку!

И решение было принято.

Еще днем Алексей приметил во дворе большую разохшуюся бочку. За ней он и притаился.

Дунаева вышла, быстро прикрыв за собой

дверь, постояла, послушала, потом прошла в огород. Возвращаясь, мимоходом стукнула в стену: все, мол, в порядке.

Алексей еще раз глянул в щель.

Шпионы, выжидая, стояли посреди сарая. Человек в брыле медленно поднял фонарь, дунул, и тотчас потонуло во мраке его на миг осветившееся лицо с твердыми скулами, выпирающим подбородком. При виде этого лица у Алексея сдавило сердце: он узнал Виктора Маркова...

Враги ушли. Когда их шаги замерли в огородах, Алексей перелез через плетень во двор Анны, оттуда на улицу и со всех ног помчался в ЧК.

...Он вернулся часа через два. Залез на чердак. И долго лежал без сна, обдумывая происшедшее...

ОБЛАВА

Следующий день показался Алексею самым длинным днем в его жизни. Ему не давала покоя мысль, что, если какое-нибудь непредвиденное обстоятельство помешает врагам собраться, если изменятся их планы или они заметят что-либо подозрительное — все пропало! Он один будет повинен в том, что два матерых шпиона останутся на свободе. И тогда нет для него оправдания!

Впрочем, в отношении одного из них Алексей тревожился меньше. Федя, конечно, вспомнит, с кем они видели пьяного Филиппова. Он и тогда называл его фамилию, непростительно пропущенную Алексеем мимо ушей. Но Марков... Виктор Марков, эсеровский прихвостень, причастный к разгрому фронтовиков немцами... Марков уйдет! А ведь всего несколько часов назад он был во власти Алексея. Надо было только про-

тянуть руку и задвинуть засов на дверях сарая. Только протянуть руку! Шпионы попались бы с поличным, потому что совершенно очевидно, что в принесенном ими ящике — оружие. Уж он сумел бы задержать их до утра! К тому же поблизости был Филиппов, свой человек, как-никак!

Алексей успокаивал себя тем, что для опасений нет особых причин. Как и вчера, с утра принаряженная Дунаева несколько раз выходила из дому, вялой, вихляющей походкой прогуливалась по двору, лениво переругивалась со старухой.

К вечеру по некоторым, незаметным для постороннего взгляда приметам Алексей знал, что дом уже окружен, что, кроме него, за женщиной наблюдают еще не меньше пяти пар глаз. Между тем в ее поведении ничто не выдавало тревоги или беспокойства.

И все-таки окончательно Алексей успокоился только ночью, когда по огородам в дунаевский двор проскользнула тень первого из тех, кого он с таким нетерпением ожидал...

К этому времени в кустах у плетня, отделявшего двор Анны от дунаевского, лежали уже три человека: Воронько и два парня из оперативного отдела — Володя Храмзов и Матвей Губенко, а сама Анна давно ушла спать, сердито намекнув Алексею, что если он и завтра будет работать с такой же прохладцей, как сегодня, то она, пожалуй, обойдется и без его помощи...

Затем в течение двадцати минут в дунаевский дом пришли еще шестеро. Слышался скрип порожков, вороватый шепоток возле крыльца, где кто-то стоял на страже. И дом вобрал в себя эти тени не тени, а скорее какие-то плотные, бесформенные сгустки темноты. Ночь, к счастью, была темная, хоть глаз выколи...

Облавой руководил Величко. Обстоятельность начальника выводила Алексея из себя. Величко сам расставил людей по местам и, хотя в облаве участвовали опытные чекисты, каждому объяснил его задачу.

Через полчаса после того как последняя, седьмая, тень скрылась в доме, чекисты замкнули кольцо на огородах, и Величко послал Никиту Боденко снять сторожевого, поставленного заговорщиками.

— Пароль «Расплата», — напомнил он.

Боденко нырнул в темноту.

Алексею это показалось ошибкой: слишком громоздок и неуклюж на вид был «киевский богатырь».

Однако вскоре возле дома послышалась негромкая возня, а затем Боденко принес Дунаеву. Он именно принес ее, обхватив поперек туловища и зажимая ладонью рот, для чего ему пришлось крепко притиснуть голову женщины к своей груди. Когда Дунаеву связали и заткнули рот кляпом, скрученным из ее головного платка, Боденко тихонько попросил Алексея:

— Тряпицы какой-нибудь нема? До кости прокусила руку дурная баба...

Величко, а за ним Алексей, Воронько, Боденко и Храмов поднялись на крыльцо. В темных сенях, где пахло рогожей, на ощупь нашли дверь. За нею невнятно бормотали голоса. Величко взялся за ручку.

— Ну...

Остальные придвинулись к нему. Помедлив, Величко рывком распахнул дверь.

— Руки вверх!

От резкого движения воздуха качнулась лампа

под потолком, оплеснув ярким после мрака светом вытянувшиеся оцепеневшие лица, стол, неначатую четверть самогона, кружки...

Первое, что, холодея, отметил Алексей: Маркова не было!

— Руки вверх! — повторил Величко.

Оцепенение окончилось. Медленно поднялись руки. Шестеро стояли вокруг стола. Один, одутловатый, продолжал сидеть, откинувшись к спинке стула.

Величко повел стволом револьвера.

— Кому сказано! Живо!

Тот тяжело встал, глядя исподлобья, глухо, точно борясь с удушьем, проговорил:

— В чем дело? Почему врываетесь?

— Не ломайте, Крамов, комедию! Не нравится — пожалуетесь в ЧК. Последний раз говорю: поднимите руки!

Вот кто это был: Крамов — начальник артиллерии всего херсонского участка!

Он как бы через силу поднял руки.

— Выходить по одному. Вы!

Чернобородый мужчина в пиджаке поверх военной гимнастерки, растерянно оглянувшись на Крамова, пошел к двери. В сенях его приняли Боденко и Храмзов.

— Следующий...

Алексей не узнавал своего начальника. От его обычного добродушия и медлительности не осталось и следа. Слегка расставив ноги, он стоял перед врагами, рябой, большеголовый, весь собранный, держа револьвер в согнутой руке, и, казалось, видел всех сразу.

В тот момент, когда чернобородый вышел в сени, один из заговорщиков (это был длинный землистосмуглый детина с закрученными усами)

схватил бутылку с самогоном и взмахнул ею, намереваясь, по-видимому, разбить лампу. Не изменив позы, даже не повернув головы, Величко выстрелил, и детина упал лицом на стол. Потом сполз на пол. Стоявшие рядом посторонились.

Загремели разбиваемые ставни, брызнули стекла, в окна просунулись винтовочные стволы.

— Больше нет желающих? — чуть побелевшими губами спросил Величко. — Тогда быстро! — И, мельком взглянув на Крамова, добавил: — Михалев, обыщи сарай. В сене пошарь, авось найдешь чего...

КРАМОВ И КРУЧЕНЫЙ

Соловых, которому устроили очную ставку с арестованными, не признал среди них Крученого. Для Алексея это было лишним доказательством того, что Крученный и Марков — одно лицо. И Марков ушел!.. Возможно, он опоздал на явку, возможно, Крамов успел переправить его к «своим», как обещал. Как бы то ни было, хитрое шпионское счастье на этот раз улыбнулось Маркову. Он скрылся, а Алексей потерял покой.

Алексей пришел в революцию зеленым юнцом. Не было в его душе ни большой ненависти, ни большой любви, только слепая мальчишеская вера в правоту отцовского дела. Потребовались время и гибель товарищей, пропахшие потом военные дороги, разговоры с однополчанами у походных костров и долгие раздумья наедине с самим собой, чтобы отцовское дело стало своим, кровным, единственным делом. И Алексей научился ненавидеть все, что стояло на пути, что цеплялось за ноги людей, деливших с ним тяготы гражданской войны.

Но Марков навсегда остался для него живым воплощением того мрачного мира, который открылся ему однажды апрельской ночью восемнадцатого года. В Алексее всегда жила уверенность, что он обязательно найдет Маркова и заставит его ответить за все!

Надо же было случиться, что он действительно нашел его, держал в руках и сам же отпустил...

При обыске у бывшего начальника артиллерии нашли пачку документов, зашитых в нижнем белье. По документам он был Стецевским Станиславом Владимировичем, штаб-ротмистром гвардии его императорского величества. Но лучше всего о нем рассказал небольшой треугольник, вырезанный из визитной карточки. Для председателя Херсонской ЧК этот кусочек плотной бумаги, на котором стояли только две буквы «О» и «К», действительно был визитной карточкой пойманного шпиона.

В тысяча девятьсот восемнадцатом году в Ярославле вспыхнул антисоветский мятеж. Возглавили его эсеры под руководством полковника Перхаурова — ставленника отъявленного врага Советской власти, террориста и резидента иностранной разведки Бориса Савинкова. Брокман, который в то время работал в ВЧК, принимал участие в подавлении этого мятежа — одного из самых кровавых белогвардейских выступлений. Он хорошо знал, что означает скромный бумажный треугольник, помеченный литерами «О» и «К». Это был пароль для связи, выдававшийся только самым доверенным лицам савинковского подполья.

Когда Крамов-Стецевский понял, что беспо-

лезно отпираться и выдавать вчерашнее сборище за дружескую пьянку, он рассказал, как ему удалось попасть в Красную Армию.

После разгрома ярославского мятежа он с группой уцелевших офицеров пытался пробраться к Деникину. В пути они попали в облаву, и, спасаясь от нее, Стецевский растерял всех своих попутчиков. С большим трудом он добрался до Харькова. Здесь ему удалось пристроиться в эшелон беженцев, двигавшихся на юг. В Каменец-Подольске в вагон сел пожилой военный, показавшийся ему знакомым. Разговорились. Выяснилось, что им не раз приходилось встречаться в Москве еще до войны, в доме некой госпожи Крамовой, которая оказалась родной сестрой нового попутчика. В долгие часы дорожного безделья Крамов рассказал Стецевскому о себе. По образованию он был инженер-строитель и всю жизнь придерживался либеральных взглядов. В четырнадцатом году его призвали в армию, и в чине артиллерийского поручика он провоевал с немцами до самой революции. На фронте он пересмотрел свои убеждения. По мнению Стецевского, он преступно и непоправимо «качнулся влево». Крамов был из тех российских интеллигентов, которые без особых колебаний приняли революцию. И вот сейчас он ехал в армию Антонова-Овсеенко, направленный туда в качестве военного специалиста.

Эта встреча изменила планы Стецевского.

Эшелон часто останавливался. Ночью в степи Стецевский вышел из теплушки вместе с Крамовым. В придорожных кустах он оглушил своего попутчика и добил рукояткой револьвера.

В вагоне никто не удивился исчезновению пассажира. В дороге отставали многие. А на следую-

щее утро, при проверке документов на каком-то полустанке, Стецевский предъявил бумаги убитого.

Так он стал Крамовым. Новые документы открыли ему дорогу к командным постам у красных.

Сложными путями, кочуя из армии в армию, Крамов-Стецевский попал в Николаев. О переходе к белым он теперь и не помышлял: для него нашлось достаточно дела и по эту сторону фронта.

В Николаеве Крамов-Стецевский неожиданно встретил своего старого соратника по Ярославлю, который так же, как и он, работал у красных военспецом. Они быстро нашли общий язык...

Два месяца назад Крамова-Стецевского перевели в Херсон командовать артиллерией. Знакомый военспец дал ему явку: Маркасовский, 5. Хозяйка этого дома, вдова деникинца — женщина красивая, покладистая и без предрассудков — оказалась весьма полезным человеком.

В Херсоне новый начальник артиллерии близко сошелся с Филипповым. Это было не трудно: они делали «общее дело» — один командовал артиллерией, другой осуществлял ее разведку. Однако о том, чтобы «совратить» летчика, нечего было и думать. Крамов скоро понял, что Филиппов из «твердокаменных», и даже не делал попыток договориться с ним. Но у «твердокаменного» летчика нашлась червоточина: он был честолюбив, любвеобилен и не дурак выпить. Крамов свел его с Дунаевой. Сделать это удалось так ловко, что Филиппов даже не заподозрил, кому он обязан своим знакомством с этой женщиной.

Крамов рассчитывал убить сразу двух зайцев: во-первых, связь Дунаевой с летчиком, по его мнению, ставила ее дом вне подозрений, а во-вторых, это давало возможность воздействовать на

летчика исподволь, незаметно, как и было в случае с подложным приказом.

Чтобы по возможности укрепить свою базу и не вызвать у Филиппова подозрений, Крамов ни разу не приходил к Дунаевой вместе с ним и вообще не показывался у нее днем. Но по ночам в дунаевском сарае он встречался и с Крученым...

Крученый (Крамов не интересовался его подлинной фамилией) прекрасно знал город и был связан с большим количеством людей, из которых они впоследствии создали ядро подпольной организации. Крученый был смелым человеком. Его иступленная ненависть к красным иной раз вызывала изумление даже у такого матерого волка, каким был сам Крамов, тем более, что по возрасту Крученый годился ему в сыновья. Без него начальнику артиллерии пришлось бы туго. Крученый делал всю «черную» работу. Неизвестно, где он спал и у кого скрывался днем, где находил одежду для переодевания, но всегда точно в условленное время он являлся на свидание с Крамовым, одетый то в крестьянский армяк, то в красноармейскую шинель, то в лохмотья портового босяка, и неизменно докладывал, что все порученные ему задания выполнены.

Важнейшей обязанностью Крученого была связь с левым берегом, и до поимки телеграфиста Крамову ни разу не приходилось беспокоиться на этот счет. У него еще никогда не было помощника надежней Крученого. И он не мог скрыть своего удовлетворения от того, что Крученому удалось выскользнуть из рук ЧК...

Брокман, тем не менее, был доволен результатами облавы. У Дунаевой захватили почти всех главарей крамовской организации. Крамов собирался приурочить выступление своей группы к

тому моменту, когда красные начнут форсировать Днепр. У него был дерзкий план: в разгар военных действий неожиданно разгромить штаб и оставить красные войска без руководства. В дунаевском сарае чекисты нашли несколько ящиков с винтовками и бутылочными гранатами, а у одного из арестованных отобрали список членов организации.

Начались аресты.

Революционный трибунал заседал почти непрерывно.

В эти дни нельзя было узнать коменданта ЧК Сергея Никишина. В наглухо застегнутой косоворотке, в надвинутой на уши бархатной кепке, он показывался редко, вздрагивал, когда к нему обращались, отвечал невпопад, смотрел невидящими глазами.

За ним тенью ходил Федя Фомин, специально приставленный Брокманом. Встретившись в коридоре с Алексеем, Федя шепотом сообщил:

— Запить может человек! Психологическое расстройство у него... — И вздохнул как-то по-девичьи, жалостливо. — Конечно, нелегко...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ДИАНА ИЗ АЛЕШЕК

ПО СЛЕДУ

В ночь на седьмое августа заговорили пушки, а с рассветом к левому днепровскому берегу ринулась флотилия баркасов, шаланд и черных искалеченных пароходиков, до отказа набитых войсками. Над Днпром скрестились невидимые снарядные трассы, распушилась шрапнель, и ветер понес к берегам пороховую гарь. Правобережная группа Красной Армии форсировала Днепр.

К вечеру белых вышибли из Алешек и, разви-

вая успех, двинулись на Большие Копани, громя левый фланг врангелевского генерала Драценко. В движение пришел весь каховский плацдарм. Херсон, отделенный Днепром от основного театра военных действий, оказался в тылу, но зато неизмеримо возросло значение Алешек, через которые шел поток войск и военных грузов.

Кроме всяких прочих дел, чекистам теперь приходилось в помощь Особому отделу работать с пленными, которых нагнали из-за Днепра великое множество. Надо было отобрать тех, кто попал к белым по недомыслию, кого мобилизовали насильно, угрозами или обманом. Затем с ними работали агитаторы.

За два дня до начала наступления Алексей с конным отрядом ЧОНа выехал в сельские районы. У Крамова в близлежащих селах была большая агентура. На ее ликвидацию ЧК послала два отряда. Со вторым отправился Воронько.

Отрядом, в который попал Алексей, командовал Филимонов, донской казак, кряжистый и весь точно наспех вырубленный из мореного дуба. Он был предприимчив и неутомим, как машина.

Больше месяца отряд мотался по селам и хуторам. Кое-кто из крамовцев был уже предупрежден и успел скрыться. Захватить удалось девятнадцать человек.

Каждого арестованного Алексей выспрашивал о Маркове. Да, говорили они, наезжал, привозил распоряжения от Крамова, долго не задерживался. Внешность описывали точно. Знали его как Крученого. И только один богатенький дьячок из Снегиревки сказал:

— Фамилие у них другое было. Я ихнего папашу знавал — сурьезный человек купеческого звания, Михаил Степанович Марков. Говорят,

в Чека шлепнули. Сын в него пошел. Он вам папашу не простит, я думаю. Закваска у него лютая, купеческая.

— А где он сейчас?

— Э-э, кто ж знает! Он всю округу насквозь изучил, что здесь, что за Днепром, каждую тропку, ровно волк какой. Бродит где-нибудь. А может, с Врангелем ушел. Только не думаю...

— Почему?

Дьячок хитро поморгал глазами:

— Зверь от берлого далеко не бежит. У нас разные власти бывали: и Деникин, и Григорьев-атаман, и ваши приходили, и чужеземцы хозяйничали, а он все тут, при любых властях. То на свет, то в тень, а уходить не уходил ни разу. У него много уголков вокруг.

— Что за уголки?

— Вот того не знаю. Все слухами пользуюсь.

— А какие слухи?

— Болтают люди... Так ведь слух — что? Воздушная ткань. Пролетел — и нет его.

— Что же про него сейчас говорят?

— Разное... Все разве упомнишь! Память уже не та...

Дьячок начал путать. Больше от него ничего нельзя было добиться.

Несколько позже задержали мельника, который когда-то имел дела с Марковым-старшим. От него узнали, что, по некоторым сведениям, Марков-сын скрывается в Алешках или поблизости от них.

После всех этих допросов в представлении Алексея Марков начал вырастать в еще более значительную фигуру, чем ему казалось раньше. Было очевидно, что два года и для него не прошли даром. Он заматерел, превратился в опыт-

ного, испытанного врага, избравшего совершенно определенную область деятельности: подполье, шпионаж. При Крамове Марков проделывал самую трудную работу, связанную с постоянной опасностью, а сам все время оставался в тени. И Алексей не был склонен объяснять это простой осторожностью, вернее, не только ею. «Скромность» Маркова была для него свидетельством того, что Марков — враг по вдохновению, упорный и последовательный, не выбирающий средств и на все готовый...

Отряд Филимонова вернулся в Херсон в сентябре. На трех телегах везли арестованных, на четвертой — раненых бойцов. Филимонов тоже был ранен, но сесть на телегу не пожелал. В Херсоне его сняли с седла и на руках отнесли в госпиталь.

Алексей так устал, что по приезде лишь с большим трудом смог отчитаться перед Величко. Домой он не пошел, а лег в дежурке на лавке и как убитый проспал до следующего утра. Проснувшись, сходил в столовую и затем поднялся к себе.

Воронько еще не приезжал. В их комнате расположился Федя Фомин. Он допрашивал пленных. Кубанка его была надвинута на брови, что должно было придать суровое выражение его румяному лицу. На столе в боевой готовности лежал револьвер.

Трое пленных переминались с ноги на ногу возле двери, ожидая своей очереди, и с почтительным испугом разглядывали грозного чекиста; четвертый топтался перед столом. Это был не-

взрачный мужичонка в английской шинели, висевшей на нем, как на палке.

Увидев Алексея, Федя обеспокоился.

— Эге, приехал! — как-то уж слишком радостно закричал он. — Выполнил сложное боевое задание? Подавил местную контрреволюцию?

Пленные вытаращились на Алексея, решив, что перед ними очень важная шишка красного ЧК.

Не давая удивленному таким приемом Алексею ответить, Федя объяснил:

— Пришлось занять твой кабинет: у меня в комнате сейчас нельзя, там очень секретное одно дело... — И, повернувшись к пленным боком, усиленно заморгал ему левым глазом: помалкивай, мол.

Никакой комнаты, даже постоянного места у Феде не было, и он боялся, как бы Алексей нескромным замечанием не уронил его авторитета. Алексей это понял и промолчал.

Федя, надо заметить, высоко ценил его сдержанность, особенно после поимки сигнальщика: Алексей никому не сказал, что в ту ночь Федя упустил Крученого. А так как один шпион был все-таки пойман, то и честь этой операции делилась ими поровну.

Видя, что со стороны Алексея его авторитету не грозит никакой опасности, Федя уверенно продолжал допрос:

— Из каких будешь, Петр Киселев?

— По крестьянству мы, — гундосо отвечал пленный.

— Ты в нас стрелял?

Пленный потупился.

— Говори, как на духу! Не бойся.

— Стрелял.

— Зачем стрелял?

— Приказали.

— Кто приказал?

— Взводный, кто...

Пронзительно глядя на него, Федя повысил голос:

— А ты знал, что стреляешь в Советскую власть, в твою же родную крестьянскую власть?

— Знал.

— Так зачем стрелял?

— Да приказали же!

— А ты понимаешь,— врасстяжку спросил Федя,— что тебе за это следует?

Пленный посмотрел на носки ботинок, помялся и неуверенно проговорил:

— Расстрелять меня, потому, правда, не знал...

— А! — удовлетворенно усмехнулся Федя.— Понимаешь, что расстрелять за это мало! Ну так ступай. В другой раз разбирайся! Иди по коридору налево, последняя дверь, к товарищу Павликовичу. Он тебя определит куда надо...

Допросив подобным образом остальных пленных, Федя отпустил их и, сразу утратив солидность, бросился к Алексею:

— Здорово, Лешка! Приехал... Целый? — говорил он, ощупывая Алексея, точно не веря, что это на самом деле он, из плоти и крови.

— Ты что здесь наделал, ч а к и с т? — сказал Алексей, указывая на вороньковские книги, с которых была снята дерюжка.

— А что! Я только посмотрел.

— погоди, придет Воронько, он тебе пропишет ижицу!

Федя пренебрежительно свистнул:

— Сегодня не придет, а завтра я — фьють, и ищи-свищи!

— Что такое?

— Уезжаю на ответственное задание! — торжественно объявил Федя.

— Куда?

— В Алешки. Целую группу посылают и меня тоже.

— Зачем?

— В Алешках контра расходилась. наших из-за угла бьют. Одним словом, надо все разоблачить. Самых боевых ребят отобрали. Я, между прочим, не напрашивался, меня Величко назначил.

— Правда?

— Ну вот, стану я врать!

Алексей побежал к Величко.

— Верно, что в Алешки едет группа?

— Едет.

— Отпустите меня с ними, товарищ Величко!

— Там людей достаточно.

— Товарищ Величко, арестованный Серденко, мельник, показывает, что Крученый сейчас в Алешках. Прошу разрешить мне продолжить это дело.

Величко смял пальцами нижнюю губу, подумал.

— Пошли к Брокману, — сказал он.

Председатель ЧК встретил Алексея приветливо:

— А, путешественник! Зачем пожаловал?

— Просит послать его с группой Илларионова, — сказал Величко. — Узнал, что Крученый в Алешках.

Алексей доложил о показаниях мельника.

— Слухи не проверенные, — сказал он, — но все-таки... Я ведь один знаю его в лицо, товарищ Брокман.

— Мгм... Как ты думаешь?— спросил Брокман у Величко.

— Я так считаю: с Илларионовым мы его не пошлем. Подожди, подожди,— остановил он Алексея,— поедешь отдельно. Ты в Чека новый человек, еще не примелькался, это надо использовать. Сведем тебя с Королевой...

— С какой Королевой?

— Есть одна в Алешках. Жила там при белых, надежный человек. Будет связывать тебя с Илларионовым. Сам держись особняком: Алешки — маленький городок, в момент все будет известно. Илларионова я предупрежу. Теперь насчет обстановки. Крученого, конечно, поймать надо, но, смотри, не увлекайся, дело не только в нем. В Алешках штаб группы войск. Через город идут войска. Сейчас там самое место для шпионов. За последнее время они убили трех командиров и шесть красноармейцев. Скорее всего там шайка, и твой Крученый, если он в Алешках, не последняя, должно быть, спица в ихнем колесе. Я думаю, вот как надо действовать...

Величко изложил свой план. Брокман этот план одобрил.

— Перед отъездом зайди, напишу записку к начальнику штаба Саковину, я его хорошо знаю, — сказал он. — Величко, подготовь ему документы по всей форме...— И улыбнувшись: — Фамилию изобрази самую красивую.

— Пусть едет под своей,—возразил Величко.— Он ведь здешний. Встретит знакомого — и все, провал.

— Тоже верно, — согласился Брокман. — Подумайте как следует над мелочами и не тяните. Завтра же отправь его...

МАРУСЯ КОРОЛЕВА

Группа, возглавляемая Илларионовым, отбыла на рассвете. Алексей выехал днем. В кармане у него лежали назначение в армию на должность штабного писаря и бумага из херсонского госпиталя, где он якобы «проходил лечение по поводу возвратного тифа».

Старый, сочащийся паром и дымом пассажирский пароход «Петр», совершавший регулярные рейсы между Херсоном и Алешками, отходил в три часа пополудни. На двух его палубах в страшной тесноте сидели беженцы с мешками и корзинами. Мужчин было немного. Больше — женщины, измученные и озлобленные. Молчаливые дети равнодушно смотрели на проплывающие берега.

«Петр» шлепал колесами мимо высохших за лето плавней, мимо ивовых зарослей и буйно разросшихся камышей. Белые цапли степенно перелетали через пароход, опускались возле берега и, поджимая одну ногу, неподвижно застывали на обводях.

Через час в излучине днепровского рукава — он назывался рекой Конкой — показались красные пристанские крыши, дебаркадер и рядом с ним песчаный спуск к воде. Алешки.

Занимая всю реку, «Петр» неуклюже развернулся и подвалил к дебаркадеру. Началась высадка. Минуя проверявших билеты матросов, Алексей спрыгнул на бревенчатый пирс и вместе с толпой вышел в город.

В детстве он часто бывал здесь у тетки, умершей в начале революции. Городок напоминал большое село: белые, крытые соломой мазанки, баштаны, сады, огороды, сбегавшие к реке, тихие

травянистые улицы, где свободно паслась скотина. Сейчас и в помине не было той безмятежной тишины, которой когда-то славилась Алешки. На улицах обозы, тачанки, коновязи. Не выветриваясь, стоит смешанный запах навоза, дегтя и пекущегося в домах хлеба для армии. Всюду красноармейцы, матросы; то и дело, улюлюкая, проносятся верховые — ординарцы.

Алексей явился в штаб.

Оформление на должность писаря отняло немало времени. Полный, насмешливый начальник штаба Саковнин, прочитав записку Брокмана, сказал:

— Сегодня приходил один из ваших, Илларионов, предупредил, что приедете. Ну что ж, писарь из вас, как я понимаю, неважный. Будете состоять при мне. Можете отлучаться не докладывая. Понадобится что — обращайтесь...

Алексей откозырял и пошел искать Королеву.

Королева жила в похилившейся хатенке на самой окраине городка, вблизи песчаных дюн (за Алешками начиналась обширная степь, сухая и безводная, как пустыня). При доме был небольшой садик с огородом, засаженным главным образом картошкой. У калитки — собачья будка. Лохматый черномордый кобель бросился под ноги Алексею.

Алексей остановился, ожидая, что на собачий лай кто-нибудь покажется.

Через минуту вышла девушка в косынке, желтом сарафане и белой рубаше с засученными рукавами, сердито крикнула:

— Зачем собаку дразнишь! Кого надо?

— Королева здесь живет?

— Фомка, на место! — Девушка загнала пса в будку и ногой загородила вход, не давая ему выскочить.

— Иди в избу, — сказала она Алексею, глядя на него строгими светлыми глазами.

Наклонившись в дверях, Алексей вошел в тесную хату с большой русской печью и до блеска промытыми оконцами. Здесь было очень чисто, пахло сушеными травами. Возле окна сидела пожилая женщина в серой кофте, с темным лицом, покрытым мелким кружевом добродушных морщин. Она что-то растирала в глиняной миске.

— Здравствуйте, — сказал Алексей.

— Садись, садись, — закивала женщина, — ничего...

— Она глухая, — сказала девушка, входя в комнату, — ты с нею погромче.

— Кто здесь Королева?

— Обе мы Королевы, а что надо?

Стараясь скрыть удивление (не таким рисовался ему подпольный работник ЧК!), Алексей сказал:

— Величко тебе привет передает.

— Ты Михалев?

— Я.

— Мне Илларионов говорил.

«Уже успела повидать!» — все больше удивляясь, подумал Алексей.

— Документ у тебя есть?

— Вот он...

Она прочитала его госпитальную бумагу, придирчиво всматриваясь в подписи врачей, хотя — Алексей знал — все они были сделаны рукой Величко. Вернув бумагу, девушка улыбнулась, и ему сразу стало понятно, что ее строгость, и резкие интонации в голосе, и независимая манера

держаться — все это напускное, что ей свойственно улыбаться, быстро и много говорить, бурно выражать радость и неудовольствие. На вид ей можно было дать лет восемнадцать, а то и меньше. У нее была крепкая фигурка, миловидное лицо с ямочкой на правой щеке, рот маленький — верхняя губа тоненькая, нижняя пухлая. А глаза уже не казались строгими и удивляли своей величиной — они были почти круглыми.

— Здравствуй, — сказала она и протянула руку, — Маруся. Вспомнили-таки обо мне! А то ведь с тех пор как белых прогнали, сижу здесь, будто никому не нужна. Я и в райком комсомола писала, и Величко, и Адамчуку, а они отвечают: сиди и все!.. Ты надолго? По какому делу?

Алексей оглянулся на женщину, которая, не обращая на них внимания, продолжала тереть деревянным пестом в глиняной миске.

— Она не слышит, — отмахнулась Маруся. — Это моя тетя, папина сестра. Она лекарка, травами лечит. У нее голова... При ней все можно говорить.

Алексей рассказал, зачем приехал. У Маруси разгорелись щеки. Она всплеснула руками:

— Ой, верно! Здесь нечисто, в Алешках. После белых столько дряни пооставалось — беда! Офицерики разные, кулачье. Их можно хоть сейчас взять. Хочешь, проведу? — она вскочила и, готовая к немедленным действиям, стала опрашивать косынку на голове.

— Подожди, Маруся, — остановил ее Алексей. — Тебе Илларионов говорил, что положено делать?

— Поймешь этого Илларионова! Не то тебе помогать, не то ему...

— По указанию Величко, будешь при мне для связи. Сразу договоримся: приказы выполнять точно и без споров, обстановка сложная!

На миг в ее глазах сверкнули строптивные огоньки, но сразу погасли.

— Ладно,— сказала она,— со мной хлопот не будет!

— Кто-нибудь знает в городе, что ты была в подполье?

— Никто!

— Ты ведь и при белых тут жила?

— Да.

— А что делала?

— Разве Величко тебе не говорил?

— Нет.

— Совсем-таки ничего?

— Совсем.

Ему показалось, что Марусю это огорчило.

— Хватало дела, можешь быть спокоен! — сказала она и сдвинула тоненькие брови.— Мы с Аней Гольдман всю разведку вели...

Алексей посмотрел на нее с недоверием. Он и раньше знал, что из занятых белыми Алешек все время поступают сведения о врангелевских войсках, но он никогда не мог бы предположить, что исходят они от такой хрупкой на вид девушки, почти ребенка.

— У нас связным был дядя Фрол Селемчук, он рыбачит на Конке,— рассказывала Маруся.— Чуть не через ночь ездил в Херсон, а он старик, шестьдесят три ему... Мы здесь такое затевали!.. Я ходила к ним в штаб на работу наниматься, только не получилось. Один офицеришка — мокрогубый такой, зубы гнилые — сильно приставал. Думала, живая не уйду.

Алексей открывал в девушке все новые и но-

вые черты. Он заметил две, точно бритвой проведенные, морщинки на стыке бровей,— когда Маруся хмурилась, они придавали упрямое, недоброе выражение ее лицу. Иногда она большим пальцем заправляла под косынку выбивавшуюся возле уха русую кудряшку, это было нервное движение, в котором угадывалась привычка постоянно быть настороже.

— А где сейчас... Аня? — спросил Алексей.

— Аню поймали,— потемнев глазами, ответила Маруся.— Тот гнилозубый,— Кароев его фамилия,— солдатам ее отдал на потеху, а после ее повесили за косу. Она одна про меня знала и не выдала. Нас с нею вместе в Чека направил горком комсомола.

— Кароев? — переспросил Алексей. Это был контрразведчик, который завербовал Соловых...

— Замучили Аню...— Маруся собрала складки на носу, дернула подбородком.— Сама виновата! Со мной, небось, они такого не сделали бы!

— А чем ты лучше?

— Не лучше.— Девушка пошарила пальцами по сарафанной лямке и из вшитого в нее карманчика выдавила серебряный комок, сделанный из фольги.

— Вот,— сказала она,— знаешь, что это такое? Самый сильный на свете яд, мне один врач объяснил. Называется ци-ян. Верно, китайский: в тринадцатой армии были ребята из китайцев, так у них имена похожие. Сунешь такую штуку в рот, зубами — р-раз, и сразу смерть. В момент убивает! В Херсоне добыла, когда аптеку конфисковали. Я Аньке говорила: возьми, пригодится, у меня еще есть. А она говорит: не надо, все равно не решусь. Муку принять решила, а ци-ян нет...

— Слушай, Маруся,— сказал Алексей,— здесь был раньше телеграфист Соловых.

— Был такой,— подтвердила Маруся, засовывая пакетик на прежнее место,— он при белых пропал.

— Ты знаешь, где он жил?

— Нет.

— Дам тебе адрес. У него должны быть родственники. Постарайся узнать, что им известно о нем, как их имена и вообще обо всем семействе. С соседями поговори. Только осторожно, чтобы потом не болтали: вот, мол, являлись, выспрашивали.

— Понятно.

— Завтра утром найди меня в штабе. Если будут приставать, кто да зачем, ну, скажи, что знакомая... или там невеста, неважно.

— Ладно.— Маруся поправила кудряшку возле уха.— Сделаю.

РОДСТВЕННИКИ СОЛОВЫХ

Побывать у родственников Соловых Алексею посоветовал Величко.

Злополучный телеграфист, несмотря на трусость, отказался назвать даму сердца. Когда его расспрашивали о ней, он точно преобразился.

— Нет, нет! — говорил он, прижимая руки к груди и лихорадочно блестя глазами.— Я жертва, и она жертва! Я готов все рассказать! Я их ненавижу, этих негодяев! Они обманули ее так же, как и меня. Она поэтическое создание... Она верила в меня... Умоляю вас: пусть я один пострадаю!..— Он тут же пугался своих слов и начинал клясться, что, поддавшись на уговоры

контрразведчиков, поступал необдуманно, не желая никому причинить вреда.

Его упорство вызывало у Алексея чувство, похожее на уважение: как-никак это было проявление характера!

Возможно, телеграфист говорил правду, и пленившая его «особа» действительно была игрушкой в руках контрразведчиков. Но Алексей и, тем более, Величко знали, что связи с контрразведкой легко не порываются. Даже заблуждаясь и не отдавая себе отчета в том, как используют ее врангелевцы, «особа» могла знать, кого, уходя, оставили они в Алешках:

Да и вообще, надо же было с чего-нибудь начинать!

План у Алексея был такой: прийти к родственникам Соловых, выдать себя за человека, сидевшего в ЧК вместе с телеграфистом и постараться выведать, кто она, эта «особа». Надо сказать, что в ЧК попал случайно. Нет, он не контра в том смысле, какой они придают этому понятию. Но он и не красный. Он — колеблющийся. Плывет себе по течению, куда вынесет. Вынесло к красным — работает на них. Попал бы к белым — еще лучше... Но вот не попал. Ну что ж, подождем, посмотрим, как пойдет дальше. Война еще не завтра кончается, всякое может быть...

Если спросят, за что взяли в ЧК и почему после этого красные все-таки оставили его у себя на работе, можно наболтать про госпитальную бузу с уварившимся мясом, которую расхлебал Воронько. Сказать, что, не подумавши, выступил на митинге, требовал самосуда над врачами. Чекисты забрали его и еще несколько человек, поддержали, попугали и выпустили. И вот там-то встретил Соловых, сидел с ним три дня в камере.

Делились последним. А когда Алексея освобождали, Соловых попросил зайти к родным, если случится попасть в Алешки.

Все, кажется, выглядело правдоподобно...

Утром прибежала Маруся. По соседству с Соловых жила старушка, ходившая к ее тетке за травами. Маруся узнала от нее, что сестру телеграфиста зовут Вандой. Ее муж — Владимир Апполинарьевич — когда-то служил в Аскании Нове — имении известного в округе помещика Фальцфейна. Отец Соловых, акцизный чиновник, умер давно, а мать всего год назад отравилась грибами и тоже померла. Ванда и ее муж ничего не делают, приторговывают чем-то на базаре.

О телеграфисте ничего не известно. Сестра, возможно, знает, но молчит, с соседями не делится.

Алексей велел Марусе ждать его вечером и пошел к родственникам телеграфиста.

Дом у них был одноэтажный, с гранитным цоколем и крытым крыльцом. Позади — яблоневый сад. В саду Алексей увидел тучного мужчину в ночной рубахе, выпущенной поверх брюк, и в стоптанных шлепанцах на босу ногу. Он обрезал садовыми ножницами сухие ветки на обмозанных известкой яблонях. Большую часть головы этого человека занимала лысина. Там, где не было лысины, росли длинные редкие волосы. Под рубахой колыхался живот. По всей вероятности, это был шурин телеграфиста.

Алексей несколько раз прошелся взад-вперед перед домом, пока не заметил, что толстяк начал с беспокойством коситься на него. Тогда, враз-

валку подойдя к забору, он достал кисет и принялся скручивать козыю ножку.

Шурин Соловых понял его маневры. От дерева к дереву он тоже приблизился к забору и остановился шагах в трех от Алексея, у крайней яблони.

С минуту оба молчали.

Первым заговорил толстяк:

— Вам кого?

Алексей осторожно повернул голову и осмотрел улицу.

— Соловых, Владислав, здесь жил? — спросил он.

— Ну здесь, — сказал толстяк помедлив. — А вам на что?

— Вы, случаем, не шурином ему приходитесь, Владимир... запаматовал отчество?

— Апполинарьевич.

— Значит, вы? — Алексей заговорил приглушенной скороговоркой: — Поклон велено передать вам и сестре Ванде. Сказать, чтоб не убивались, что живой... Надежду имеет повидать лично...

— Ага...

— Пусть, говорит, не беспокоятся, вскорости, мол, еще дам весточку.

— Та-ак...

— Вот.

— Поня-тно...

Алексей ожидал расспросов. Их не было.

Толстяк молчал и смотрел на Алексея в упор, впустую щелкая ножницами по ветке.

— Если чего надо, я в штабе работаю... писарем, — сказал Алексей. — Спросить Михалева.

Он оторвался от забора и пошел, не оглядываясь, но чувствуя, что тот смотрит ему вслед...

Алексей вернулся в штаб мрачный и сел переписывать какие-то приказы. Приходилось все передумывать заново. Неудача сломала такой простой и ясный план. Почему? В разговоре с толстяком он вел себя правильно и ушел тоже вовремя: назойливость сразу выдала бы его. Может, шурик просто испугался, а после одумается и все-таки придет узнать о судьбе своего незадачливого родственника? Навряд ли. Видно, стреляный воробей, почуял неладное. Эх, надо было не с ним разговаривать, а подкараулить Ванду, сестрицу: с женщинами все-таки легче... Конечно, дурная башка задним умом только и сильна!

Так Алексей казнил себя до тех пор, пока от этого бесплодного занятия его не оторвал голос дежурного по штабу:

— Михалев, к выходу! Принимай гостей: дамочка до тебя пришла!

Писаря, радуясь случаю оторваться от работы и позубоскалить, загалдели:

— Силен парень! Не успел приехать, а уже и дамочку завел!

— Чего не завести! Уходит, когда хочет. За какие заслуги?

«Ну, погоди же! — думал Алексей, идя к выходу.— Сказано, дома ждать, лишний раз глаза людям не мозолить». — Он решил, что пришла Маруся.

Но у входа вместо Маруси стояла высокая худая женщина с припухшим, точно от недавних слез, лицом. Едва увидев ее выпуклые водянистые глаза и белые, будто кислотой травленные,

волосы, Алексей догадался, что это — Ванда Соловых! У него радостно забилось сердце...

Теребя бахрому платка, женщина с испугом смотрела на вооруженных людей, сновавших возле штаба.

Алексей прошел мимо нее, слегка задев локтем, негромко бросил:

— Пойдемте...

Женщина вздрогнула, сжала бахрому в кулаке и двинулась за ним.

Алексей свернул в один переулочек, в другой, отыскивая место поукромней. Найдя пустынный тупичок, он остановился и подождал женщину. Она подошла, глядя на него со страхом, недоверием и надеждой.

Алексей вдруг почувствовал всю сложность своей задачи.

Соловых был врангелевским шпионом и справедливо должен был понести наказание. Такова логика великой борьбы, которую они вели, и даже тень жалости к нему не тревожила Алексея. Но сейчас перед Алексеем стояла женщина, для которой плюгавый алешкинский телеграфист был родным человеком — братом. Страх за его судьбу пригнал ее сюда, несмотря на опасность. Муж, должно быть, не пускал... Плакала: вон как опухло лицо. И все-таки пришла... Алексей вспомнил свою Екатерину. Та, наверно, тоже прибежала бы, забыв все на свете, чтобы получить о нем весточку. И Глущенко не смог бы помешать... Где она теперь?..

— Вы сестра Владислава? — спросил он.

Она молча кивнула.

— Я с ним сидел в Чека три дня...

— Он жив?

— Живой... Велел кланяться. Говорил, чтобы не убивались о нем.

Эти слова произвели как раз обратное действие. Женщина начала глубоко дышать, веки ее покраснели.

— Вы не плачьте,— вполголоса сказал Алексей,— может, еще обойдется.

— За что... его... схватили?

— Точно не скажу. Там ведь не разговоришься. Только, кажется, влип ни за что ни про что. Владислав-то не унывает. Имеет надежду вылезти и вам велел передать. И еще говорил, что какой-то человек должен вам сообщить о чем...

Это был пробный ход, но женщина поддалась на него.

— Да, да, — сказала она, — действительно, заходил какой-то мужчина. Только мы не знали, верить ему или нет. Муж у меня такой подозрительный... Он и про вас плохо подумал, вы уж извините, такое время...

Алексей великодушно махнул рукой:

— Пустяк. Нынче к каждому нужно с проверкой... А когда он заходил, при белых?

— Нет, позже.

«Крученный,— подумал Алексей.— Кому же еще».

— А вы, простите, как туда попали? — робко спросила женщина.

Алексей в нескольких словах поведал ей про «мясной бунт» в госпитале и как его для устрашения взяли в ЧК, и как в камере подружился с Соловых... Он сказал, что кормят в ЧК вполне прилично и жить можно. Главное, вывернуться насчет обвинения. Там ведь тоже не звери, чего зря болтать, без толку не расстреливают...

— Когда меня отпускали, мне Владислав говорит: «Передай поклон Ванде — ведь вас Ван-

дой зовут? — и мужу ее Владимиру, и ей», — Алексей понизил голос.

— Кому «ей»? — живо спросила Ванда.

— Ну, ей... Сами, верно, знаете...

— Дине? — у нее моментально высохли глаза. — Федосовой? Этой змее?!

— Тихо! — напомнил Алексей.

Но женщина, забыв про осторожность, громко заговорила, что эта девица — несчастье их семьи, что она погубила Владислава, вскружив ему голову своими сумасшедшими фантазиями! Он был готов для нее на что угодно, а она, вертихвостка, даже ни разу не зашла с тех пор как он исчез.

— Тихо! — остановил ее Алексей. Теперь он знал все, что его интересовало. — Нельзя так... громко.

— Простите!.. Ужасные нервы!.. Столько переживаний!..

— Мне, пожалуй, нужно назад, — сказал Алексей, делая вид, что его испугала невыдержанность Ванды.

— Да, да... Спасибо вам. Простите...

— Ступайте вы раньше, — сказал Алексей, — я потом.

Она промакнула платком слезы, всхлипнула, кивнула на прощанье и вышла из тупичка.

Алексей, помешкав, бросился в противоположную сторону — к Марусе.

ДИАНА

— Динка Федосова? — удивилась Маруся. — Да ее в Алешках все знают!

— Кто это такая?

— Дочка здешнего почтмейстера.

— Что ты о ней можешь сказать?

— Ничего особенного. В гимназии училась, образованная...

— Какая из себя?

— Красивая...

— Это не примета, ты тоже красивая.

У Маруси неприступно поджались губы, а щеки все-таки покраснели от удовольствия.

— Сравнил гусыню с курицей,— сказала она сухо.— Динка в любительских спектаклях играла всяких дам да цариц. Погоди, увидишь ее...

— Где она живет?

— На Портовой, недалеко от пристани. А работает на почте. Недавно начала. Раньше-то дома сидела: ее папенька с маменькой за барыню держат.

— А при белых как себя вела?

— Увивались за ней, конечно, всякие офицеры.

— Ну вот, а говоришь «ничего особенного»!

— Да мало ли здесь таких, которым белые — свой брат! Ну и Динка...

— Где она живет, говоришь?

— На Портовой. Иди лучше завтра с утра на почту: она там...

Алексей увидел Федосову сразу, как только вошел в грязное, запущенное здание почтамта, где среди длинных столов валялись на полу окурки и бумажные обрывки, у входа стоял жестяной бак с питьевой водой и болтающейся на бечевке кружкой, а на стенах висели плакаты: «Добьем Врангеля!», «Белому барону — кол, а не корону!» У плакатов были ободраны уголки: на закрутки. Помещение перегораживала стойка, над

которой до самого потолка поднималась проволочная решетка с полукруглыми отверстиями — окошками.

За стойкой сидела Федосова.

Теперь Алексей понял, откуда бралось упорство у ее бывшего поклонника, когда он отказывался говорить о ней.

Федосова была красива. Более того: очень красива. Лицо у нее было смуглое, чуть удлиненное, очерченное тонко и нежно, а глаза синие, с влажным блеском в темных зрачках; ресницы, взлетая, касались длинных и словно надломленных посередине бровей. Волосы расчесаны на прямой пробор и заплетены в тугую косу, переброшенную через плечо на грудь, и только у висков оставлены пушистые каштановые завитки.

На нее, как на чудо, не мигая, уставился молоденький белобрысый красноармеец. Он, видно, только что привез и сдал почту, а теперь что-то без нужды уминал в глубоком холщовом мешке и смотрел на девушку заворожено, с изумлением, которого и не пытался скрыть.

Были здесь еще двое: чубатый конник, нахальный и веселый, в казачем чекмене и серых штатских штанах, к которым были пришиты алые шелковые ленты вместо лампасов, и его приятель, тоже кавалерист, огромный голенастый парень, туповатый и самодовольный, с красным бантом на портупее. Их кони стояли на улице у крыльца.

Чубатый похлопывал плетью по ножнам уланского палаша и что-то негромко говорил, наклоняясь к стойке: любезничал. Федосова слушала его снисходительно, с терпеливой скукой.

— Как мы есть разведчики, — говорил чубатый, — то, конечно, глаз у нас наметанный. Едем

мы мимо на боевых конях, я в окошко глянул и говорю напарнику: «Афоня, говорю, — это его такое имя — Афанасий, — сигай наземь, дело будет, поверь моему боевому опыту». Сказал я так, Афоня?

— Точно! — Афоня громогласно хохотнул и поправил бант на портупее.

— И еще говорю: кажись, боевой товарищ, наступает полное сопряжение судьбы для красной разведки и...

Он оборвал на полуслове и оглянулся, недовольный, что ему помешали.

Алексей шагнул к стойке и сказал первое, что пришло в голову:

— У вас не найдется листка бумаги, письмецо написать?

— Ах, вам листка бумаги! — вместо Федосовой отозвался чубатый и многозначительно подмигнул приятелю.

Нагловатые глазки его ощупывали Алексея. Он явно заподозрил, что этого высокого подтянутого парня привела сюда совсем не нужда в бумаге, а те же причины, что и его самого.

— Промежду прочим, тут не магазин, бумагой не торгуют. Ошиблись адресатом! — он шутковски выпятил челюсть.

Афоня радостно заржал и снова поправил свой шикарный бант.

— А тебе что? — Алексей, прищурясь, взглянул на него. — Больше других требуется?

— Не, я так, промежду прочим.

— Ах, «промежду прочим»! Ну и держи язык за зубами, не суй, куда не надо!

— Ого-го! — протянул конник, не рождавший, по-видимому, такого решительного отпора. — Ты, гляжу, смелый!

— А кого бояться, тебя, что ли?

— Может, и меня. Неровен час, мозоль от-
давлю.

— Оступишься.

— Не оступлюсь! — Чубатый начинал злиться. — Не таких давили!

Привалаясь спиной к стойке, он задрал на нее локти, загораживая окошко.

Стычка с ним на глазах у Федосовой была совсем некстати, но отступить было поздно. Девушка смотрела на них насмешливо и выжидательно.

— Ну-ка, пусти!

— А шо будет? — вкрадчиво спросил чубатый.

— Там увидишь.

— А может, мне смотреть неохота? Может, мне желательно, чтобы ты прыснул отседова и дверцу подпер, бо задувает?

— Еще раз говорю: посторонись!

— А то?

— А то пообдери с порток ленты и девкам отдам в косы заплетать...

Чубатый побагровел.

— Чего-о? — он спустил локти со стойки и зашевелил пальцами на черенке нагайки.

Слева на Алексея горой надвинулся Афоня. Положение становилось угрожающим.

— Перестаньте, пожалуйста! — За стойкой поднялась Федосова. — Если вам надо, идите на улицу, здесь не место...

— Что привязались к человеку? — К Алексею подошел и стал рядом белобрысый красноармеец. — Какого рожна задираете? Пришел человек мирно, письмо написать...

— О, еще один! — удивленно проговорил чу-

батый.— А ты откуда взялся? Тебе кто между перепыхал?

— Ты, паря, не приставай, — сказал красноармеец.— Не то, смотри, худо выйдет!

— Ого-го!

— Будет тебе и «ого-го».

— Перестаньте же! Вот вам бумага! — Федосова через плечо кавалериста протянула Алексею белый листок бумаги. — Перестаньте...

Алексей взял бумагу и тронул красноармейца за рукав:

— Брось связываться, ну их!

— Идите, идите! — посоветовал чубатый.— А то повыдергаем ходилки, ползти придется! — Он повернулся к Федосовой: — Извиняемся за беспокойство. Неохота вашу самочувствию портить, а то бы мы ему язык-то поукоротили...

Он еще что-то такое говорил, желая покрепче задеть Алексея.

Афоня гудел ему в лад.

Но Алексей уже взял себя в руки, помалкивал.

— Ну, пока до свиданьица, — сказал наконец чубатый, — как-нибудь заедем еще.

— Заходите, заходите, — приветливо пригласила Федосова.

— Заедем! — пообещал чубатый.— Теперича нас не отвадишь. Разведчики — народ верный. Разрешите ручку пожать...

Они попрощались и пошли к выходу. Проходя мимо Алексея, Афоня задел стол, за которым сидел Алексей, а чубатый просипел себе под нос:

— Я тя що встречу, языкатого!

— Давай, давай, разведчик...

Когда за ними захлопнулась дверь, Федосова звонко засмеялась:

— Как вы его поддели лампасами! Убийственно!

Алексей усмехнулся и махнул рукой.

— Пустобрех! — оживленно заметил красноармеец: — Обозники они. Фронтвые ребята так не выламываются.

— Но вы все-таки поступили опрометчиво! — сказала Федосова. — Они могли с вами расправиться, чтобы проявить лихость.

— В такие минуты не думаешь, — возразил Алексей. — Не всегда, знаете, можно сдержаться.

Он наклонился над бумагой, успев заметить, как внимательно посмотрела на него Федосова.

В это время из-за открытой двери в глубине помещения кто-то позвал: «Дося!» Девушка собрала с конторки разложенные на ней письма и вышла, легко и часто постукивая каблучками. Белобрысый красноармеец посмотрел ей вслед и, обернув к Алексею восхищенное лицо, вытянул губы, как бы говоря: «Ух ты, мать честная!» Он еще повозился со своим мешком, попросил у Алексея табачку, закурил, потом долго читал плакаты на стене. Ему не хотелось уходить. Наконец, разочарованно вздохнув, сунул мешок под мышку и тоже ушел.

Алексей нашел на столе обгрызанную ручку, очистил перо от налипшей на него чернильной гущи и задумался. Кому писать? Силину? Может, Воронько? Нет, все не то. Девица работает на почте, вдруг письмо попадет ей в руки?

Он поскреб в волосах и сочинил следующее:

«Здравствуй, Сергей!

Пишу тебе в третий раз, а ответа все нет. Теперь я не в Херсоне, а в Алешках. Родных не нашел. Катя с мужем куда-то уехала. От отца нет вестей. В госпитале, где я лежал, со мною чуть не приключилась беда...»

Алексей описал «мясной бунт» и свое вымышленное участие в нем.

«Сейчас я — писарь в штабе. Работа скучная, а мне другой и не надо. Надеюсь на перемены в жизни, о которых ты знаешь, но пока нет случая...»

Слово «перемены» Алексей дважды подчеркнул: пусть Федосова гадает, что он хотел сказать!

В конце письма он передавал приветы каким-то несуществующим Глебу и Олегу...

Пока Алексей писал, Федосова вернулась за стойку. Поднимая голову, он несколько раз ловил на себе ее зоркий изучающий взгляд. Народу за это время заходило немного: две старушки, беременная женщина с ребенком на руках да пожилой красноармеец из обоза, принесший пачку писем. Все они не вызывали подозрений и долго не задерживались.

Перечитав свое сочинение, Алексей придумал адрес: «Харьков, Церковная улица (в каждом городе есть такая, авось и в Харькове), дом Соколова, Сергею Петровичу Соколову» и, сложив письмо треугольником, понес его к висевшему возле двери почтовому ящику.

— Написали?

Алексей остановился. Федосова улыбалась ему из своего окошка.

— Да вот... написал. Спасибо за бумагу.

— Давайте сюда, я в очередную отправку пушу.

— Пожалуйста...

Она взяла письмо, взглянула на адрес.

— В Харьков? У вас там родные?

— Нет, просто друг. Сам я здешний, херсонский.

— Выходит, мы земляки.

— Вы тоже из Херсона?

— Я родилась в Алешках, но ведь это все равно,— она засмеялась.— А в Харькове я тоже жила — у дяди, на Сумской улице, знаете такую?

— Слышал...

— Соколов, Соколов,— повторила она, точно припоминая,— знакомая фамилия. Это не фабрикант Соколов?

— Нет, он... адвокат. То есть не мой друг, разумеется, а его отец.

— Значит, не тот.— Она отложила письмо.— В Харькове был фабрикант Соколов, родной брат известного херсонского предпринимателя. А ваш— адвокат? По-моему, тоже что-то слышала. А как вы попали в Харьков? — общительно спросила она.

— Да я, собственно, там не был,— сказал Алексей. Он решил не слишком завираться, чтобы не напутать чего-нибудь.— Мой отец в молодости дружил с отцом Сергея, и Сергей каждый год приезжал к нам на лето.

— А чем, если не секрет, занимался ваш отец?

— Он... Он работал у Вадона,— ответил Алексей тоном, по которому можно было заключить, что его отец был не менее, чем инженером.

Она небрежно спросила:

— Он и теперь там работает?

— Сейчас я ничего не знаю о нем...

— А... простите! Ужасное время! Все так пе-

репуталось, перемешалось. Братья против братьев... Когда это кончится! Ведь так не может быть вечно? А? Вот вы, военные, вы ведь должны знать, сколько это еще продлится?

Алексей, улыбаясь, развел руками.

— Вот и все так, кого ни спросишь, а ты гадай! — Она обиженно надула красивые яркие губы.

— Кто ж вам ответит! — засмеялся Алексей, стараясь не сбиться с предложенного ею тона легкого «интеллигентного» разговора. — Я работаю в штабе (Федосова вскинула брови) и то не знаю. Правда, пост у меня скромный: всего только писарь, но, думаю, что и командующему не под силу такой вопрос.

— Да, да, верно! — вздохнула она.

Так они беседовали возле почтовой стойки, и их разговор ничем не отличался от десятков тысяч подобных же разговоров, какие велись на вокзалах, пристанях, в теплушках, на базарах, — всюду, где военная неразбериха случайно сталкивала людей. Каждому хотелось выговориться, поведать о своих горестях, узнать о чужих, поделиться слухами и новостями.

Как-то само собой получилось, что Алексей рассказал Дине (они познакомились) «все» о себе: учился в гимназии, мать умерла, отец добровольно пошел в армию, а когда грянула революция, исчез — ни слуху ни духу... Рассказал про Катю, про ее мужа, которого возвел до положения владельца магазина. О том, как в восемнадцатом году, поддавшись мальчишескому порыву, пристал к фронтовикам, а когда победили немцы, был вынужден бежать из Херсона, попал в армию — и закружило, и понесло... Потом ранило в плечо близ Верхнего Токмака, отпусти-

ли на побывку домой, а по дороге схватил тиф и вместо дома снова угодил в госпиталь. Родных в Херсоне не нашел. Что оставалось делать? Опять попал в армию...

Дина, в свою очередь, рассказала, что успела закончить гимназию. Нет, ее жизнь протекала, конечно, не так бурно, как у Алексея, но что с того! Разве это жизнь! Мечтала об артистической карьере, верила в высокие идеалы, ждала чего-то необычайного. Где это все? Один прах да тлен. Хоть бы поверить во что-нибудь... Кругом грубые неинтересные люди. «Вы же видели...»

Беседа постепенно становилась все задушевней. Что ж мудреного? Оба воспитывались примерно одинаково, учились в гимназиях. Интересно ведь узнать, как в эти трудные годы складывались их судьбы. Вот Алексей служит у красных, а Дина знает кое-кого, кто служит у белых, и, представьте себе, это тоже неплохие люди. Кто же из них прав? Трудно, очень трудно разобраться!

— У вас, наверно, таких сомнений не бывает, — говорила она вздыхая. — Вы, должно быть, твердо убеждены в своей правоте?

— К сожалению, — отвечал Алексей, — и я не могу этого сказать. Раньше, правда, был убежден, верил, даже, если хотите горел. Дома меня не понимали, пошел наперекор всем. Думал: революция, мечта человечества... А что она принесла, эта мечта человечества? Голод, сыпняк, разруху... А, да что говорить!

— Вы еще долго пробудете в Алешках? — спросила Дина.

— Пока штаб не переедет. Боюсь, что скоро придется собираться.

— Заходите, пока здесь. Хоть поговорим...

— Спасибо. Обязательно приду.

— Домой заходите,— сказала она просто,— я живу с родителями. Они несколько странные, вам может показаться, но добрые. Улица Портовая, четвертый дом слева, если идти от пристани. Вы свободны вечером?

— Теперь-то уж освобожусь!

— Тогда часов в девять, ладно? У вас, наверно, как у штабиста, есть ночной пропуск?

— Это есть, чего-чего!

— Ну и хорошо, я вас встречу.

Она улыбнулась ему ласково, как старому знакомому, и протянула руку.

...Дойдя до угла, Алексей повернул обратно. Он снова прошел мимо почты и заглянул в окно.

Дина разворачивала только что написанное им письмо.

„СВОЙ ЧЕЛОВЕК“

В девять часов Алексей подходил к дому Федосовых.

Девушка ждала его возле калитки.

— Вы точны,— сказала она, улыбаясь и идя навстречу.— Впрочем, так и должно быть: ведь вы же военный.

На ней было белое платье, перехваченное в талии широким бархатным кушаком. Коса толстыми кольцами оплетала голову. В серых сумерках теплого осеннего вечера Дина казалась совсем невесомой. Подхвати такую на руки и не почувствуешь тяжести...

— Заходите,— сказала она, отворяя калитку,— я очень рада, что вы пришли.

Дом стоял на отлогом берегу Конки. Был он с шести окон по фасаду, с большим двусторонним мезонином и железной кровлей. Как и все зажиточные дома в Алешках, его окружал сад. Яблони, черешни и вишни росли вперемежку с многолетними акациями и сиреневыми кустами.

— Хотите, погуляем? — предложила Дина. — Вечер теплый...

Мимо беседки, с которой свисал увядший плющ, она привела Алексея к низенькой бревенчатой изгороди в глубине сада. За изгородью лежал заливной луг и текла Конка. У самой воды виднелась купальня — свайные мостки и дощатая будка с односкатной крышей. Вода чуть розовела, отражая непомеркшее еще небо. За рекой подымались темные ивовые кущи речных плавней. Воздух был тих, недвижим. Откуда-то доносились переборы гармошки.

Дина легко вскочила на изгородь и уселась на поперечном бревне.

— Вот здесь мы живем, — сказала она. — Вам нравится?

— Очень нравится.

— Я люблю наш сад: тишина, никого нет. Папа хотел расчистить его от кустов, проложить дорожки, он называет это «навести порядок», но я не дала, так лучше, правда?

— Пожалуй...

— Еще хорошо, что все уцелело, — говорила Дина. — Нам просто повезло. Когда-то я очень огорчалась, что мы живем не на главных улицах, а теперь это счастье. Нас ни разу не «уплотняли» никакими воинскими постоями. К тому же, мы с папой работаем на почте, мы ведь труженики, а не буржуи! — Она весело засмеялась, запро-

кидывая голову.— Вот и уцелел сад. Я люблю приходить сюда одна...

«И с офицерами!» — подумал Алексей. Он всеми силами старался не поддаться тревожному обаянию этой девушки, и вечера, и сада...

— Весной здесь просто изумительно! — продолжала Дина, раскачиваясь на бревне. — Знаете, когда цветут ивы, кажется, будто воздуха вовсе нет, один аромат. Вы бывали в Алешках весной?

— Бывал.

Дина сделала кислую гримаску:

— Что вы все «бывал», «пожалуй», будто других слов нет? Утром вы были разговорчивей!

Алексей смущенно почесал затылок.

— Видите ли... я... мне так давно не приходилось разговаривать с людьми, вроде вас, что... я боюсь что-нибудь такое ляпнуть... не к месту.

— Какой вы глупый!..— Дина всплеснула руками и тотчас опять схватилась за бревно, чтобы не упасть.— Простите меня! Да говорите, пожалуйста, что угодно! Вы уж, наверно, думаете про меня: вот болтунья неумная! А я ведь серьезная, Алексей, это только кажется! Алексей... Можно, я вас буду звать Алешей? Можно? Алеша. Алешка в Алешках — ужасно смешно! — и она снова захохотала.— Холодно становится. Пойдемте, я вас буду чаем поить!

Дина соскользнула на землю и, схватив Алексея за руку, потащила к дому.

В окнах было темно.

— Мои уже спят,— предупредила Дина,— они рано ложатся. Сейчас пойдем наверх, там моя обитель...

По темной лестнице Дина провела Алексея в мезонин. Здесь было две комнаты: в мень-

шей — спальня, большая — для гостей. В этой, второй, комнате Дина раздернула занавески на окнах, зажгла пузатую керосиновую лампу под синим абажуром, стоявшую на круглом столике, и придвинула его к низкой, обитой плотным зеленым плюшем, кушетке.

— Садитесь вот сюда, Алеша, к огоньку, — пригласила она. — И, пожалуйста, не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома. Сидите, привыкайте и ждите меня. Я сейчас...

Она выпорхнула из комнаты и застучала каблучками по лестнице, оставив Алексея удивляться обстановке, в которую он попал.

В комнату Дины снесли, по-видимому, все самое ценное в доме: большие, как шкаф, часы с медными гирями, похожими на снарядные стаканы, кушетку, ковер, два глубоких кресла, фисгармонию, на которой лежали ноты и толстые тома «Чтеца-декламатора». Над фисгармонией висела гитара с красным бантом на грифе. Рядом с нею — портрет Дины: глаза мечтательно устремлены в пространство, пальцы задумчиво перебирают кончик косы.

Алексей встал с кушетки и внимательно всмотрелся в фотографию. Кто она, эта девушка? Неужели враг? Что-то южное, нерусское в лице. Смуглая, нервные ноздри... Да, Соловых попался недаром! Кстати, она ни разу не вспомнила о нем. Положим, это еще можно понять. А офицеры? Может быть, ее отношения с ними и в самом деле не шли дальше простого знакомства, ухаживаний и тому подобного? А его «письмо», которое она вскрыла и прочитала?

На лестнице забарабанили каблучки. Дина вошла с двумя тарелками в руках. Алексей сидел на кушетке, где она его оставила.

— Знаете,— обескураженно сказала Дина,— самовар уже остыл. Но зато я принесла мамино печенье и яблок из нашего сада, самых вкусных.

— Вы это зря! Мне даже неловко,— произнес Алексей.

— Глупости! — Дина поставила тарелки на столик.— Ешьте, вы такого печенья еще не пробовали. Ну, берите же!

Она всунула ему в руку румяный рассыпчатый пряник с маковыми узорами, взяла с тарелки яблоко и прыгнула в кресло.

— Ну как, освоились немножко? — спросила она.— Правда, у меня неплохо?

— Даже очень... Я бы сказал, совсем, как раньше. Будто все на свете в полном порядке.

Действительно, в этой уютной комнате с занавесками, гитарой и удобной мебелью и впрямь можно было забыть, что идет война, что еще вчера только в десяти верстах от Алешек был перехвачен кавалерийский рейд белых, что через городок непрерывно движутся войска, стягиваясь для удара по Врангелю. Где-то далеко за пределами тихого мезонина остались ЧК, товарищи, Брокман, Маруся, хранящая в ляжке дешевого сарафана кулечек страшного яда — защиту от девичьего позора... Перед Алексеем сидела девушка, такая непохожая на Марусю, что казалась совсем из другого мира, смотрела томно, загадочными синими глазами, и что-то тревожило в ней, что-то одновременно притягивало и заставляло постоянно быть начеку.

— Интересно вы сказали: «Как раньше»! — говорила она.— Мне и самой так кажется. Придешь вечером с почты и словно отодвигаешься на три года назад. Здесь, как на острове: кругом бушует, ревет, а у меня тихо. Какая-никакая ил-

люзия нормальной жизни. — Она вздыхала. — А работать приходится... Кстати, увидя вас, я подумала: такое интеллигентное лицо и — красный солдат, даже не командир! Впрочем, надо сказать, вы отлично освоились среди таких, как эти ухажеры с чубами и бантами. Как вы его осадили! Просто чудно! А вы знаете, они могли что-нибудь такое сделать с вами, у меня даже сердце упало! Вы смелый!

— Ну уж!

— Нет, правда, вы очень смелый! Их двое, а вы одни! Вы же не могли знать, что тот солдатик вступится!

— На худой конец и нас двое, — сказал Алексей, указывая на револьвер.

— Нет, нет, не говорите, это было безрассудно! — Дина замахала руками. — А когда вы сказали, что не всегда удается сдержаться — помните, вы так сказали? — я поняла, что вы из себя представляете!

— Что же?

Дина шутливо насупилась:

— Алеша, вы заставляете меня говорить вам приятные вещи! Но я не скажу, и не рассчитывайте! Вот возьмите еще печенье и будьте довольны! — Она потянулась, схватила с тарелки пряник и бросила его на колени Алексею. Потом откинулась в кресле, положила голову на спинку. — Да, вот вы говорите: «Как раньше»... А вы помните, что была за жизнь? Театры, вечера поэзии, Игорь Северянин... А балы в дворянском собрании? Вы-то, гимназисты, положим, там не бывали. А я была! Два раза! Это незабываемо, Алеша! На всю жизнь!.. А помните, какие артисты приезжали? Розанов-Питерский — изумительный трагик!

— Конечно, помню! — сказал Алексей. Он действительно помнил афиши с этой фамилией.

— Мы с мамой ездили его смотреть. Бледный, точно выходец из потустороннего мира... Это было как раз, когда освящали новые верфи.

— А... с фейерверком? Меня отец водил...

— Да. Чудесно!..

Глядя на потолок, где колебалось круглое световое пятно от лампы, Дина начала вспоминать катания на яхтах по Днепру, которые устраивала одесская пароходная компания в целях рекламы, гастроли киевской оперетты, кинематограф и Веру Холодную в знаменитом фильме «Счастья нет у меня, один крест на груди». Алексей тоже припомнил пестрые весенние ярмарки с балаганами и каруселью, состязания борцов в цирке, холодное кофе «гляссе» с мороженым в ресторане «Золотой якорь», куда гимназистов пускали только в сопровождении взрослых...

— Кстати,— сказала Дина,— вы учились в первой гимназии?

— В первой.

— Здесь есть один бывший ученик из вашей гимназии. Может быть, он вам знаком? Его зовут, кажется, Виктор.

Кусочек печенья застрял у Алексея в зубах. Он осторожно выковырял его языком. Спросил как можно равнодушной:

— А фамилия?

— Фамилию не помню.— Дина смотрела на него пристально.

— Со мной в классе учился Витька Корсаков, по прозвищу Пончик,— медленно сказал Алексей.— Сын письмоводителя из городской управы, ябеда и фискал, его все лупили.

— Нет,— улыбнулась Дина,— у этого отец

был, по-моему, негоциантом. Его фамилия не то Мохов, не то Маков...

— Может быть, Марков? Был такой. Только старше классом. Моторку имел, мы все ему завидовали.

— Точно не помню,— сказала Дина,— но что-то похожее. А какой из себя ваш Марков?

— Какой? — Алексей наморшил лоб, словно припоминая.— Крепкий... Пониже меня. Подбородок вот так, вперед...

— На виске родинка?

— Вроде, да...

— Тот самый. Вы его хорошо знали?

— Не-ет. Он старше да и воображал много...

У Алексея так стучало сердце, что он боялся, как бы Дина не услышала. Говорил он ровно, даже посмеивался, а мысли суматошно прыгали в голове. Марков... Здесь... Теперь уж точно! Дина знает его... расскажет о новом знакомстве. А Марков помнит? Наверно, помнит... Ну, был у фронтовиков, еще что? В худшем случае считает дураком, который помог ему когда-то проникнуть в штаб фронтовиков. И все. С тех пор ни разу не видел, если только не разглядел в ту ночь, когда поймали Соловых. Нет, не мог разглядеть.

— Насколько мне известно,— сказала Дина,— этот Марков интересный человек... (Алексей пожал плечами). Если хотите, я могу вас с ним свести как-нибудь.

— Отчего же, можно...

Если бы Дина догадывалась, какого труда стоило Алексею равнодушно произнести эту фразу!

Она взяла с тарелки второе яблоко и, задумчиво покусывая, несколько секунд смотрела

на Алексея. Он аккуратно счищал крошки с колен.

— Знаете, Алеша, я сегодня целый день думала о вас.

— Обо мне?

— Да, о вас. Не притворяйтесь удивленным и, пожалуйста, не задирайте нос, иначе я рассержусь! — На миг появилась кокетливая гримаска и моментально исчезла. Лицо стало серьезным и даже как будто старше. — Вы для меня загадка. Да, да, загадка! Мне, например, совершенно непонятно, как может такой человек, как вы, — а мне, между прочим, кажется почему-то, что мы знакомы уже много-много лет, — как может такой человек мириться со своим нынешним положением?

Алексей насторожился.

— Алеша, поймите меня правильно, — мягко продолжала Дина. — Мне самой необходимо разобраться в происходящем. Все так сложно вокруг! Помогите мне! Возьмем, хотя бы вас. Вы — из интеллигентной семьи. Ваш отец защищал отечество. Какое отечество, Алеша? То, которое мы с вами знаем и любим с детства, в котором нас воспитывали в любви к богу и... к государю! Да, да, зачем играть в прятки! Разве не за эти идеалы он пошел воевать и пролил свою кровь? Алеша! — Дина страстно прижала к груди сцепленные в пальцах руки. — Может быть, то, что я говорю, кажется вам чудовищным. Тогда скажите лучше сразу!

Глядя ей прямо в глаза, Алексей ответил:

— Нет, Дина.

Она продолжала:

— Не знаю почему, но я поверила в вас с первого взгляда. Возможно, я ошиблась. Тем хуже.

Но я все-таки скажу вам все! Я не могу понять... Неужели ваш отец воевал за то отечество, какое оно сейчас — разбитое, истерзанное, в котором погрязло все самое святое? Кто это сделал?.. Вы молчите! Это сделали люди, которым вы служите! Да, Алеша! Объясните мне, что вас связывает с ними? Есть ли у вас уверенность в их правоте? Может быть, вы сами большевик?..

Алексей, нахмурившись, отрицательно покачал головой.

— Я так и знала! — Дина радостно подпрыгнула в кресле. — Я не ошиблась! Я все понимаю, все! Вы были мальчишкой, увлеклись скандальностью этих событий — все мальчишки такие! Ну, а теперь? Неужели у вас не открылись глаза?

Медленно, взвешивая каждое слово, Алексей проговорил:

— Я уже думал об этом, Дина. Но мне сейчас... трудно вам ответить. Я...

— И не надо! — Дина спустила ноги на пол, наклонилась, взяла его за руку. — Не надо ничего говорить! Мне ясно самое главное: вы тот, за кого я вас принимала! А если так, — Дина сжала его пальцы, — почему вы не ищете путей исправить зло?

— Я ищу, — проговорил Алексей и снова, второй раз за сегодняшний вечер, не соврал.

— Это правда?

— Правда!

— В таком случае я могу вам помочь.

— Вы?

— Я! — она выпустила его руку, выпрямилась. — Не ожидали? Да, я знаю людей, которые не сидят сложа руки, которые борются! Вас удивляет, что я говорю об этом человеку, которого

впервые вижу? Но я не боюсь! Прежде всего, я верю вам, а меня никогда еще не обманывала интуиция. А во-вторых, меня не пугает предательство! Поверьте,— она вздернула подбородок,— я совсем не такая, какой, возможно, кажусь,— мечтательная, кисейная гимназистка! У меня хватит сил противостоять любым палачам! Никому не удастся вырвать у меня ни слова, если я сама того не захочу!

И тут, вскочив с кресла, она подошла так близко к Алексею, что коснулась платьем его колен.

— Вот, Алеша, теперь вы знаете обо мне все! Хотите, чтобы я помогла вам? Хотите, я сведу вас с людьми, которые неизмеримо ближе вам по духу, чем нынешнее окружение?

Поддельваясь под ее тон, Алексей сказал:

— Да, хочу.

Она, настороженно щурясь, посмотрела на него.

— Я иного и не ожидала... Но вы, конечно, понимаете, что они потребуют от вас дела?

— Понимаю.

— Хорошо... Сегодня я вам ничего не скажу, мне надо посоветоваться, предупредить. Ведь это очень серьезно. То я одна рискую, а то... Мы ведь все-таки первый день знакомы. Вы, конечно, не обидитесь?

— Нет, Дина.

— Давайте договоримся так: завтра вы зайдете на почту. Когда вам удобно? Вы днем можете освободиться?

— Освобожусь...

— Лучше всего часа в три: в это время меньше народу. И тогда мы окончательно условимся. Ладно?

— Да.

— Чудесно! — она трянула косой, сразу становясь прежней — веселой и кокетливой. — Я так рада, Алеша, вы не можете себе представить! Я чувствую себя первохристианкой. Это все равно, что обратить заблудшую душу. Я уверена, что не ошиблась. — Казалось, она сама себя старается в этом убедить. — Ведь верно, Алеша?

Он развел руками.

— Нет, нет, конечно, это невозможно! И потом, знаете, я где-то читала, что подобные «обращения» никогда не проходят бесследно. Помните «Камо грядеши» Сенкевича? Там то же... Ну, хватит, уже поздно, вам пора.

Алексей поднялся, взял фуражку.

— Какой вы большой! — сказала Дина, отступая на шаг и оглядывая его. — Большой и сильный. Я рядом с вами, как пигмей рядом с циклопом!

— Ну что вы!

— Правда! Пойдите! — Она собрала с тарелки оставшееся печенье и сунула в карман его френча.

— Зачем, не надо!

— Молчите! Будете есть и вспоминать меня.

— Я и так...

— Ну, ну, идите! — она легонько подтолкнула его к двери. — Я буду очень ждать вас завтра. Не опаздывайте!

ПОМОЩНИКИ

Было совсем темно. Поднялся ветер. Он нес со степи мелкие песчинки и пахнул нагретой польню. Очутившись на улице, Алексей с неожиданным облегчением вдохнул этот горький диковатый запах степного простора.

Шагая к штабу, он старался разобраться в событиях сегодняшнего вечера. Его вовлекают в подпольную организацию! Это значит, что если ему удастся внушить доверие тем, для кого старается Дина, то в самом скором времени он будет знать всех заговорщиков.. Его будут испытывать. Как?

А Марков? Какую роль он играет в этом деле? По-видимому, не малую. «Интересный человек»... Ого, до чего интересный!

Настороженное недоумение и еще какое-то сложное чувство, в котором было трудно разобраться, вызывала в Михалева Дина. Удивляла быстрота, с которой она решилась «воздействовать» на него.

«Рисковая,—думал Алексей.—И, небось, знает себе цену...»

Тут мысли спотыкались, и перед глазами всплывала девушка в белом платье, с косами вокруг головы и крутыми, будто нарочно сломленными посередине, бровями. Как она посмотрела на прощание! Ух ты, bestия!..

Алексей тряхнул головой, сказал вслух:

— Не пройдет! — И с каким-то даже сочувствием подумал о Соловых — о несчастном телеграфисте, которому, конечно, не под силу было выдержать такой натиск.

Теперь следовало решить, что делать дальше. До трех часов завтрашнего дня Дина должна с кем-то встретиться и получить инструкцию. Может быть, предупредить Илларионова: пусть поставит у почты людей? Нет, малейшая неосторожность — и все лопнет. Надо ждать...

Через город, по центральной улице, шла кавалерия. Слитно цокали копыта по мощеной дороге, постукивая, катились тачанки. Проплывали

огоньки сигарок, вспышками вырывая из тьмы усатые лица всадников в остроконечных буденновках. Улучив просвет в лошадином потоке, Алексей перебежал через улицу к штабу. Возле штаба горели костры. Когда Алексей проходил мимо, его окликнули. Маленькая девичья фигурка очутилась рядом.

— Маруся? — Почему-то вдруг обрадовался Алексей.

— Где ты бродишь? — сердито сказала Маруся. — Полчаса дожидаясь. Пошли скорее.

— Куда?

— Ко мне. Там Илларионов и еще какой-то из Херсона приехал. Велели привести.

— На кой я им сдался? Сказано ведь: не встречаться.

— Ничего, у меня можно.

Они быстро пошли от штаба.

— Что там случилось? — спросил Алексей.

— Трех человек убили.

— Когда?

— Нынче вечером. Один вестовой с пакетом, пакет взяли, а двое просто красноармейцы.

Так... Значит, пока он был у Дины, ее сообщники не сидели «сложив руки». Кто это сделал? Марков?

При мысли о Маркове Алексей невольно оглянулся. Где-то здесь, в одном из домишек засыпающего городка, скрывается этот зверь. И не просто скрывается. Действует... Ну, ничего, теперь уже недолго. Важно, что он здесь!..

Пройдя немного, Маруся спросила:

— Динку видел?

— Видел.

— Разговаривал?

— Разговаривал.

— Ну как она?

— Как! Нормально... Постой, для тебя гостинец имеется. Держи-ка.

И рассыпчатое печенье с мак^{ом} перешло в жесткие Марусины ладошки.

— Ой, где ты взял?

— Ешь и все! Вкусно?

— Слаще сахара!

— То-то же!

Маруся спросила подозрительно:

— Ты никак дома у нее был?

— Ага.

— И коржики оттуда?

— Оттуда.

Помолчав с минутой, она сказала:

— Смотри, окружит тебя Динка. У нее похлеще бывали...

— Поглядим,— Алексей самоуверенно подмигнул Марусе,— таких она еще не окручивала!

В низенькой, пахнувшей травами Марусиной хатенке ожидали Илларионов и приехавший из Херсона Володя Храмзов, которого Величко прислал в помощь Алексею.

Храмзов, как и Алексей, недавно начал работать в Херсонской ЧК, но уже успел стяжать себе репутацию надежного оперативника. Была в Володиной биографии одна подробность, которая сразу поставила его на особое положение среди других сотрудников, хотя сам он никогда о ней не распространялся: в Москве, откуда он приехал, Володя некоторое время состоял в личной охране товарища Ленина. Однако вытянуть хоть что-нибудь об этом периоде его жизни было невозможно: Володя отличался необыкновенной замкнутостью, слова цедил, по выражению Воронько, «как дурную самогонку, по три капли в

час». Роста чуть выше среднего, курносый, с неприметной внешностью обыкновенного крестьянского парня, он с десяти шагов пробивал из нагана серебряный гривенник, а силой уступал разве только Никите Боденко. В первые же дни работы в Херсонской ЧК Володя попал в бандитскую засаду. Собственно, засада предназначалась не для него, нового и еще неизвестного тогда сотрудника, а для уполномоченного Адамчука, возле квартиры которого она и устраивалась. Володя угодил в нее случайно, идя к Адамчуку с каким-то поручением. Бандитам, как говорится, крупно не повезло. Володя пристрелил двоих, а третьего скрутил и привел к Адамчуку на квартиру. Там задержанному был учинен допрос, и он тут же с перепугу выдал большую «малину» в Сухарном (на следующую ночь во время облавы на той «малине» был ранен Брокман). Этот эпизод стал известен от Адамчука: сам Володя не обмолвился о нем ни словом.

И еще было известно, что по приезде в Херсон Володя влюбился в делопроизводительницу оперотдела Сою Агинскую, разбитную девицу, принимавшую ухаживания многих его товарищей. В короткий срок Володя отвадил всех ее ухажеров, а самого нахального Шурку Коробкова — форсиду и сердцееда, — который допустил непочтительное замечание по адресу Сони, так притиснул в общезитии, что навсегда отбил у него охоту распространяться о своих любовных победах и еще заставил плакаться по поводу разорванной рубахи.

Таков был Володя Храмзов. И хотя его приезд означал, что Величко не слишком уверен в том, что Алексей способен самостоятельно справиться с возложенным на него заданием, Алексей, тем

не менее, был доволен: Володя не подведет, на такого можно положиться.

Вот про Илларионова этого нельзя было сказать.

Мужчина он был видный: бледный, с лихим зачесом выющихся желтоватых волос, с горящими маленькими глазами, задвинутыми глубоко и куда-то вверх, отчего всегда казалось, что смотрит он исподлобья. Выразаться Илларионов любил учено, пышными, многословными фразами, имел маузер с серебряной насечкой и даже во время операции не выпускал изо рта прямой трубки с золотым ободком. Человек, без сомнения, смелый, но резкий и самоуверенный, Илларионов вносил в работу ненужную нервозность, был склонен к скороспелым и не всегда оправданным решениям. В работе он любил размах, шум, широкую гласность в отношении каждой проведенной операции. «Чтоб знали, — говорил он, — не дремлет Чека!..» Кое-кому из товарищей это нравилось. Но у Алексея начальник группы вызывал глухое чувство недоверия, и не потому, что он сомневался в его честности, а, скорее, из-за собственной врожденной сдержанности. Илларионов тоже недолюбливал Алексея: как и все люди подобного рода, он чутко улавливал отношение к нему окружающих.

Не без ехидства сообщив, что по указанию Величко Володя Храмзов должен помочь Алексею своей проверенной на серьезных делах опытностью, Илларионов потребовал отчета: чем Алексей занимался три дня?

— Кое-что сделал, — уклончиво ответил Алексей. Пока не прояснилась обстановка, он не хотел посвящать Илларионова в историю с Диной.

— Кое-что — мало! — заявил Илларионов и

постучал чубуком трубки по столу.— Мне надо не «кое-что», а шпионский центр! Три дня сидим здесь, хватит баклуши бить! Вот какую я замыслил комбинацию. Возле церкви живет бывший учитель местной гимназии Дугин, эсер. Если меня не обманывает профессиональное чутье, а я не припомню случая, чтобы оно меня обмануло, этот тип с кем-то связан. Тебя здесь никто не знает. Определим к нему на квартиру. Будешь следить и держать меня в курсе происходящего в его доме.

— И все? — спросил Алексей.

— Пока все.

— А Володя? Его тоже на квартиру? Ведь он помогать мне должен.

— Для Храмзова временно найдется другое дело. В дальнейшем, вероятно, тебе удастся что-нибудь обнаружить у Дугина, тогда будете действовать совместно.

— Тебе Величко говорил, что у нас не такой план? — с плохо скрываемым раздражением спросил Алексей.

— Это насчет какой-то бабы, любовницы того сигнальщика? Говорил! — Илларионов вздохнул, показывая, что ему скучно объяснять всем известные вещи.— Михалев, не будь дитей! Отвыкни от ученического следования тому, что тебе велели старшие. Величко указал на одну из многих возможностей оперативного подхода к заданию, примерную и, если так можно выразиться, оп-ти-мальную, гм... возможность. Но он не знал местной ситуации. А я знаю. И я говорю: поиски той бабенки отнимут драгоценное время, а пользы не принесут. Придется тебе работать в одном направлении с нами.

— Придется... — Алексей, хмурясь, достал ки-

сет, подержал его в руках и, не закурив, сунул обратно в карман.— А если я тебе скажу, что уже нашел ту «бабенку» и что час назад меня завербовали в шпионы?

— Тебя?!

— Вот именно, меня.

Маруся загремела чугуном, который ставила в печь, и вода, шипя, плеснулась на угли. Храмзов приоткрыл рот.

Настороженно глянув на Алексея: не врет ли? — и убедившись, что не врет, Илларионов отрывисто приказал:

— Рассказывай!

Алексей рассказал все, начиная со встречи с Вандой и ее мужем и кончая свиданием с Диной у нее на квартире.

Илларионов вскочил. Быстрыми шагами прошелся от стены до стены, волоча за собой кудрявые завитки дыма. На щеках его играли желваки.

— Так! — сказал он, останавливаясь посреди хаты. — За Федосовой немедленно установить слежку. Перехватим тех, кто к ней явится. Завтра, вместо тебя, я сам пойду к ней с людьми. Что касается родственников сигнальщика, то их ночью же возьмем!

Теперь вскочил Алексей.

— Ты соображаешь, что говоришь?! — чуть не закричал он.— Угробить все хочешь? Да я!.. Слушай, Илларионов: операция только начинается! Если ты не будешь мне мешать, я через три—четыре дня дам тебе полный список всего подполья!

— Четыре дня! — Илларионов прыгнул к столу.— Завтра! Завтра же вечером я буду знать! Девка всех выдаст!

— Не выдаст! Не сразу, во всяком случае!

— Вы-ыдаст!

— А я говорю — нет! Да пока ты будешь ее допрашивать, они все разбегутся!

— Плохо ты меня знаешь! — Илларионов выдернул трубку изо рта, мундштуком ткнул себя в грудь: — За один вечер всех переловлю! Ни одна гадина не уйдет!.. Словом, чего размазывать: сказано — и конец!

От сознания совершенной ошибки Алексей готов был откусить себе язык. Ведь не хотел же говорить, так нет — брякнул! Этот Илларионов одним махом все погубит!

Начальник опергруппы уже надевал кавалерийскую фуражку с оттянутой назад тульей и коротким круглым козырьком.

— Подожди, Илларионов, послушай, как я хочу...

— Незачем! Все ясно! Собирайся, покажешь дом этих... Соловьевых, что ли?

— Соловых? А их-то за что?

Об этом, по-видимому, Илларионов не думал. Он проговорил не так уверенно:

— Как, за что! — Но тут же, не давая себя сбить с толку, закричал: — Не понимаешь? Контру на свободе оставлять?!

— Ладно, начальник, — сказал Алексей. — Поступай, как хочешь... Но только я с тобой не пойду, а сейчас сяду и напишу рапорт Брокману, и Маруся доставит его в Херсон еще до утра. Опишу, какое положение, и свой план, который ты даже слушать не желаешь, ребята подтвердят! А там шуруй на полную свою ответственность!

. Угроза привлечь в качестве судьи председателя ЧК подействовала на Илларионова. К тому же молчавший в течение всего разговора Володя миролюбиво пробасил:

— Чего ты горячку порешь! Дай человеку сказать.

Илларионов сорвал фуражку, в сердцах шмякнул ею об стол, опустил на лавку. С минуту смотрел в угол, подрыгивая худым коленом, а потом заговорил неожиданно спокойным голосом:

— Поработаешь тут! Тоже мне оперативники, за смертью с вами ходить! Послушаем, что ты надумал!

— Никаких арестов и никаких слежек пока не устраивать,— сказал Алексей.

Илларионов сильнее дрыгнул коленом, но сдержался.

— Я войду в организацию, — продолжал Алексей, — заслужу доверие. Много времени это не займет: они и сами, наверно, торопятся. Будут меня испытывать, как — не знаю, но тут уж вместе что-нибудь придумаем. Если получится, возьмем всю шайку разом и еще установим, какие у них связи, нет — арестовать Федосову всегда успеем. В любом случае я и без допросов узнаю, кто на них работает.

— Мазня! — загорячился Илларионов. — С такими вариантами еще неделю проваландаемся! А если шлепнут тебя?

— Ты обо мне заботишься?

— Что, если тебя уберут до того, как мы что-нибудь получим?

— Тогда делай по-своему. А сейчас надо воспользоваться случаем — другого такого не будет. Я считаю так: пусть Храмзов следит за мной. Не за Федосовой, а за мной, понимаешь? Он сумеет незаметно.

— Для охраны, что ли? — презрительно подымая бровь, спросил Илларионов.

— Чтобы быть в курсе и помочь, если понадобится,— сказал Алексей.

Илларионов бросил руки на колени, хотел возразить, но его перебил Храмзов.

— Михалев толково предлагает,— сказал он негромко.— Лучше все равно не придумаешь.

Поняв, что соотношение сил не в его пользу, Илларионов круто изменил тактику.

— Чудаки вы, люди! — сказал он.— Как будто я хуже хочу... Пожалуйста: план Михалева по разведывательной терми-но-логии гм... называется «двойная игра». У меня своя точка зрения на методы разведки, но я не настаиваю, пожалуйста. Все это можно было бы проверить быстрее, но...— он приподнял плечи и сделал рукой жест, который означал: «было б с кем».

— Значит, никакой слежки устанавливать не будешь? — еще раз спросил Алексей.

— Пожалуйста, не буду.

— Ой, как хорошо! — воскликнула Маруся. Она с волнением следила за их спором.— Вот и договорились.

— Но рапорт я все-таки пошлю,— предупредил Алексей.— И напишу, что ты согласился с моим планом.

— Пиши, сделай милость...

— Сможешь доставить сегодня же? — спросил Алексей у Маруси.

— Я дядю Селемчука пошлю, до утра успеет! — ответила девушка, глядя на Алексея так, будто впервые видела.

— Да, Илларионов, сегодня убили вестового с пакетом?

— Убили.

— А что в пакете?

— Ничего особенного: уведомление в штаб фронта, что получена оперативная карта... Учти, Михалев, я должен знать о всех твоих действиях!

— Само собой разумеется! — сказал Алексей.

Потом они, уже вполне мирно, договорились обо всех подробностях. Илларионов стал прежним — говорил солидно и энергично сосал трубку. Затем он ушел, а Володя с Алексеем остались: один — ночевать на Марусином сеновале, другой — писать рапорт.

ВСТРЕЧА НА ОСТРОВЕ

На почте был народ. Алексей уселся на скамью у двери и подождал. Дина встретила его беспкойным взглядом и чуть заметно кивнула.

Расхлябанная дверь поминутно хлопала, впуская и выпуская посетителей. Выбрав момент, когда на почте остались только вихрастый подросток в гимназической рубаше и женщина, под диктовку которой он что-то писал, Дина покашляла, привлекая внимание Алексея, и карандашом указала через свое плечо на вход в соседнюю комнату.

Он прошел туда через откидную дверцу почтовой стойки.

В комнате с зарешеченными окнами, шкафами с множеством квадратных отделений для писем и чутунным штампом на столе был один человек — седой, с вытянутым лицом, составленным из небритых вертикальных складок. Он угрюмо покосился на Алексея поверх очков в металлической оправе.

— Папа, — сказала Дина, входя за Алексеем, — посиди за меня в зале.

Ни слова не говоря, старик удалился, далеко, точно боясь обжечься, обойдя Алексея.

Дина прикрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Ну, что скажете?

— Вот... пришел.

— Вы думали над нашим вчерашним разговором?

— Думал.

— И как?

— Я уже решил, Дина.

— Вы уверены?

— У меня другого пути нет, — тихо проговорил Алексей: эти слова он приготовил заранее.

Оттолкнувшись от двери, Дина сделала несколько шагов к нему.

— Вы понимаете, как это серьезно?

— Я все обдумал...

— Я очень рада, если так, — сказал она, глядя на него с недоверием, которого вчера не было. — Я рассказала о вас... моим друзьям. И должна признаться, они обвинили меня в легкомыслии.

Алексей нахмурился. Неприятный холодок — предчувствие неудачи — подступил к горлу.

— Но мне все-таки удалось их уговорить, — продолжала Дина. — Они согласились встретиться с вами.

— Конечно, — проговорил Алексей, — я ничем не могу доказать, что я... что мне можно доверять, но они сами увидят.

Дина подошла вплотную, положила ладонь на верхний карман его френча.

— Я вам верю, Алеша! Я знаю, я чувствую, что вы — н а ш! Мы им вместе докажем, верно? — и, казалось, сама себя убедив, повеселела, ожи-

вилась и заговорила быстро, вполголоса, оглядываясь на окна: — Вечером ко мне, часов в девять, как вчера, я вас отведу... Кстати, вы не можете достать лодку?

— Лодку?

— Хотя, где вам взять!

— Надолго нужна лодка?

— Часа на два.

— Может быть, смогу, — сказал Алексей. Он вспомнил про Марусиного дядю Селемчука. — Я с одним рыбаком познакомился. Попрошу у него, авось даст.

— Попросите. Если не достанете, приходите так, я сама что-нибудь раздобуду, а достанете — тем лучше. Посвистите мне тихонько, я выйду. Если все будет в порядке, я зажгу лампу в моей комнате, а занавески задерну. Если лампа будет гореть, а занавески раскрыты — тогда подождите. И будьте осторожны, Алеша, смотрите, чтобы за вами кто-нибудь не увязался.

— Ясно...

Через полчаса Алексей вместе с Марусей побывал у дяди Селемчука. Тот еще не вернулся из Херсона, но его жена, сухонькая деловитая старушка, которую Маруся звала тетей Любой, сама отвела их на берег, где стоял кособокий шалаш и на кольях висели рыболовные сети. У дяди Селемчука было две лодки. На одной, по-лучше, с парусом, он уехал сам, другая была зачалена в мелком и узком затоне — плоскодонная, чуть больше душегубки. Эту лодчонку тетя Люба разрешила взять. Ее вывели из затона и спрятали в камышах.

Потом, зайдя к Марусе, Алексей поговорил с Храмзовым, который со вчерашнего вечера про-

хлаждался на сеновале, и пошел в штаб исполнять в оставшееся время обязанности писаря.

...Алексей выехал, когда совсем стемнело. Ночь была ясная, ветерок сдул туман с реки; вода рябилась и от лунного света казалась студеной.

Алексей спустился по течению до самой паровой пристани, в темноте не заметив федосовского сада. Пришлось возвращаться. Он повел лодку вдоль берега и скоро увидел купальню. Она слабо серела во мраке, сливаясь с какими-то кустами. А за ней, на берегу, довольно высоком отсюда, мерцал сквозь деревья голубоватый огонек — окно в комнате Дины.

Привязав лодку к свае, обросшей речной слизью, Алексей поднялся на мостки и, миновав лужок, перелез через изгородь.

В доме спали. Динино окно было открыто, занавески задернуты. Алексей свистнул, подождал и свистнул еще раз.

На занавески легла тень.

— Слышу!

Свет погас.

Через минуту отворилась дверь, заскрипела галька на дорожке и подошла Дина, закутанная в темный платок.

— Это вы, Алеша?

— Я.

— Лодку не достали?

— Достал. Там, у купальни...

— Ну! Молодец! Нет, честное слово, вы мне нравитесь! — она сжала его руку у кисти. — Пойдемте скорее: нас уже ждут.

Они сбежали к берегу. Алексей помог Дине

сойти в зыбкую, пляшущую на воде лодчонку, спрыгнул сам и, отвязав конец, сильно оттолкнулся. Лодка вылетела на освещенное луной пространство. Алексей взялся за весла и направил ее в тень, к плавням.

— Теперь куда?

— По течению. Я покажу...

Заскрипели ключины.

— Тихо! — испугалась Дина. — Нас услышат! Садитесь на корму, гребите одним веслом...

Держась друг за друга, они поменялись местами.

...Медленно придвинулась пристань. На дебаркадере светился огонь. Горели фонари на пирсе, и были хорошо видны люди с мешками, ожидавшие последнего парохода из Херсона. Слышались их голоса. Плакал ребенок. По дебаркадере шагал кто-то с винтовкой.

— Ради бога, осторожней! — шепнула Дина. — Ближе к берегу...

Возле пристани река разветвлялась. Один рукав тянулся прямо, другой — «проезжий», по которому ходили суда, — заворачивал вправо.

— Ближе к берегу! — шепотом командовала Дина.

Они свернули в «проезжий» рукав. Лодка скользила, почти касаясь бортом камышей. Алексей осторожно погружал весло, загребал сильно и беззвучно.

Пристань начала постепенно отдаляться. Когда их уже невозможно было разглядеть с пирса, Дина приказала:

— Теперь к острову!

Развернувшись, Алексей пересек реку. Впереди зажелтела отмель. Скребнув днищем по песку, лодка вползла носом на берег.

Дина выскочила первая.

— Приехали! — облегченно вздохнула она.

Алексей вылез, закрепил лодку и огляделся.

Они были на одном из больших, заливаемых в половодье островов, каких много в дельте Днепра. Ивы, вцепившись корнями в берег, наклонялись к воде. За ними простиралась обширная плоская поляна, а дальше деревья чернели глухо, как стена. Было тихо, только ветерок путался в ветках. Что-то плеснуло на реке, должно быть, крупная рыбина ударила хвостом, но от этого неожиданного звука Алексей невольно подобрался. Вот еще раз плеснуло...

«Гм... заехал», — подумал Алексей и локтем потрогал кобуру нагана.

— Пойдемте, что же вы! — поторопила Дина.

Они вошли в заросли. Дина вела Алексея за рукав. Он шел, как слепой, ничего не видя вокруг. Под ногами чавкала вода. Но Дина хорошо знала, куда идти.. Она уверенно сворачивала, предупреждала: «Здесь коряга»... «Кустарник — глаза берегите», — и вела все дальше, в глубь острова.

Вдруг их окликнули:

— Кто?

— Свои, — ответила Дина.

— Кто, я спрашиваю?

— Верные долгу. — Это, очевидно, был пароль.

— Дося, вы?

— Я.

Вспыхнула спичка. Кто-то, наклонившись, разжигал фонарь. Затем человек приблизился и осветил их лица.

— Привели?

— Привела, как видите.

— Почему так долго? — недовольно проговорил тот. — Дождись вас в этой сырости.

— Бойтесь простудиться? — насмешливо сказала Дина. — Он здесь?

— Давно уже...

Человек, ссутулясь, пошел впереди. Он был в шинели и надвинутой до ушей кепке. В свете фонаря возникали кусты, черная, пропитанная водой тропка, трухлявые пни. Тусклые блики прыгали по влажным от росы листьям.

Тропа поднялась на пригорок. Стало суше. Впереди Алексей различил тоненькую желтеющую полосу — дверную щель, а затем уже и самое строение — низкую, без окон, хижину непонятного назначения.

Их проводник приотворил дверь, впустил Дину, потом Алексея и вошел сам.

На земляном полу посередине хижины лежал короткий круглый чурбан, на нем пристроена «летучая мышь».

Рядом, повернувшись к двери и засунув руку в карман пиджака, стоял Марков.

В первую минуту Алексей не узнал его. Лампа помещалась низко, и лицо Маркова было в тени. Но вот он сделал движение, чуть наклонился, и Алексей увидел знакомые выпирающие скулы, торчащий подбородок, узкие глаза...

— Долго ж вы добирались, — сипловато сказал Марков, глядя в глаза пришедших. — Никто вас не видел?

— Никто, не беспокойся! — ответила Дина. — Вот человек, о котором я говорила.

— Ага... — Марков поднял лампу, осветил Алексея и развел губы в улыбку. — Да, да, припомню, что-то такое знакомое... Мы ведь, кажется, учились вместе в первой гимназии?

— Учились, — Алексей тоже заставил себя улыбнуться. — И после встречались.

— Помню, помню! Это было, по-моему, еще при немцах, правильно? Как, бишь, твоя фамилия?

— Михалев.

Марков прищурился, копаясь в памяти.

— Ага, теперь все вспомнил! Ты меня как-то в штаб привел, что-то такое объяснял... да? Было?

— Что-то вроде было...

— А ты, брат, возмужал, трудно узнать. Ну; здорово, рад видеть.

Он поставил лампу на чурбан, протянул руку, и Алексей пожал ее.

— Садись, — пригласил Марков, — бери чурку.

— Витя, ты мне нужен на два слова, — сказала Дина.

«Витя», — отметил про себя Алексей.

— Сейчас. — Марков многозначительно посмотрел на встречавшего их человека.

Тот встал у двери.

— Подожди минутку, — попросил Марков Алексея и вместе с Диной отошел в угол.

Алексей нашел чурку, сел и, сложив руки на коленях, сцепил пальцы. Вот он и встретился с Марковым лицом к лицу... Только бы не ошибиться теперь! Только бы не выдать себя!..

Дина что-то горячо шептала Маркову на ухо. Он молча слушал, иногда покачивал головой. Он был в коротком драном пиджаке поверх расшитой украинской рубахи с веревочной опояской и в холщовых портах, заправленных в грубые сапоги. На голове брыль. Ни дать ни взять — деревня... До чего ж изменился этот некогда холемный купеческий сынок! Был он старше Алексея

на год или два, а на вид казался лет тридцати. Кожа на щеках задублена, глаза стали еще уже и завалились; он раздался в плечах, а голову держал низко, вытягивая коричневую жилистую шею. «Ровно волк какой...» — вспомнил Алексей слова снегиревского дьячка.

Слушая Дину, Марков искоса изучал его. Алексей отвернулся и начал рассматривать обомшелые стены избенки. Было заметно, что посещали ее редко. Должно быть, Марков нарочно выбрал это место для встречи с неизвестным человеком. Над камышовым потолком — стоя, Алексей казался его фуражкой, — шуршали листья, где-то рядом поплескивала река, и вдруг басовито и сипло заревел гудок, заставив вздрогнуть всех присутствующих: шел пароход из Херсона. Потом гудок оборвался и послышались частые удары плещ по воде.

— Добре, сейчас разберемся! — громко произнес Марков.

Он подошел, сел на чурку напротив Алексея. Дина осталась в тени.

— Выкладывай, однокашник, каким ветром тебя занесло сюда? — сказал Марков.

Он улыбался, показывая десну. Уголки губ морщились, еще больше придавая ему сходство с оскалившимся волком.

— Что выкладывать-то, — сказал Алексей угрюмо. — Дина уже все, наверное, рассказала.

— Дина Диной, а я от тебя хочу услышать. Ты понимаешь, на что идешь?

— Не ребенок, понимаю.

— Вижу, что не ребенок, слишком велик. Тем более неясно... Объясни-ка мне, что случилось? Служил ты, служил у красных и вдруг, на тебе, — передумал! С чего бы?

— Значит, есть причина.

— Какая? Ты не бойся, выкладывай все на-чистоту!

Алексей, будто колеблясь, оглянулся на Дину. Она ободряюще кивнула:

— Говорите, Алеша!

Алексей сжал кулак.

— Я давно ищу такого случая,— сказал он сквозь зубы.— А служить можно по-разному... Вон где у меня эта служба! — И он провел кулаком по горлу.

— Что же, обидели тебя? В начальство не вышел?

— Я постов не добивался! Захотел бы — вышел...

— Значит, не захотел? А почему?

— Слушай, Марков! — Алексей подался вперед, к фонарю, глядя прямо в серые глаза шпиона.— Ни черта я тебе не скажу! Если вы те, что я думаю, так испытайте меня — сами увидите, нет — я других найду, на вас свет клином не сошелся!

— Ишь ты какой! — Марков, откачнувшись, несколько секунд вглядывался в Алексея, словно хотел проникнуть в самые сокровенные мысли. Потом медленно проговорил: — Что же... Причины в конце концов всякие могут быть. Ладно, испытаем... Но пока не докажешь, что готов ради нашего дела на все, доверия не жди. А предашь... Должен тебя предупредить, Михалев: Дося тебя нашла, она одна и в ответе. Но если с нею что-нибудь случится, живым тебе не быть. Разыщем, хоть на краю земли. И тогда пеняй на себя!

На один миг мелькнула у Алексея мысль плюнуть на все и выдернуть наган. Но он тотчас же

отогнал ее. За спиной, простуженно сопя носом, стоял второй бандит.

— Пугать меня нечего, — промолвил Алексей, — дело говори.

— Сейчас и дело... Ты писарь? В штабе работаешь?

— Да.

— Если хочешь, чтобы мы тебе поверили, сделай такую штуку... Вчера штабом получена новая оперативная карта фронта.

— Ага...

— Что, знаешь об этом? — быстро спросил Марков.

— Нет, нет, слушаю.

— Вот эту карту надо заполучить.

— Выкрасть, что ли?

— Ну выкрасть. Сможешь?

Алексей, приподняв фуражку, поскреб ногтем ежик своих отрастающих волос, перевел взгляд с Маркова на фонарь и снова на Маркова. Он «думал». Потом сказал:

— Трудно.

— Чего здесь трудного! Знаешь, где она висит?

— Знать-то знаю...

— А если знаешь, неужели не сможешь найти момент и снять. Как-нибудь ночью...

— Может, что-нибудь другое?

— Нам карта нужна!

К Алексею подошла Дина.

— Вы сделаете это, Алеша! — Она положила на его затылок теплую влажную ладонь. — Я уверена, вы сделаете! Помните: я поручилась за вас!

— А если заметят?

— А ты осторожно, — сказал Марков. — А всплнешь — тоже не беда: мы тебя так упрячем,

что ни одна собака не найдет! Видишь: нас-то ведь ловят-ловят, а поймать не могут. В крайнем случае переправим в Крым. И уж поверь, мы услуг не забываем!

— Решайтесь, Алеша! — Дина нетерпеливо потормошила его за шею.

— Ладно, — сказал Алексей, — попытаюсь... Но только, честно говоря, не пойму, на кой вам эта карта?

— Ты что, дурной? — удивился Марков.

— Не я дурной, а вы дурные! Ну, выкраду я карту... предположим. А ее в тот же день отменят. Ты думаешь, они глупее тебя?

— Вон ты о чем! — усмехнулся Марков. — Пусть отменяют. Тем лучше. Укрепления за два дня не переделаешь, а войска уже размещены. Их переставлять надо. Сколько на это времени уйдет? А? Сообразил?

— А карту куда?

— Это тебя не касается! Доставим, куда следует. Короче: сможешь ее добыть или нет?

Алексей надел фуражку, насунул ее до бровей.

— Зря болтать не буду. Постараюсь!

Дина удовлетворенно переглянулась с Марковым.

— Два дня тебе хватит? — спросил тот.

— Не знаю. Думаю, хватит.

— Карту принесешь к Досе, — уже начальническим тоном заговорил Марков. — Постарайся не вызывать подозрений, нам еще понадобится твое присутствие в штабе. Если же приключится какая-нибудь петрушка, тогда уходи немедленно, спрячься где-нибудь и дай знать тоже Досе. Прямо к ней являться нельзя, понял?

— Понял.

— И запомни, что я тебе сказал о предательстве!

— Ладно! — Алексей махнул рукой.

— Тогда будем расходиться... Ты, Михалев, возвращайся один, Досю мы доставим другим путем. Кстати, пока не добудешь карту, к ней не наведывайся, еще наследить. Сева, проводи его.

— Айда, — сказал Сева.

Алексей разглядел, что у этого второго шпиона бабьи безбородые щеки, замурзанные и угреватые, точно он целую вечность не умывался.

Дина вышла вместе с ними. В темноте за дверью она закинула руки Алексею на плечи.

— Алеша, вы сделаете то, что сказали! — зашептала она. — Вы ведь не подведете меня, я уверена!

— Что смогу, сделаю! — ответил Алексей.

Дина прижалась лбом к его подбородку, потом оттолкнула и убежала в хижину...

Алексей с Севой спустились с пригорка к реке. Сева помог столкнуть лодку и постоял на берегу, пока Алексей не исчез.

Алексей вставил в уключины весла, переправился через реку и, загнав лодку в камыши противоположного берега, подождал: от пристани с минуты на минуту должен был отвалить пароход в обратный рейс. Алексей не хотел, чтобы его заметили, задержали и приставали с расспросами.

Ждать пришлось довольно долго. Журчала вода, обтекая камыши. Небо покрывали облака, гася звезды. Из плавней тянуло сладковатым запахом прели...

И вдруг донесся отчетливый плеск, такой же, какой слышался Алексею по пути на остров.

Но теперь было ясно, что это не рыба: плеск раздавался равномерно и все ближе и ближе... Кто-то вплавь пересекал реку, направляясь к камышам, где прятался Алексей. Вот уже можно различить, как отфыркивается пловец и сплевывает затекающую в рот воду...

Человек появился метрах в пяти от лодки. Схватился за камыши и, тяжело выволакивая ноги из прибрежного ила, выбрался на берег. Он был в одних штанах, белевших во мраке, да на голове у него торчала не то шляпа, не то какой-то четырехугольный колпак.

Первым делом человек снял свой странный головной убор. Повозился с ним, засунул, кажется, за пояс, огляделся и тихонечко свистнул.

Алексей, сдерживая дыхание, расстегнул кобуру.

Человек подождал, прислушался и вдруг отчетливо произнес:

— Михалев... Эй, Михалев...

— Сюда! — позвал Алексей.

Храмзов (это был он) соскочил в воду, раздвигая камыши, пробрался к лодке. Алексей помог ему влезть в нее.

— Ты откуда взялся?

Храмзов трясся от холода. Он был не в штанах, а в исподниках, а то, что Алексей принял за головной убор, оказалось револьверной кобурой, которую Володя ремнем привязывал к голове, чтобы не замочить.

— Бррр-р... Д-дай чего-нибудь... с-смерз... — только и мог он выговорить.

Алексей накинул на него свой френч.

Согревшись, Володя сказал:

— Думал, уберут тебя... Пришлось сплавать...

— Ты на острове был? У домика?

— Ага...

Больше Алексей не расспрашивал. Все и так было ясно: Володя следил за ним и за Динной, когда они ехали на остров, и, опасаясь за жизнь товарища, а может быть, и для контроля (не помешает!), вплавь последовал за ними. Это был настоящий помощник.

Когда, наконец, мимо них прошлепал пароход и скрылся в излучине реки, Алексей вывел лодку из камышей. Володя лег на дно.

— Правь за пристань, метров сто,— сказал он,— там мои шмутки.

„ПОХИЩЕНИЕ“ КАРТЫ

Задание, полученное от Маркова, выполнить было нелегко. И все-таки ровно через два дня Алексей имел в своем распоряжении оперативную карту врангелевского фронта. Вот как это произошло.

Начальник штаба Саковнин был человек понятливый и выдавший виды. Объяснять ему долго не пришлось.

— Где же я возьму вам карту? — сказал он, захватывая в горсть свой объемистый подбородок. — Не отдавать же настоящую! Хотя, стойте, есть одна мыслишка. Дело вот в чем. О новой оперативной карте эта сволочь узнала из пакета, который находился при убитом ординарце. Но им не известно, что за два дня до получения новой карты была прислана другая, где было допущено несколько грубых ошибок, и ее отменили. Вот эту, старую, карту я мог бы вам дать. Подождите, не радуйтесь: карта подлежит уничтожению и, возможно, уже не существует. Сейчас узнаем...

Он кликнул дежурного и попросил вызвать начальника секретного отдела. Тот явился.

— Сохранилась оперативная карта, погашенная позавчера? — спросил у него Саковнин.

Молодой начальник секретного отдела покраснел, как бурак, и начал оправдываться, говоря, что он как раз сегодня собирался ликвидировать ее вместе с некоторыми другими бумагами...

— Цела эта карта или нет? — резко спросил Саковнин.

— Цела.

— Стоило бы взгреть тебя, как сидорову козу, за такое обращение с документами! В другой раз пойдешь под трибунал, имей в виду! А сегодня, считай, повезло. Принеси ее сюда и заодно позови Туляковского... Все в порядке! — сказал Саковнин обрадованному Алексею, когда начальник секретного отдела ушел. — Будет вам карта. Только придется ее немножко «подработать»: ошибки мы оставим, а то, что там указано правильно — номера подразделений и их местонахождение, — изменим так, чтобы ни одна сволочь не заметила. Но это не все. Карту я вам сейчас не отдам. Всю махинацию надо согласовать со штабом фронта и использовать ее не только для того, чтобы дать вам выслужиться перед шпионами. Подумайте: карта, очевидно, попадет к белым. Возможно, исходя из ее данных, они захотят что-нибудь предпринять. Это, правда, маловероятно, так как они понимают, что похищенная и расшифрованная карта вряд ли останется неизменной, но все-таки... Короче: о тех данных, которые достанутся белым, должны знать в штабе фронта! Я пошлю адъютанта с рапортом. Он обернется дня за два. Вы можете подождать?

— Пару дней могу. Но хотелось бы не больше.

— Больше не требуется. Через два дня получите... если в штабе не будет возражений. Ничего, небольшая задержка даже к лучшему: не так просто выкрасть этаким документ! — Начштаба весело подмигнул.

Все эти соображения он изложил молодцеватому, черноусому адъютанту Туляковскому и начальнику секретного отдела, принесшему карту. Довольный, что его миновала гроза, начальник секретного отдела не протестовал.

Через полчаса адъютант ускакал в штаб фронта.

Он управился даже скорее, чем можно было ожидать. К исходу следующего дня Туляковский вернулся и привез разрешение передать карту Алексею. Соответствующие изменения были уже внесены, более того: карту поместили девятым сентября — днем, когда прислали новую. Поправки были сделаны так чисто, что даже осведомленные люди — начальник штаба и начальник секретного отдела — не сразу их заметили.

— Теперь постарайтесь, чтобы карта без препятствий попала по назначению, — сказал Саковнин Алексею. — Сегодня понесете?

— Пожалуй, завтра.

— Значит, похищение произойдет ночью. С утра поднимем тревогу...

И на следующее утро в штабе начался переполох. Носились встревоженные, озабоченные адъютанты. Кое-кого из вольнонаемных и писарей (Алексея в том числе) вызывали в Особый отдел, расспрашивали, кто ночью оставался в штабе, зачем, что делал... Об истинном положении вещей знало всего человек пять—шесть. Среди остальных распространился слух, что из комнаты командарма исчезла какая-то бумага.

Что за бумага, какого содержания, кому понадобилась — об этом можно было строить любые предположения. Случилось, что именно в этот день командующий выехал в штаб фронта, и его съезд тоже связывали с происшедшим.

Шел дождь. Он зарядил с рассвета, лениво булькал весь день, и к вечеру Алешки покрылись непролазной грязью. На улицах дотемна раздавалась отборная ругань — это обозники прибывшей из Херсона части вытаскивали телеги из раскисших выбоин дороги. Дождь рано загасил жизнь в городке. Ночь наступила часов в десять; мокрая слепая чернота затянула домики, и стало тихо, только с ровным шелестом сыпался дождь да чавкали изредка шаги патрулей.

Перелезая через забор в сад Федосовых, Алексей оступился и забрызгал грязью брюки и рукав френча до самого плеча. Стараясь не производить шума, он обошел дом и взглянул на Динино окно. Занавески были плотно задернуты.

Алексей подобрал горсточку песка и бросил в стекло. Окно осветилось. На занавесках появилась тень и сделала знак ждать. Алексей встал под навес заднего крыльца.

...Стук каблучков по лестнице и голос Дины:

— Кто там?

— Это я, Алексей...

Слетел крючок, шаркнула задвижка.

— Вы?! Пойдемте!

Они торопливо поднялись в мезонин.

— Достали? Принесли?

— Да.

— Я уже знаю: весь город говорит об этом!

Ах, какой вы молодец, Алеша! Просто прелесть!.. И никто вас не подозревает?

— Кажется, нет. Сегодня вызывали в Особый отдел, допрашивали. Не одного меня — многих, и ничего...

— Где она? Давайте сюда скорей!

Алексей поискал глазами, куда присесть.

— Чего вам?

— Сапог надо снять.

— Садитесь на кушетку!

— Я грязный, упал...

— Пустяк, садитесь!

Алексей присел на кушетку и принялся стаскивать сапог. Дина отвернулась, отошла к двери, но нетерпение ее было слишком велико — вернулась обратно.

Алексей размотал портянку и из-под брючины извлек сложенную вчетверо карту. Дина выхватила ее, разворачивая на ходу, бросилась к свету. Обуваясь, Алексей видел, как она жадно просматривала пометки, подписи и штабные печати, водила пальцем по цифрам, обозначавшим номера частей. Потом, кинув развернутую карту на столик, порывисто, как все, что она делала, Дина подскочила к кушетке и опустилась на нее рядом с Алексеем.

— Алеша!.. — проговорила она задыхаясь. — Алеша!.. Вы не знаете... Нет, вы совершенно не знаете, что сделали!

И вдруг, притянув к себе, начала целовать в щеки, в губы, в колючий подбородок...

Перед самым строгим судом товарищей, перед любым трибуналом Алексей смог бы оправдаться в том, почему он обнял Дину: ничего другого

ему не оставалось делать. Это было необходимо, тактической уловкой — и так далее и тому подобное...

Но никому на свете, и в том числе самому себе, он не смог бы объяснить, почему в этот момент что-то дрогнуло в нем, и к сердцу подступила острая жалость к девушке, не нужная, не заслуженная ею жалость. Он совсем близко видел ее сияющие, радостные глаза, ощущал ладонями гибкую, доверчиво-податливую спину, и где-то в отдаленном уголке сознания шевельнулась предательская расслабленная мысль: правильно ли он поступает, прибегая к такому жестокому обману?

И вот что самое опасное: в тот момент он не нашел достаточно убедительного опровержения этой мысли:

— Подождите, Алеша! — отстранилась вдруг Дина. — Сидите здесь, я на одну минуту!

Она метнулась к столику, сложила карту, смятая ее от торопливости. Без стеснения расстегнула ворот, сунула карту на грудь. Затем сдернула с кресла висевший на нем платок и выбежала из комнаты. Она выглядела именинницей, получившей самый желанный подарок...

Алексей слышал, как она спустилась в сад и шаги ее зашелестели, удаляясь в сторону реки.

Только оставшись один, он немного успокоился. Все правильно. Все как надо... Нет, он не Соловых, его на такие штучки не поймаешь!..

Справедливость требует отметить, что теперь в мыслях Алексея не было уверенности...

Минут через пятнадцать он услышал: идут. Дина была не одна.

«Поблизости прячет», — мелькнуло в голове.

Лестница закрипела под тяжелыми шагами. Дина распахнула дверь.

— Вот он! — возбужденно провозгласила она.

Вошел Марков. За ним всунулась угреватая рожа его телохранителя — Севы.

Марков улыбался:

— Здравствуй, друг! Поздравляю!

Полез здороваться и Сева, умильно хлопая красноватыми бугорками век без ресниц.

— Что я вам говорила! — торжествовала Дина. — Вы себе не можете представить, Алеша, как они меня пробирали из-за вас! И легкомысленная я, и девчонка, и чуть не предательница! Вот, пожалуйста! Кто прав?

— Ты, ты! — снисходительно сказал Марков, расправляя карту на столике. — Она самая! Как же тебе удалось?

— Не спрашивай! Две ночи караулил...

Историю «похищения» карты Алексей добросовестно продумал. Карта висела у командарма, прикрытая занавеской, ночью при ней находился дежурный. А в соседнем помещении, служившем канцелярией, круглые сутки посменно трудились писаря. Алексею посчастливилось попасть в ночной наряд... В три часа пополуночи они закончили работу. Алексей вышел вместе со всеми, а в коридоре отстал и, вернувшись в канцелярию, спрятался под столом. Расчет был на то, что дежурный время от времени выходит осмотреть штаб. Через несколько минут он действительно вышел. Алексей проскользнул в комнату, где висела карта, снял ее со стены и через окно выпрыгнул во двор, не забыв аккуратно задернуть занавеску, чтобы отсутствие карты не сразу обнаружилось. Ему удалось незаметно пройти мимо часового,

а дальше все было просто: карту он припрятал под камнем возле нужника, где она спокойно пролежала до сегодняшнего вечера. Все это заняло так мало времени, что Алексей успел прийти в хату, отведенную для писарей, раньше своих сослуживцев: те надумали среди ночи варить кашу в штабной кухне и, когда, наевшись, заявились домой, он уже спал. На допросе они единодушно подтвердили это, а один сукин сын даже сказал, что ему кажется, будто Алексей бросил работу раньше других: он, мол, всегда от нарядов увиливает. В результате пострадал только дежурный: его забрали в Особый отдел и держат до сих пор...

— Ото скачок! — одобрил Сева. — Мог бы еще дежурного пришить, чтоб я пропал!

— Шум поднимать! — возразил Алексей. — Так-то вернее.

— Значит, тебя никто не подозревает? — спросил Марков.

— Пока никто.

— Денька два переждем, чтобы улеглось, а после дам тебе еще заданье. А сейчас иди, как бы не хватились.

Алексею следовало торопиться, но ему не хотелось уходить, ничего не выведав у шпионов.

Марков сам пришел ему на помощь.

— У тебя ночной пропуск? — спросил он.

— Да.

— Возьми с собой Севу. Надо карту доставить. Наткнетесь на патруль — отвлеките... Завтра заскочишь на почту, Дося скажет, что делать дальше.

— До утра не можешь дожждаться, — заворчал Сева. — Обязательно гонять человека в дождь. Что, Дося не передаст?

— Молчи! — оборвал его Марков. — Вот тебе карта, спрячь. И скажи там, чтобы сейчас же отправили.

Дина проводила их до калитки. На прощанье она сказала, будто извиняясь:

— У нас еще все впереди, Алеша...

НА ЯВКЕ СМАГИНЫХ

Сева продолжал ворчать и на улице:

— Отделался! Выгнал, словно собаку...

Ростом Сева был такой же, как Алексей, и в его рыхлой нескладной фигуре угадывалась недюжинная сила, а голосок имел плаксивый, тонкий и говорил нараспев, слегка пришептывая:

— Это же не человек, а эгоист! Отдай за него душу, а он и не покашляет! Тебе хочется побыть с девочкой, что я имею против? Так нет! Ему надо, чтобы я совсем ушел!

— Что ты болтаешь! — перебил его Алексей. — С какой девочкой?

— А ты сам не додумал?

— С Диной?

— С кем же еще!

— С чего ты взял, дурак! — неизвестно почему, вспыхнул вдруг Алексей. — Что ты языком вертишь!

— Ты в нее врезался, — спокойно сказал Сева, — это видно даже слепому, так тебе не хочется верить. Ой, мальчик, не ты первый, не ты последний!

— Подожди! Почему ты решил, что она с Марковым?

— Смотрите на него: я решил! У них же пламенная любовь! Чувства!.. Плевал я на те чувства! Я бы эту Досечку своими руками приду-

шил! Одна только польза от нее, что приманывает таких, как ты. Теперь они тебя возьмут за жилку, все высосут до капелюшечки, а ты дожди-дайся, может, Досечка не обманет!

— Болван! — проговорил Алексей. — Разве я ради бабы? Чихать мне на вашу Досю!

Они подошли к центральным улицам. Сева замолчал и пропустил Алексея вперед.

...Конечно, Сева мог и приврать, но Алексей почему-то поверил сразу. Он по-новому оценил и те взгляды, которыми обменивались Марков и Дина (в них было больше, чем простое взаимопонимание), и то, что они обращались друг к другу на «ты», а Дина звала Маркова уменьшительно «Витей»... Нет, Сева не врет... Но тогда непонятно, зачем понадобились Дине сегодняшние нежности? Еще вчера это было оправдано: завлекала простодушного парня. Но зачем это ей сегодня, когда карта похищена и Алексей, по их мнению, связан по рукам и по ногам?

Сева приглушенно командовал: «Налево...», «Прямо...», «Сюда».

Они благополучно добрались до окраины, покружили по переулкам и, наконец, пришли.

Это был запущенный постоялый двор: дырявые навесы, загон, покрытый липкой навозной грязью, с поломанными яслями для скота и какой-то несуразный приземистый дом, сложенный из толстенных бревен, в которых прорезаны крохотные оконца. Посреди двора стояли телеги с задранными оглоблями, где-то в темноте жевали лошади.

— Айда со мной, — сказал Сева, — сейчас обратно отведешь.

На условный стук — три двойных удара и, чуть погодя, еще один — дверь отворил босой борода-

тый мужик в посконной рубахе, свисавшей на солдатские линялые штаны. Он держал в кулаке витую церковную свечу.

Увидев рядом с Севой незнакомого человека, мужик поспешно задул свечу.

— Свой, — успокоил его Сева. — Крученный прислал. Григорий у тебя?

— Туточки... Спить.

— Буди по-быстрому!

Мужик впустил их в большую, освещенную копилками комнату с двухэтажными нарами вдоль стен. Горько пахло промокшей одеждой. На нарах спали какие-то люди. Когда стукнула дверь, они зашевелились, приподняли головы.

— Це Сева, — сказал хозяин.

Головы опустились.

Хозяин ушел за занавеску, отделявшую печной угол, и вскоре вернулся с высоким заспанным человеком, вид которого в первый момент изумил Алексея. Он был в расстегнутой студенческой тужурке с блестящими пуговицами и бархатными петлицами на воротнике. На ногах шевровые сапоги с голенищами, сдавленными в гармошку. Под тужуркой, высываясь наполовину, висел маузер.

Не только тужурка, но и каждое движение выдавали в этом человеке городского жителя. Лицо, опущенное светлой бородкой, было бы даже красивым, если бы не красные пятна на переносице и отечные мешки на скулах — следы систематического пьянства. Густые брови, срастаясь, сплошной линией тянулись от виска до виска, на них спадали путаные, давно не стриженные волосы.

Он окинул Алексея въедливым подозрительным взглядом и, когда Сева повторил, что это — свой, поздоровался отрывистым кивком.

Они с Севой сели к столу и заговорили вполголоса, сдвигаясь лбами. Сева передал «студенту» (так Алексей окрестил его про себя) присланную Марковым карту и строжайший наказ немедленно переправить ее через Чалбасы, Каланчак, Новотроицкое. Алексей понял — в Крым...

— Доставим, — хрипато, как от перепоя, сказал «студент», растирая на щеке розовую вмятину от подушки. — Сейчас же поеду на хутор, не позже, чем утром, отправлю Мартыненко, так и скажи ему. А как добыли карту?

— Вон тот постарался, — указал Сева на Алексея. — Добрый скачок отмочил!

«Студент» снова, на этот раз с большим расположением, оглянул Алексея. Сева наклонился к нему и что-то долго шептал в самое ухо. Как ни напрягался Алексей, но слышал только отдельные слова: «Приготовил такую... долбанет к чертовой матери! ... тебе... чтобы там и дожидался... может послезавтра... она одна закончит...»

— Ладненько, — громко сказал «студент», — все ясно.

Он начал одеваться. Поверх тужурки натянул длинную, до колен, бекешу, покрылся широкополым брылем и сказал хозяину:

— Хвыля, буди Макарку. А вы, — повернулся он к Севе и Алексею, — поспешайте, я за вами. Скажите Крученому, что все будет в ажуре...

За воротами Алексей спросил:

— Кто он такой?

— Так то же ж Смагин. Григорий Смагин! — словно удивляясь неосведомленности Алексея, сказал Сева. — Неужто не слыхал?

— Бандит? — вырвалось у Алексея.

Сева остановился.

— Сам ты бандит, курья печонка! — зашипел он. — Это твои краснопузые — бандиты! Ан-тиллигент! Таких на всю Россию две бутылочки! Бандит!.. Может, и я, по-твоему, бандит? Григорий образованность имеет, на адвоката учился... Что ты можешь о нем понимать, дерьмо ты!

...Слышал ли Алексей про Смагина, вернее, про братьев Смагиных? Их было двое — Григорий и Василий.

С тех пор как он начал работать в Херсонской ЧК, не проходило недели, чтобы о братьях-разбойниках не говорили громко, со скандалами, с упреками в адрес то одного, то другого оперуполномоченного. Особенно доставалось Адамчуку, в обязанности которого входила ликвидация подобных субъектов.

У Смагиных была банда, действовавшая на правом берегу Днепра, где-то в районе Большой Александровки, но засечь место ее основной базы не удавалось, как ни бились. Трижды против нее высылались отряды ЧОНа, и каждый раз они приезжали назад ни с чем да к тому же еще изрядно потрепанные. Подвижная, небольшая — в ней насчитывалось около полутора сотен сабель, — банда налетала внезапно и легко уходила от преследования: следы ее безнадежно терялись среди богатых деревень и хуторов «черного» кулацкого района.

Вначале существовало мнение, что Смагины просто «гуляющие», у которых лозунг незатейлив: грабь, пока возможно! Однако в середине августа вблизи Большой Александровки разыгралась трагедия, пролившая свет на их подлинную сущность. Смагинцы захватили проезжавшего в тех

краях секретаря Херсонского укома партии и его трех спутников — местных большевиков. С ними расправились зверски, по обыкновению политических бандитов: выкололи глаза, обрубили уши, а распоротые животы набили пшеницей — нате, мол, жрите, большевики, наш хозяйский хлебушек...

Постепенно собрались кое-какие сведения о Смагиных. Оба из дворян, коренные феодосийцы. Младший, Григорий, юрист-недоучка, по убеждениям эсер, стоит за крепкого хозяйчика. Старший, Василий, в прошлом денкинский доброволец, садист и пропойца, в банде исполняет обязанности палача, уступив руководящую роль Григорию, перед которым, как говорили, благоговееет.

И вот этого неуловимого Григория Смагина только что видел Алексей. Надо вернуться, остановить, не дать уйти! Поздно! Да и не получится в одиночку. К тому еще — Сева...

— Бандит... — бубнил он. — Горло надо рвать за такие слова! Набрался у красных разных слов! Люди за идею страдают, а всякая мразь... бандит!..

— Ну ладно, ладно, — сказал Алексей, — подумаешь, оговорился.

Сева еще долго не мог успокоиться.

НОВОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Пока Алексей «налаживал» отношения с Марковым, Илларионов тоже не бездействовал. Спокойно рассчитывать, маневрировать и терпеливо выжидать было не в его привычках. Кипучая натура начальника опергруппы требовала более прямолинейных и главное быстродействующих

методов борьбы с контрреволюцией. Несмотря ни на какие обещания, данные им Алексею, которого, кстати сказать, Илларионов считал неоперившимся юнцом в контрразведывательной работе, он, конечно, не стал дожидаться, пока тот все подготовит. Бездействие в такой напряженный момент ущемляло его непомерно раздутое самолюбие. Илларионов решил, пока суть да дело, начать «разматывать клубок с другого конца». Для этой цели он велел Марусе переписать всех, кто был у нее на подозрении. Маруся составила список. В него вошли два преподавателя частной женской гимназии, ветеринарный фельдшер Лабудько и несколько местных жителей, связанных в прошлом с белыми, а также лавочники и мелкие торговцы, дела которых процветали до прихода Красной Армии...

Когда на следующий день Алексей пришел на почту, Дина завела его в заднюю комнату, откуда, как и в первый раз, был выставлен папаша Федосов, и в сильном волнении предупредила:

— Алеша! Будьте осторожны! В городе хватают людей! Очень важно, чтобы вас это никоим образом не коснулось. В нынешней обстановке вы — единственный у нас человек, который может появляться, где угодно... Марков велел, как только придете, прислать вас к нему.

— Куда?

— Ко мне домой. В саду, справа от беседки, увидите кусты, за ними погреб. Постучите вот так... — И она выстучала на столе тот же сигнал, который Алексей вчера уже слышал: три двойных удара и, чуть погодя, еще один.

— Погуляйте сначала по городу, — наставляла Дина, — не дай бог, чтобы вас выследили! Вы

знаете, я боюсь, что и за мной уже присматривают!

— Почему вы думаете? Кто-нибудь заходил сюда?

— Нет. Но так... интуиция...

На улице Алексей убедился в том, что на сей раз интуиция ее не обманывает. Недалеко от почты он неожиданно увидел — кого бы можно было предположить? Федю Фомина!

В заломленной набекрень папаше, сунув руки за пояс, Федя с самым праздным видом прогуливался вдоль почтового забора, разглядывая висящие на нем захлестанные ветром и дождями обрывки рекламных афиш, объявления о пропаже скота и приказы местных властей. Но обмануть Алексея ему не удалось: от того не укрылось, каким внимательным взглядом Федя провожает всех, кто имел дела на почтамте.

Заметив Алексея, Федя отвернулся с полным безразличием (надо отдать ему должное, он даже бровью не повел при виде старого друга).

Не будь этой случайной встречи, Алексей, возможно, не возражал бы против активности Илларионова: лишь бы не трогал пока главных участников. Теперь же стало ясно, что тот и не собирается выполнять условий их уговора и что удержать его без помощи старших товарищей невозможно. Придется вызвать кого-нибудь из Херсона. Другого выхода нет...

С этими мыслями он подошел к федосовскому дому.

В саду, за беседкой, скрытый густыми кустами малины, горбатился не замеченный им в прошлые посещения обложенный дерном пригорок, из которого торчала короткая вентиляционная труба. На узкой дубовой двери чугунная задвижка;

на одной ее скобе висел большой амбарный замок.

Алексей постучал. Открыл ему сам Марков.

— Заходи, — сказал он, убирая в карман револьвер.

На Алексея пахнуло затхлой известковой плесенью. В глубине подземелья, куда вели глинобитные ступени, рябым пятном расплывался свет шахтерской лампы. Среди банок, горшков и бочек с какими-то засолами были втиснуты два топчана. На одном из них спал Сева, с головой завернувшись в шинель. На другой сел Марков, накинув на себя широкий овчинный тулуп, валявшийся на досках. Лицо Маркова казалось зеленоватым в сумерках. Он указал Алексею место рядом с собой. Спросил:

— Жрать хочешь?

На ящике, заменявшем стол, стояли тарелки, бутылка со спиртным и два горшка с вареной едой.

Алексей отказался.

— Что нового? — поинтересовался Марков. — В штабе тебя не трогают?

— Нет, пока ничего. Никому и в голову не приходит.

— Хорошо. Слушай, для чего я тебя вызвал. Сюда понаехало чекистов до черта. Начались аресты. Вчера и сегодня они забрали человек двадцать. Народ больше пустяковый. Если и попались два—три таких, что более или менее, — он покрутил в воздухе сухими цепкими пальцами, — так и они ничего толком не знают. Но как бы то ни было, стало опасно. Мне с Севой нельзя до ночи соваться на улицу. А время подходит горячее. Слушай: на днях и аш и начнут наступление по всему фронту!

— Да ну? — не удержался Алексей. — Откуда ты знаешь?

Марков по-своему понял его волнение.

— Знаю! Можешь быть уверен, на этот раз большевикам солоно придется! Заваруха затевается, как никогда! Наши ударят на правобережье, а из Польши пробивается ударная армия генерала Юзефовича. Покрутятся большевички! На Киевщине их Петлюра поджимает, в Белоруссии Булак-Булахович. А союзники?.. Словом, будет им по первое число! В такой момент зевать нельзя. Есть дело. Если выгорит — нет нам цены! И главное просто. — Он придвинулся, облокотился на колено, снизу вверх заглянул Алексею в лицо.

— Что? — чуть осипшим голосом проговорил Алексей.

— Вот какое... Перед нашим наступлением... — Марков точно вырубал слова, — ...нужно, чтобы здешний штаб разнесло к чертовой матери! Понял?

— Нет.

Марков нетерпеливо поправил тулуп на плечах.

— Объяснять надо? Слушай как следует... Есть у нас одна штучка... Не наша, не русская. Вот такой величины, — он раздвинул руки, — с чемодан. И в ней приспособленьице... Вроде часов — циферблат, стрелочки. Можно поставить на любой час...

— Адская машина?

— Вот-вот.

— Ну и что?

— Положишь ее в мешок и — в штаб. Оставь где-нибудь в закутке, неважно, лишь бы не сразу обратили внимание. Остальное тебя не касается. Адрес, где эта штука хранится, получишь от Доси,

когда подойдет срок. Это надо сделать. Кроме тебя, никому.

— Так, — проговорил Алексей, забираясь пальцами под фуражку и поскребывая голову. — А дальше?

— Что дальше?

— Сам-то я... куда?

— О себе не беспокойся. Когда рванет, мы далеко будем. Для начала — к Смагину, ты видел его вчера, а от него — за линию фронта. Можно и за границу махнуть, если хочешь. Есть там одно местечко, где нас, как родных, примут. На всю жизнь будешь обеспечен, можешь поверить! Только, откровенно скажу, я уходить не собираюсь. Если выгорит, что мы задумали, мы и тут неплохо устроимся!

По лицу Алексея было видно, что его «убедили» эти доводы.

— Слушай дальше, — продолжал Марков, — может случиться, что мы больше не увидимся... до взрыва, — добавил он, заметив, что Алексей быстро поднял голову, и расценив этот жест, как боязнь за свою судьбу. — И так как нам с Сеовой нельзя показываться в городе, тебе придется самому предупредить кое-кого... возможно. Это еще не точно.

Алексей насторожился. Вот они — явки!

Но Марков не спешил их называть.

— В свое время Дося сообщит тебе адреса и пароль. Надо будет обойти их часа за два до взрыва... Подробности узнаешь от Доси. Условимся так: по утрам, завтра и послезавтра, навдывайся на почту. Зря ходить и туда не надо. Если понадобится, Дося, предположим, повесит на окно белую тряпку. Повтори, что я сказал.

Алексей повторил.

— Ну, Михалев, обещать не люблю, но так и знай: если удача — будешь представлен самому главнокомандующему! Об этом я сам позабочусь!

Алексей, конечно, поблагодарил за такие блестящие перспективы.

— Всяческого успеха! — приподнято пожелал Марков.

Сева высунулся из-под шинели:

— Ни пера тебе ни пуха, длинный!

— Иди-ка ты!..

Через час в штаб фронта ускакал нарочный с донесением, а Храмзов с первым же пароходом уехал в Херсон за авторитетной поддержкой против Илларионова. Он нашел ее в лице Величко и Воронько, на днях вернувшегося с облóва членов крамовской организации.

В ту же ночь они приехали в Алешки на катере военной речной флотилии.

В хате у Маруси произошел крупный разговор. Илларионов с места в карьер напал на Алексея. Он исчерпал весь запас «красивых» слов и юридических терминов, обвиняя его в медлительности, в неумении работать, в том, что он не желает признавать дисциплины и все стремится делать самостоятельно, не согласовывая своих действий с ним, начальником опергруппы, который несет ответственность за все.

Приходилось признать, что в его претензиях есть известная доля справедливости. После первого разговора, когда позиция, занятая Илларионовым, едва не поставила всю операцию под угрозу провала, Алексей не слишком баловал его доверием. Он, правда, сообщил ему через Храмзова о встрече с Марковым на острове и о ма-

евре с картой, но подробности этого маневра Илларионову пришлось выяснять самому у начальника штаба. Что же касается постоянного двора, куда Сева водил его вчера, то о нем Алексею и вовсе не упомянул, боясь, как бы пылкому начальнику опергруппы не вздумалось немедленно затеять облаву.

— Отвечаю я за операцию или не отвечаю? — кричал Илларионов. — Кто должен делать координацию, гм... не я, черт меня побери?!

Алексей молчал: расскажи он о своих опасениях — Илларионов полезет в бутылку, и тогда договориться будет совсем невозможно.

Положив локти на стол, Величко устало глядел мимо начальника опергруппы, поглаживал рубцы на своей двупалой руке, и было непонятно, как он относится к сказанному. Другое дело Воронько. Этот слушал во все уши и кивал головой, когда Илларионов произносил свои излюбленные словечки: «координация», «согласованность операций» и «взаимодействие». Завзятый книжник, он питал уважение к людям, умевшим красиво выражаться.

Величко дал Илларионову выговориться досыта. Когда тот кончил и с шумом опустился на табурет, уверенный, что вконец разгромил Алексея, он спросил:

— Все? — И повернулся на скамье: — Докладывай, Михалев, по порядку.

Вид у Величко при этом был такой, будто разговор только начинается. По-видимому, Володя успел уже кое-что ему рассказать.

— Верно, не все передавал Илларионову, — начал Алексей. — Может, я и не прав, но только...

— По существу говори, обрисуй обстановку, — оборвал его Величко, чем сразу привел Илларио-

нова в замешательство. Казалось, его ничуть не интересовали взаимоотношения его подчиненных.

Алексей подробно доложил, что произошло с момента его отъезда из Херсона, о явочной квартире, на которой встретил Смагина, о поручении взорвать штаб и о сведениях относительно предстоящего контрнаступления белых. Сделано было немало. Это понимали все, даже Воронько, только что восхищавшийся красноречием Илларионова. И когда Алексей сказал, что слишком поспешные действия, а также слежка, установленная за Федосовой и уже замеченная ею, могут все погубить, Воронько первый согласился с этим.

— Лихорадка у тебя, что ли, Семен Степаныч, — сказал он Илларионову. — Говоришь красиво, а у самого точно-те шпильки в зад, ей-богу!

— Спросите у него лучше, почему я только теперь обо всем узнаю! — закричал Илларионов, покрываясь красными пятнами.

— После! — нахмурился Величко. — Ну-ну, Михалев...

— Почему, например, нужно обойти явки, предупредить? — продолжал Алексей. — Думаю, они, кроме взрыва, еще что-то затеяли.

— Адреса явок знаешь?

— В том то и дело, что нет! Адреса получу, когда и взрывчатку. Понимаете, товарищ Величко, самые важные сведения поступят только в последний момент!

— Да-а... Надо ждать...

Снова раскричался Илларионов, обвиняя Алексея. За Алексея вступилась Маруся, Храмзов поддакивал ей. Воронько что-то неясно гудел в усы.

Величко отсутствующим взглядом скользил по их разгоряченным лицам, тискал пальцами ниж-

нюю губу. Наконец, шлепнув ладонью по столу, водворил тишину.

— Раскудахтались, стыдно! У тебя, Илларионов, одна забота: свой фасон соблюсти, а в деле фасон забывать надо, не на пользу это. Сообщал тебе Михалев, что сделано? Сообщал. Знал ты, в какую он кашу залез? Знал. Чего тебе еще? Ему помогать надо было, а не контролировать. Чтобы человек уверенность чувствовал. Не перебивай! Мне копаться в вашей сваре некогда. В Херсоне будет время — разберемся... До конца операции остались считанные дни. На это время всю группу беру на себя. Завтра посмотрим, кого ты нахватал, Илларионов, половину, должно, выпустить придется, знаем твои манеры! Слежку за Федосовой уберем. Храмзов как ходил за Михалевым, так пусть и ходит. Он при случае и за Федосовой присмотрит. Теперь главное спокойствие, словно мы и не подозреваем ничего...

Величко отдал еще несколько распоряжений и велел расходиться. Проводить Алексея до калитки вышли Маруся и Воронько. Во дворе Воронько сказал:

— Соскучал я по тебе, парень! Поговорить даже толком не пришлось. Ты как, здоров?

— Как видите, Иван Петрович.

— Вижу, молодцом! Смотри, не сорвись!

— Нет, он не сорвется! — сказала вдруг Маруся с такой горячей уверенностью, что Воронько удивленно хмыкнул.

ПОСЫЛКА ОТ МАРКОВА

Белая тряпка на окне почты появилась через день, утром.

— Ну, Алеша, начинается! — объявила Дина,

когда они остались одни в служебной комнате за почтовым залом. — Все произойдет сегодня! Как вы себя чувствуете?

— Нормально.

— Через некоторое время сюда доставят ту вещь, о которой вам говорил Марков. Она будет иметь вид почтовой посылки. Вы придете к концу дня и получите ее в общем зале. Это никому не покажется странным. Затем отнесете в штаб. Механизм поставлен будет на десять часов вечера, запоминайте. В девять Марков велел вам обойти людей по следующим адресам... Нет, не записывайте, это опасно... — Она сказала три адреса, которые Алексей несколько раз повторил. При этом он заметил, что адрес постоянного двора, где он был с Севой, Дина не назвала.

— Пароль всюду один и тот же. Вас спросят: «Что надо?» Отвечайте: «Ищу, где переспать до десяти часов». Вам скажут: «Принимаем только на сутки». И все. Когда сделаете это, приходите ко мне домой.

— А потом, Дина?

— Остальное я вам скажу вечером.

— Почему не сейчас? Вы мне не доверяете?

— Не в том дело, у Маркова свои планы, я и сама не все знаю. — Она с досадой насупилась. — Вы, кажется, очень сильно опасаетесь за свою персону? Не бойтесь! Я рискую больше: у меня мать, отец, дом... Я, я сама отвечаю и за вас и за себя! В самом худшем случае у нас есть куда скрыться. Короче говоря, как только побываете по всем адресам, сразу ко мне. А там — мое дело.

— Но где будет Марков?

— Повторяю вам, Алеша: вас это сейчас не касается! Будет там, где нужно! Да не тревожьтесь вы! — Дина улыбнулась и, точно успо-

каивая капризного ребенка, провела ладонью по его щеке.— Ну ладно, ладно, скажу: он будет у меня. Вы удовлетворены? Только не волнуйтесь. От вас зависит успех всего нашего дела. Вы вдумайтесь, Алеша, какая необыкновенная миссия вам предстоит! — Она перешла на возвышенный тон.— Выполните ее, и тогда...— Дина не договорила, считая, что остальное должны сказать ее глаза.

И они действительно говорили многое. Они выражали как раз то, что, по всей вероятности, погубило когда-то душу местного телеграфиста, и Алексей еще раз вынужден был признать, что у Соловых есть, если не смягчающие, то во всяком случае объясняющие его вину обстоятельства.

Он пробормотал:

— Я готов...

Раздался голос папаши Федосова:

— Ди-на!

— Иду! — отозвалась она.— Ступайте, Алеша, ничего не забудьте! В половине шестого — за «посылкой». Если мало народу, я выпущу вас через почту.

Она подошла к двери, выглянула в зал и повернулась к Алексею:

— Идите через двор. Он уже тут.

— Кто?

— Человек, который должен был привезти эту самую «посылку». Вам незачем встречаться.

Слегка отстранив ее, Алексей заглянул в притворенную дверь и быстро убрал голову.

— Что такое? — встревоженно спросила Дина.

— Ничего... Так я пойду.

— Пойдите. Почему вы так поблбднели?

— Я?.. Разве?

— На вас лица нет! Что случилось? Вы знаете этого человека?

— Впервые вижу. Просто...— Алексей криво усмехнулся и развел руками, как бы говоря: «Сами понимаете, момент ответственный, можно слегка и поволноваться».

— Ну, идите. Я вас провожать не буду. Итак, в половине шестого...

У крыльца почты стояла линейка с запряженной в нее сытой каурой кобылой, привязанной вожжами к стойке крыльца. Ветер гнал по улице песок и опавшие листья. Прохожие сплевывали набивавшуюся в рот песчаную пыль. Лошадь до земли опускала морду, перебирала тонкими ногами.

Недалеко от почты хромой старик крестьянин скреплял веревкой треснувшее ярмо бычьей упряжки. Рядом, покуривая и подавая советы, стоял Храмзов.

Алексей прошел мимо, коротко бросил:

— Иди за мной.

За тополями, росшими у дороги в конце квартала, он подождал Володю. Храмзов остановился в двух шагах от него и, наклонившись, стал поправлять голенища своих коричневых сапог, сшитых из той же кожи, что и сапоги Алексея.

— Видел, кто на линейке приехал? — спросил Алексей.

— Толстяк в кацавейке, хуторянин...

— Арестуй и доставь к Величко. Только не здесь, подальше... Смотри не упусти! Пусть Величко допросит: он адскую машину привез. Один справишься?

— Угу...

— Скорей, он сейчас выйдет!

Володя еще разок поддернул голенища и пошел назад. Алексей, стоя за тополями, следил за ним.

В дверях почты показался приезжий. Глянув по сторонам, он сошел с крыльца, отвязал вожжи и грузно взобрался на облучок. Лошадь тронула, клонясь вперед и подставляя ветру лобастую голову.

Алексей видел, как Храмзов догнал линейку и пошел рядом, что-то говоря приезжему.

«Просит подвезти», — догадался Алексей.

Володя договорился и вскочил на линейку.

Они скрылись за поворотом.

В половине шестого, перед самым закрытием почты, Алексей получил от Дины обмотанный бечевкой дощатый ящик. Он был невелик, но очень тяжел.

Алексей хотел положить ящик в принесенный им мешок.

— Не надо! — сказала Дина. — Так лучше...

Она была мертвенно-бледна. Лицо заострилось, руки дрожали. Передавая «посылку», она шепнула:

— Счастливо, Алеша, благослови вас бог! Жду... Несите осторожно...

...Ящик водрузили на стол в кабинете начальника штаба. Собралось человек десять: Саковнин, Туляковский, трое из Особого отдела; из чекистов — Алексей, Величко, Илларионов и Воронько.

Ящик вскрывал комендант штаба, сапер старой службы, угрюмый бородач в морской форме. Он перочинным ножом расковырял древесину,

поддевая ногтями за шляпки, вытащил несколько гвоздей и осторожно приподнял крайнюю доску. Лоб его, точно присыпанный стеклянной крошкой, мелко заблестел от пота. Присутствующие молчали, и треск отделяемой доски казался пронзительным. Под доской лежала плотная оберточная бумага.

Воронько, желая разрядить напряженную тишину, сказал:

— Упаковка, что надо! Образцовая!

Никто ему не ответил.

Комендант снял верхние доски, аккуратно отвернул бумагу. Под ней обнаружилась матерчатая прокладка. Комендант наклонился к ящику.

— Стучит,— проговорил он.

Было так тихо, что все услышали постукивание часового маятника.

— Фланелью обернули, чтоб заглушить,— заметил Илларионов.

Комендант вспорол материю, обнажилась серая шершавая поверхность мины. Минут десять он оглядывал и ощупывал ее, едва касаясь пальцами, и наконец отвинтил сбоку небольшой металлический кожух. Открылся круглый, как блюдце, белый циферблат с тремя стрелками. Все сдвинулись к столу.

Стук маятника был похож на дребезжание плохо натянутой струны. Размеренно и неумолимо он отбивал короткие секунды. Комендант, щурясь, старался разобрать надпись на циферблате. Написано было не по-русски. Воронько, знакомый с латинским шрифтом, по слогам прочитал:

— Бла-се-мер-гохн, енг-ланд...

— Блэсмергон, Ингланд,— поправил его Илла-

рионов.— Английского происхождения. Известная фирма.

— Разрядить сумеешь? — спросил Саковнин коменданта.

— Не знаю. Опасная штука, устройство незнакомое.

— Что же делать?

— Можеть быть, остановить часы? — предложил молодой сотрудник Особого отдела.— Придержать стрелку — и все, остановятся.

— Нельзя,— возразил коменданта.— Почему я знаю, какой взрыватель. Задержишь стрелку — тут она и сработает. Вернее всего унести в степь, пусть там и взрывается.

— погоди. Пусти-ка. — Величко, отстранив коменданта, присел к столу.

Осмотрев мину и циферблат, спросил:

— А это что за стрелка, третья?

— Регулятор,— объяснил коменданта.— Вроде дистанционной трубки. Поставили ее на определенное время, как дойдет, так она и сработает.

— Михалев, поди-ка сюда,— позвал Величко.

Алексей подошел.

— Смотри, на когда поставлено...

Длинная серебристая стрелка острым концом стояла двумя минутными делениями ниже цифры 8.

Алексей, не веря своим глазам, наклонился к самому циферблату. Сомнений не оставалось: взрывная машина была настроена на восемь часов, даже немного раньше...

— Когда же, по-твоему, она должна рвануть? — негромко спросил коменданта Величко.

Коменданта подумал.

— Минут этак без двадцати восемь.

Все одновременно посмотрели на циферблат. Было двадцать две минуты седьмого.

— Что же ты говорил, в десять? — вырвалось у Илларионова.

— Тихо! — осадил его Величко. — А скажи, товарищ комендант, перевести эту стрелочку подалее, часиков этак на двенадцать, нельзя?

— Кто ж его ведает, — сказал комендант, двигаясь к столу. — Попробую...

— Э, нет, — остановил его Саковнин, — развотишь мне все тут к чертовой матери! У тебя еще больше часу. Бери эту чертовщину и неси подалее, в степь, пробуй там. В крайнем случае — взрывай.

Мину снова уложили в мешок, и комендант, сопровождаемый Туляковским, унес ее.

— Все ясно, — сказал Величко. — Михалева обвели. Известный прием. Чтоб не трусил. Он для них особой ценности не представляет: взорвал бы штаб и ладно, больше не нужен... Думается мне так. Ты, Михалев, прав: одним взрывом не обойдется. Еще что-то готовится. Вопрос: откуда они начнут?

— А адреса? — напомнил Алексей.

— Грош цена этим адресам! Я тебе десяток таких адресов могу дать. В девять часов их велено обойти, а в половине восьмого из тебя делают жидкую кашлицу! Единственное место — это где ты видел Смагина. Пойдут туда Илларионов и Воронько. Товарищ Саковнин, выдели им бойцов для облавы. Людей из Особого отдела прошу в мое распоряжение: оцепим базар... Второй адрес — сама Федосова. Михалев, бери наших ребят и жми туда без промедления, жу

внин завертел ручку полевого телефона.

БАНДИТЫ

Солнце еще только шло на закат, когда Алексей с группой добежали до Портовой улицы.

— Расставь людей,— приказал Алексей Храмову.— Займи соседние дворы. Двух—трех пошли к реке.

— Ты один пойдешь? — спросил Володя.

— Пока один. Если что — выстрелю или свистну. До тех пор с места не трогайся.

— Давай.

Алексей пошел к дому Федосовых.

План у него был такой: сказать Маркову, что все сделано, машина надежно пристроена, а по явкам не пошел потому, что за ним, кажется, начали присматривать. С большим трудом удалось незаметно ускользнуть из штаба и сразу сюда: предупредить... Что дальше — будет видно. Главное — добраться до Маркова, держать его на мушке, а там...

Ворота и калитка были заперты. Алексей перелез через забор. В федосовском саду было, как всегда, тихо. Ветер улегся к вечеру. Под ногами тонко похрустывали опавшие листья. Возле дома ни шороха, ни звука.

«Затаились,— подумал Алексей,— ждут».

Он взбежал на заднее крыльцо. Дверь была заперта на висячий замок. Алексей соскочил с крыльца и, задрав голову, посмотрел на Динино окно. Оно было плотно закрыто ставнями. И тут он заметил, что в доме заложены все окна. Еще не понимая, что это значит, Алексей оглянулся по сторонам и увидел запертый курятник, пудовый замок на дверях сарая, а на крышке круглого выложенного кирпичами колодца — же-

лезную щеколду, прикрученную толстой проволокой. Что за черт!..

Алексей забарабанил кулаками в ставню.

Тишина.

«Погреб! — мелькнуло в голове.— Спрятались в погреб!»

Сквозь кусты, напролом, похолодев от тревоги, он бросился к малиннику позади беседки.

Дверь погреба была распахнута настежь. У порога подсыхали выплеснутые на землю остатки бобового супа, валялись какие-то тряпки.

Алексей крикнул:

— Эй, кто здесь?

Никто не отозвался. Голос потонул в глухой черноте подземелья.

Алексей сбегал вниз по лестнице, нашарил в кармане спички, чиркнул, вспыхнул огонек.

Погреб был пуст, и только голые топчаны, брошенный на полу тулуп да разбитая бутылка напоминали о жившем здесь Маркове.

Алексей осмотрел все углы, зачем-то даже сдвинул с места кадку с солеными огурцами, и лишь тогда до него в полной мере дошло, как велика постигшая его неудача. Удрали! Все удрали — и Марков, и Дина, и даже родителей ее увели! Почему? Что случилось? Узнали правду про него? Но как, от кого? Где их теперь искать? Все, казалось, было так тщательно продумано, подготовлено и на вот!..

Алексей присел на край кадушки, ошарашенно провел рукой по лицу. Что теперь делать?

Свет, лившийся сверху из распахнутой двери, внезапно померк. Кто-то остановился у входа. Алексей подумал, что это Володя Храмзов, не дождавшись сигнала, уже занял двор, и хотел

было окликнуть его, но тут раздался знакомый писклявый голос:

— Ну-ка вылазь!

Прыгая через две ступеньки, Алексей бросился наверх.

Наверно, никому и никогда еще вид толстого и безбородого Севиного лица с широким, как картофельная нашлапка, носом и черными от угрей ноздрями не доставлял такой радости, как Алексею. В одно мгновение к нему вернулась надежда: раз Сева здесь, значит, и остальные поблизости!

Сева стоял напротив входа, держа в руке большой многозарядный кольт.

— А я думаю, ты или не ты? — проговорил он, настороженно разглядывая Алексея своими маленькими глазками в красноватых веках. — Как сюда попал?

— Где Марков? — крикнул Алексей.

— Марков? — как будто даже удивился Сева. — А на кой тебе Маркова?

— На кой, на кой! После будешь спрашивать! Где он?

— Где надо, там и есть.

— Не финти, сволочь! Веди к нему живо!

— Да что случилось? Постой! Ты ведь должен был... Почему ты здесь?

Нельзя было давать Севе время на размышления. Сжав кулаки, Алексей закричал:

— Да говори ж ты, черт! Все можем завалить! Где он?

— Почем же я знаю... — озадаченно проговорил Сева. — Он еще с ночи на Выселки подался.

— Куда?!

— На Выселки. Верст двенадцать отсюда. А

сейчас уже поближе где-нибудь. Как рванет штаб, так он со Смагиным будет тут...

Вот оно что! Значит, к моменту взрыва приурочено нападение бандитов на Алешки! Хитро придумано: войска стянуты на передовую в предвиденье контраступления белых, в городе только один резервный батальон. Но Маркова еще можно накрыть, если удастся ликвидировать банду!..

— По какой дороге они пойдут? — спросил Алексей с таким видом, словно от Севиного ответа зависел успех всего дела.

— Кажись, через станцию, — растерянно ответил Сева.

— А где Дина? — продолжал спрашивать Алексей, не давая ему опомниться.

— На острове отсиживается. Марков велел отвезти ее туда со стариками и сидеть ждать, а она меня... Да скажи ж ты, бога ради, что стряслось?

— Стряслось-стряслось! — передразнил его Алексей, лихорадочно обдумывая, что теперь предпринять. Севу надо было обезвредить. Проще всего выбрать момент и пристрелить. Но он знает явки...

И вдруг придумал...

— Все пропало, вот что случилось! — выпалил он.

У Севы отвисла губа.

— К-как, пропало?

— Вот так вот! Иди сюда, увидишь!

Алексей подскочил к погребу, махнул Севе рукой, чтоб тот следовал за ним, и нырнул вниз.

Сева в нерешительности задержался у входа.

— Что встал! Иди скорей! — торопил его Алексей. — У тебя спички есть?

— Есть...

— Свети!

Сева зажег спичку, для чего ему пришлось зажать парабеллум под мышкой, и спустился на несколько ступенек.

— Видишь теперь?

— Не-е...— проговорил Сева, с опаской всматриваясь в темноту погреба.

— Мерин слепой! — выругался Алексей. — Смотри лучше!

Он пропустил Севу вперед и, когда тот очутился одной ступенькой ниже его, схватившись руками за стены, изо всей силы пнул ногой по ниже поясицы.

Сева загремел вниз по лестнице.

Выбравшись наружу, Алексей захлопнул дверь и щелкнул задвижкой.

В погребе благим матом заорал Сева, осознавший свою роковую оплошность. Алексей сунул пальцы в рот и свистнул, приседая от натуги.

Сева громил кулаками дубовую дверь.

— Открой, гад! — вопил он, изрыгая несусветную матерщину. — Открой, матери твоей черт!.. Убью, сволочь!..

— Посиди пока! — тяжело дыша, ответил Алексей. — Скоро выпустим...

Ему пришлось отскочить в сторону: Сева выстрелил в дверь. Пуля, брызнув мелкой щепой, пробила доску и чиркнула где-то рядом. Сева выстрелил еще раз.

— Стреляй, стреляй! — сказал Алексей. — Ничего...

Но выстрелы в закрытом подземелье, видимо, оглушили бандита. Сева замолчал и спустился вниз: было слышно, как он затопал по лестнице.

— Сюда! — крикнул Алексей.
К нему бежали чекисты.

Ликвидация явочной квартиры на постоялом дворе надолго стяжала Илларионову славу лучшего оперативника.

У ворот постоялого двора по мосткам, перекинутым через канаву, прохаживался молодой кудлатый хлопец в просторной кацавейке, подозрительно оттопыривавшейся на груди.

Снял его Воронько. Проходя один мимо хлопца, он спросил огоньку прикурить. Хлопец адресовал его к покойной матери.

— Чего ты лаешься! — с упреком сказал Воронько, останавливаясь на мостках. — Помоложе ведь, кажись.

— Иди, батя, своей дорогой, — посоветовал хлопец, — а то не дойдешь!

Воронько сокрушенно промолвил:

— Невежливый ты какой-то... — и боцманским своим кулаком въехал парню в челюсть.

Не успел тот прийти в себя, как его скрутили, отняли спрятанный за пазухой обрез, и красноармейцы в полной тишине заняли двор.

Хлопец оказался просто клад. Поняв, с кем

имеет дело, он перетрусил до икоты и по первому же слову Илларионова согласился на что угодно, лишь бы уцелеть. Подталкивая его наганом в спину, Илларионов привел парня на крыльцо и велел спокойненько вызвать хозяина. Когда тот вышел, его хлопнули рукояткой револьвера по темени, зажали рот и упрятали отлеживаться в отхожее место. Затем бывший дозорный таким же порядком вызвал еще двух бандитов «посурьезней», и их отправили туда же, куда и хозяина.

Остальное произошло просто и не без эффекта, на который Илларионов был мастак.

У окон встали красноармейцы. Воронько заблокировал дверь, выходящую на задворки. Илларионов с четырьмя бойцами вошел в дом.

Стрельбы почти не было. Только один полупьяный старичок с проваленным носом выпалил в Илларионова из браунинга, оцарапав ему пулей щеку. Старичка обезвредили. Остальные восемь вооруженных бандитов без сопротивления подняли руки.

Илларионову забинтовали голову, и он тут же, за обеденным столом, допросил бывшего дозорного. Хлопец без задержки поведал, что выступить они должны были по взрыву, что в то же самое время в город ворвутся смагинцы (откуда — он не знал) и что из всех арестованных только один хозяин, Хвыля, знает, кажется, городские явки Крученого. Но допрос Хвыли пришлось на время отложить, как сказал Воронько, «по состоянию здоровья».

Связанных бандитов повели в штаб...

Вся операция была проведена при солнечном свете, заняла меньше часу и закончилась еще до того, как ударил взрыв.

Да, взрыв все-таки произошел. Комендант, поразмыслив, решил не искушать судьбу, отнес мину за город и не стал копать в ее опасном механизме. Мина сработала в девятнадцать часов тридцать пять минут. Взорвалось не меньше 25 фунтов динамита. Такого грохота здесь еще не слышали. В самых отдаленных кварталах Алешек задребезжали оконные стекла.

А немного спустя на дороге, ведущей к городу, зачастили, захлебываясь и перебивая друг друга, пулеметные очереди.

...Братья Смагины мчались на Алешки, уверенные, что застанут красных врасплох, что в городе паника и неразбериха после взрыва, уничтожившего штаб, что нет сейчас в Алешках такой силы, которая могла бы противостоять их лихому остервенелому налету.

У Саковнина не было времени продумать и организовать засаду так, чтобы в этот сентябрьский вечер банда братьев Смагиных закончила свое существование. Поздно предупрежденный Алексеем, он успел только выслать навстречу ей имевшиеся в его распоряжении две стрелковые роты и выставить пулеметный заслон.

Наткнувшись на них у городской заставы, банда не приняла боя. Едва заработали пулеметы, едва из палисадников грянули залпы красноармейских винтовок, едва кувыркнулись через конские шеи первые всадники, как смагинцы повернули лошадей и стали уходить. Пыль коричневым облаком вспухла над дорогой, и из нее брызнули неприцельные ответные выстрелы. А когда пыль рассеялась, на дороге валялось больше десятка трупов и в канаве торчком на боку лежала тачанка, у которой при развороте

отлетело колесо. Рядом билась лошадь с переломанными ногами. На двух других лошадях, обрезав постромки, улепетывали возничие, а за ними, хромя, бежал спешенный бандит, у которого вырвалась ошалевшая лошадь, стрелял в воздух и слезно молил «братиков» не покидать. Убедившись, что помощи ждать не приходится, он залег на пригорке и долго отчаянно отстреливался, убив двух красноармейцев и тяжело ранив командира взвода...

...Ничего этого Алексей не видел.

Оставив Храмзова обыскивать федосовский дом и добывать Севу из погреба, Алексей, стремглав, помчался в штаб, чтобы предупредить Саковнина о предстоящем налете. Начальник штаба послал его к Величко на рынок с приказом отправить людей к городской заставе, а самому немедленно явиться в штаб.

Когда Алексей доложил о печальных результатах облавы у Федосовой и попросил разрешения вместе с особоотдельцами идти встречать банду, Величко разнес его непечатно.

— Без тебя обойдусь! Крученого упустил, теперь и девку хочешь? Марш за Федосовой! Без нее не возвращайся!

Алексей вернулся на Портовую. Сева все еще отсиживался в погребе и в переговоры с чекистами не вступал, думая, очевидно, дожидаться прихода своих. Володя показал Алексею найденные в подвале федосовского дома толовые шашки и обрывки телефонных проводов: кто-то из Дининых друзей систематически рвал нашу связь.

Приказав продолжать обыск, Алексей спустился к купальне. Возле нее покачивался на воде вме-

стителный рыбацкий дубок, на котором приехал Сева.

Алексей отвязал лодку и один отправился на остров...

ЗА ДИНОЙ

Взрыв он услышал, когда проезжал мимо пристани. Над плавнями горел красный предветренный закат, тихонько покачивались ивы, уже заметно подпаленные осенью; тень от них наплывала на реку. Алексею показалось, будто ивы, и холодная речная гладь, и красные облака, и прибрежные домики — все дрогнуло, сместилось, как от толчка, и потеряло устойчивость. Люди на дебаркадере засуетились.

Алексей прислушался к медленно оседающему гулу разрыва, пытаясь угадать, где рвануло. Он зябко свел лопатки, когда подумал, что этот взрыв предназначался для штаба, расположенного в тесном окружении жилых домов, и что сам он, по замыслу Маркова, должен был находиться там. И Дина знала об этом?..

...Алексей проехал мимо песчаной отмели, на которой высаживался в прошлый раз, и причалил в тихой заводи, где камыши росли пореже. Вылез на берег и, достав револьвер, пошел искать хижину.

В зарослях скапливались вечерние сумерки. Плавни размякли от недавних дождей, влажный мох причмокивал и глубоко оседал под сапогами. Он продвигался медленно, на ощупь, выбирая твердую почву. Иногда Алексей оступался, и ноги по колено уходили в топкую грязь.

Послышались голоса. Алексей остановился. Голоса раздавались чуть сзади и как будто сверху. Слева тянулся низкий, в полроста, обрывистый склон овражка, густо поросший молодым ивня-

ком. Схватившись за куст, Алексей взобрался наверх, прошел несколько метров и увидел заднюю стену хижины. В хижине разговаривали.

С минуту он стоял, стараясь по голосам определить, сколько там человек. Вот заскрипел недовольный баритон папаши Федосова. Ему громко и повелительно ответила Дина. Она сказала:

— Откуда ж я знаю! И оставьте меня в покое!..

Потом долго брюзгливо говорила женщина, должно быть, мать. Других голосов не было. Сева, кажется, не обманул: кроме него, никто Федосовых не охранял.

— Ох, и надоели! — с досадой сказала Дина. — Господи, до чего надоели!.. — (Было слышно, как она встала, задев какой-то гулкий предмет, похоже — ящик.) — Сидите, не высывайтесь, я сейчас вернусь...

На противоположной стороне хижины стукнула дверь. Дина быстро пошла по тропинке, Алексей хорошо знал ее шаги.

Бесшумно раздвигая ветки, он обошел хижину и, скрытый кустарником, увидел, как Дина остановилась возле широкого старого пня и, сначала потрогав ногой, легко взобралась на него.

Она была в том самом коричневом платье, в каком являлась на работу (видно, второпях не успела переодеться), на плечах клетчатый кашемировый полушалок, ноги в высоких, до середины икр, шнурованных ботинках...

Что ни говори, а девятнадцать лет от роду — это немного даже для чекиста! Минуты шли, а Алексей все не двигался с места...

Вскинув красивую голову, Дина стояла неподвижно на широком пне. Ветерок шевелил ее отливающую начищенной медью, чуть встрепанную

косу, прижимал платье к высоким ногам, и вся ее тоненькая фигурка казалась на ветру напряженной, как струна.

Дина к чему-то прислушивалась...

И тут сквозь шелест деревьев Алексей различил далекий невнятный шум, похожий на хруст валежника. Это были выстрелы — то пачками, то долгой пулеметной строкой, то сбивчиво и густо, словно вдалеке кто-то яростно разламывал ногами сухие ветки.

«Смагины! — пронеслось в голове. — У заставы бой!..»

И уже не колеблясь, стиснув челюсти, Алексей шагнул на тропинку.

Вскрикнув, Дина обернулась...

Он ожидал растерянности, остановившихся от ужаса глаз, жалких несвязных оправданий... Ничего подобного!

— Алеша!

Спрыгнув с пня, она точно по воздуху перелетела разделявшее их расстояние, с ходу обняла, прижалась, потом, отпрянув, схватила за руки, не замечая даже, что в одной из них он продолжает сжимать наган.

— Алеша, вы! Милый!.. Он успел вас предупредить. Я ведь места себе не находила! Алеша, вы герой! Я все слышала!..

Самой искренней неподдельной радостью светилось ее лицо, глаза, вся она, возбужденная и торжествующая.

«Успел предупредить?.. Значит, с ним не собирались расправляться? По крайней мере, так думала Дина. Значит, перед ним-то, во всяком случае, она ни в чем не виновата!..»

Сбитый с толку Алексей растерянно молчал.

— Какое дело провели, ах, какое дело! — го-

ворила Дина, тормоша его за рукав френча.—
Ведь только подумать: штаб! Это самый большой успех за все время! И все вы, вы, Алеша! Сначала карта, теперь это! Вы — моя гордость, это я вас нашла!.. И ведь еще не конец! Слушайте! Слушайте, что там творится! Наши уже, наверно, в городе!

Она зачем-то потащила Алексея к тому пню, на котором только что стояла.

— Слышите?

И лишь теперь, глядя на ее восторженное лицо, Алексей почувствовал, как в нем растет, подстужает к горлу нестерпимая злоба к этой девице с ее звериной радостью оттого, что по ее вине погибли, как ей показалось, десятки людей — его, Алексея, боевые товарищи. Это их гибель наполнила ее праздничным волнением, навела румянец на щеки, счастливым блеском зажгла глаза. Контра! Убежденная контра!

Если бы Дина была немного внимательнее, она все это прочитала бы на его лице. Но ей было не до того. Она капризно топнула ногой:

— Я больше не могу здесь сидеть! Не могу! Везите меня туда! Пойдите, а где Сева?

— Он там остался, ждет.

— Поехали! Немедленно поехали!

— Что ж, — проговорил Алексей, засовывая наган в кобуру, — со своими попрощаетесь?

— Не надо, начнутся истерики. Ничего с ними не будет!

— Ну, идите за мной!..

Напрямик через болото они пробрались к заводу, где стояла лодка. Дина устроилась на корме. Алексей толкнул дубок, залез в него и вывел на широкую воду. Дубок медленно двинулся против течения.

Теперь они сидели друг против друга. Алексей, морщась от усилия, ворочал веслами, Дина говорила не переставая:

— Как я ждала вас, боже мой! Если бы вы знали, как я думала о вас все это время, вы бы загордились, Алеша! Ужасно, что они заставили меня уехать! Я должна была остаться дома, неизвестность куда хуже любой опасности! Ну, расскажите, как Сева нашел вас? Знаете, я начинаю лучше о нем думать! У этого подонка нет ничего святого. Я говорю: если ты не предупредишь Михалева, я заставлю Виктора расправиться с тобой, как ты того заслуживаешь! Он понял, что я не шучу, и пошел. Но разве я могла быть уверена, что у него хватит смелости искать вас в штабе? Я думала: пусть лучше этого мерзавца поймают, лишь бы вас спасти! Вы понимаете, Алеша, они ведь и от меня скрыли, на когда назначен взрыв! Сева сказал об этом только на острове. Я чуть с ума не сошла! Я и уезжать-то сюда не хотела. И все из-за вас. Он меня уговорил, дескать, Михалев не ребенок, придет на Портовую, увидит, что никого нет, и сам сумеет спрятаться до прихода наших!..

Алексей придержал весла.

— Я ведь не знал, что готовится налет.

— Да, да, верно,— виновато сказала Дина,— это была ошибка, что вас не предупредили. Но Виктор такой скрытный! Он взял с меня клятву, что я не обмолвлюсь ни словом... Алеша, на него нельзя сердиться! — примирительно добавила она.— Он ведь человек дела, вы сами должны понять. Готовилась такая операция! Сейчас я вам все расскажу, теперь можно. Он специально связался со Смагиными... Вам, по-видимому, неизвестно, что отряд Смагиных действует не здесь, а

за Днепром, у Большой Александровки. Там их район. Виктор буквально заставил их переправиться сюда. Это было нелегко, поверьте мне! Отряды, вроде смагинских, не любят отрываться от своих мест. Там им все знакомо... А Виктор заставил! У него удивительная сила воли. Но они выдвинули условие, чтобы все было подготовлено на совесть. Вот он и старался, нервничал, скрывал... Алеша, куда вы едете?

Алексей направил лодку мимо «проезжего» рукава Конки.

— Обогнем тот островок, пусть поуспокоится в городе, сейчас там опасно,— объяснил он.

На самом же деле его беспокоило другое: стрельба у заставы не утихала, и он не мог понять, как там разворачиваются события. А вдруг смагинцам все-таки удалось прорваться? Это, правда, было маловероятно, однако рисковать он не хотел. Надо было выиграть хоть полчаса, пока совсем стемнеет, и убедиться, что Смагины отбиты. В противном случае везти Дину прямо в Херсон...

— Не глупите, Алеша! — сдвигая брови, сказала Дина.

— Нельзя! А что, если наших отбили?

— Это невозможно! Я себе представляю, какая у красных паника! Они, наверно, очухаться не могут, не то что сопротивляться. Ведь в городе почти не осталось войск!

— Так-то так, а все-таки... По крайней мере, переждем где-нибудь здесь...

— А я говорю, поезжайте прямо!

Но Алексей уже гнал дубок к плавням. Метрах в ста от того места, где его когда-то нашел Володя Храмов, он врезался в камыши.

— Немедленно выбирайтесь отсюда! — рассердилась Дина. — Я не желаю ждать ни минуты!

— Слушайте, — хмуро сказал Алексей, — сейчас я отвечаю за вас!

Сминая камыш, он развернул лодку так, чтобы с носовой банки была видна пристань.

— Зачем вы увезли меня с острова? — Дина сшибла кулачки костяшками пальцев; они сухо стукнули. — Зачем вы это сделали? Здесь время терять?

— Сейчас поедem. Тише!

Алексей уже понял, что смагинцев отбили: перестрелка стала затихать и как будто отдалилась. Вполне можно было ехать дальше. Но на уме у него было другое. Пока Дина ни о чем не догадывалась, он хотел еще кое-что выяснить...

Он подобрался к ней поближе.

— Потерпите немного, — сказал успокоительно. — Осторожность не мешает... Я, кстати, хотел у вас спросить об одной вещи...

— Алеша, поедemте! — попросила Дина.

— Сейчас. Дина, кто тот человек, который привез вам машину, полный такой? Что-то знакомое...

— Тот, что приезжал на почту? Вы же говорили, что первый раз его видите!

— Правильно, говорил. И соврал... (У нее удивленно взлетели ресницы.) Да, соврал, сам не знаю, почему. Как его фамилия?

— Да зачем это вам?

— Я объясню...

Охваченная внезапным подозрением, она медленно покачала головой:

— Не знаю...

— Ладно, я сам скажу, только не скрывайте, если правильно, могло ведь и показаться. Помните, я вам рассказывал, что у меня есть сестра,

которую я не нашел в Херсоне. Ее зовут Екатерина, Катя... Она замужем. Ее муж — Глущенко, Павел Никодимович, — с усилием вытолкнул Алексей последние слова.

По мере того как он говорил, Динины брови поднимались все выше и выше.

— Вы шутите!

— Нет, не шучу.

— Батюшки мои! Алеша, что же вы мне раньше не сказали! Ну, конечно, это Глущенко! Надо же такое совпадение!..

Странное это было существо! От возможности сообщить ему приятную новость, она, казалось, забыла даже о своем желании немедленно ехать дальше.

— С ума можно сойти! Почему вы молчали? Вы — родственник Глущенко! Да ведь для вас это самая лучшая рекомендация!

Алексей угрюмо хмыкнул.

Ничего не замечая, она оживленно продолжала:

— Я бы уже давно могла вас свести! Впрочем, что я говорю, откуда вам было знать! Глущенко — абсолютно наш человек, испытанный, верный! Он очень много сделал для общего дела. Ведь это через него мы все время поддерживаем связь с Крымом! В прошлом году он участвовал в организации повстанческого украинского отряда — он ведь по убеждениям «жовто-блакитный» — в районе Екатеринослава. Их разбили, и он перебрался сюда...

«Ишь, как развернулся родственничек! — подумал Алексей. — Кто бы мог предположить!..»

А Дина продолжала выкладывать о нем все новые и новые сведения.

— Он купил дом на хуторе верстах в десяти от Алешек. Место укромное, далеко от дорог.

У него ведь главная явка для тех, кто приходит оттуда, из-за фронта!.. Алеша, да ведь я и сестру вашу знаю! Ну, конечно, знаю! Она приезжала к нам, привозила продукты. Подумать только — это ваша сестра! Такая милая, скромная!

— Здорова?

— По-моему, да. Хотя на вид немножко болезненная.

— Всегда такая была, — хрипло проговорил Алексей.

У него спазмой перехватило горло. «Ай, Катя, сестренка... Вот как все повернулось!..»

— Вы их теперь скоро увидите, — сказала Дина. — Какая радость будет для нее!

У Алексея такой уверенности не было.

Дина схватилась за его колено.

— Алеша, слушайте!

— Что?

— Почему так тихо?

Он прислушался. Перестрелка кончилась. Ветер шумел в плавнях, качал камыши да под доской, положенной на выступающие лодочные ребра, плескалась на дне вода...

Тишина могла означать только одно: смагинцев отогнали. Какой оголтелой стрельбой на улицах, гиканьем, взрывами без толку разбрасываемых гранат возвестили бы торжествующие бандиты о своей победе!

Алексей перелез к носовой банке, посмотрел на пристань. Там мирно горели фонари. В окнах домов зажигались огни. В городе все было спокойно.

Алексей обернулся и глухо сказал:

— Плохо, Дина. Кажется, наших отбили!

— Вы с ума сошли!

Он развел руками.

В сгустившихся сумерках Динино лицо виднелось расплывчатым белым пятном с черными провалами глазниц.

С минуту они молчали.

— Поедемте! — сказала Дина.

— Куда?

— Назад, к моим...

— А дальше?

Она не ответила. Дрожащими руками набросила платок, хотела завязать, но пальцы не слушались, уронила руки на колени.

— А дальше что? — повторил Алексей, перебираясь на корму. — Домой вам возвращаться нельзя. Если кого-нибудь захватили, вас могут выдать.

Она замотала головой.

— Нет, нет, только не туда!

— Куда же? Как вы условились с Марковым? Неужели он не подумал, что возможна неудача? Или он велел ждать на острове? Может быть, он сам хотел за вами приехать?

Она проговорила, как бы собираясь с мыслями:

— Нет... Мы условились... Сева должен был... Где Сева? Поедемте скорее назад: может быть, он вернулся!

— Нет, мы бы его не пропустили, другой дороги нету. Да он и не вернется. Он поручил мне вас охранять.

— Что же делать! — с отчаянием проговорила она и взялась руками за щеки. — Что же делать, где его теперь искать?

— Да говорите же, как вы условились? — крикнул Алексей, встряхивая ее за плечо.

— Сева должен был отвезти нас... с папой и мамой... в Степино. Там будет Виктор...

— Когда?

— Завтра ночью. Он сказал: если что случится, дождитесь утра на острове. Сева достанет лошадей...

— А где Степино, вы знаете?

— Нет...

Выдернув из уключины весло, Алексей уперся им в вязкое дно и вытолкнул дубок из камышей. Усевшись плотней, наладил весла и сильным гребком повернул лодку к пристани.

— Куда вы?

— В город.

— Зачем?..

— Спрячу вас, потом съезжу за вашими родителями. Сидите тихо. Я знаю, что делаю!

Она как-то сразу поверила и съежилась на корме, со страхом глядя на приближающиеся пристанские огни.

Алексей причалил к отлогому водовозному спуску рядом с пристанью. Их окликнули:

— Эй, кто там? — и с высокого пассажирского трапа прыгнули двое с винтовками и фонарем.

— Стойте здесь, Дина, не трогайтесь с места! — приказал Алексей и пошел навстречу красноармейцам.

Он предъявил свой чекистский мандат. Красноармейцы по очереди прочитали его. Один из них стал было спрашивать, откуда едет, с кем, по какой надобности. Алексей зло пробормотал:

— Зайди завтра в Чека, я тебе доложу!

— Брось, я его знаю,— сказал второй красноармеец и протянул мандат Алексею.— Иди, товарищ Михалев, порядок. Не обижайся, сам понимаешь, какой денек.

— Что там было, расскажи?

— Что было! — с охотой отозвался красноармеец.— Бандюков налетела куча! Бонбу взорвали в ямах за Алешками, жажнуло так, небось в Херсоне было слышно...

— Ну, ну!

— Вот. Это они для отвода внимательности, сами-то со станции вдарили. Ну и турнули их, аж пыль столбом!

— Пленных взяли?

— Одного, вроде, точно не скажу...

Алексей вернулся к Дине. Она ждала его в тени маячного столба, сгорбившись, до глаз запахнувшись в полушалок.

Они пошли в обход, минуя Портовую. Им долго никто не попадался навстречу. Городок, напуганный событиями, затих, притаился.

Только по центральной улице, сбивстрой, оживленно переговариваясь, шли с заставы красноармейцы.

Взяв Дину за плечи, Алексей вывел ее к целому и невредимому зданию штаба...

Мимо удивленно расступившихся бойцов, мимо часовых, по длинному гимназическому коридору, где было чадно от больших масляных светильников, через уставленную столами штабную канцелярию он почти на руках протащил бьющуюся, кричащую от ужаса женщину. Кто-то помог внести ее в комнату Саковнина.

Когда Алексей разжал руки, она опустилась на пол, отползла к стене и прижалась к ней спиной. Платок ее упал, коса расплелась, платье было сбито, и что-то знакомое, однажды виденное на миг почудилось Алексею...

Взглядом, в котором не было ничего разумного, она обвела стоявших перед нею людей.

— Федосова? — спросил Величко.

— Она, — тяжело дыша, ответил Алексей.

При звуке его голоса Федосова дернулась, как от электрического удара, и вдруг, не сводя с Алексея побелевших, иссушенных ненавистью глаз, начала лихорадочно шарить на груди под платьем. Стоявший рядом Туляковский успел вырвать у нее маленький, блестящий и в общем неопасный дамский револьвер системы «бульдог».

Тогда она заплакала, кусая костяшки пальцев.

— Уведите, — сказал Величко морщась.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
В СТЕПИ ПОД ХЕРСОНОМ

НАДО ЕХАТЬ!

Теперь было впору, как два года назад, уйти куда-нибудь, лечь, уткнуться, не думать ни о чем, дать отдых напряженным, взбудораженным нервам. Но уходить было некогда и некуда. И время было не то, и не тот был Лешка Михалев...

Надо было позаботиться, чтобы кто-нибудь съездил на остров за стариками Федосовыми. Потом обыскивали и размещали арестованных...

Когда все было сделано, в Особом отделе со-

стоялось короткое совещание. Алексей рассказал об аресте Дины и добытых у нее сведениях, в том числе и о Глущенко. Его родство с контрреволюционным заговорщиком никого не удивило: сплошь и рядом по разные стороны фронта, в смертельно враждующих лагерях оказывались родные братья, отцы и сыновья, не то что какой-то там сестрин муж...

Храмзов доложил о результатах обыска у Федосовых и о том, как был взят Сева, который после часовой осады, осознав провал марковской авантюры, сам вылез из погреба и, ничтоже сумяшеся, заявил Храмзову, что, поскольку его «продали, он этим сучим хвостам отплатит!» — и тут же выдал пять явок Крученого.

Последним говорил Илларионов. Нахмуренный, забинтованный сверх необходимости, он в сильных и красочных выражениях описал облаву на постоялом дворе и затем без перехода обрушился на Алексея.

Упущен Крученый — главный руководитель контрреволюционного подполья — кто в этом повинен? Он не станет называть фамилии, но считает своим долгом указать: вот к чему приводят в оперативной работе несвоевременные эксперименты! Все, несомненно, было бы иначе, если бы ему, Илларионову, не ставили палки в колеса. Крученый давно уже сидел бы в изоляторе Херсонской ЧК, вместо того, чтобы шлындраить сейчас по степи и затевать новую авантюру. Пусть этот провал послужит уроком некоторым излишне самоуверенным чекистам, которые пытаются домашними средствами заменить опыт и железную последовательность оперативных мероприятий.

— Ты бы без ехидства! — не выдержал Воронько. — Провал, провал! Никакого провала

нету! А что не по-твоему, так ты и ершишься. Крученный! Конечно, Крученный... Ты бы его прибрал, а остальных по сторонам!

— Никуда б они не делись! Да если хотите знать,— разгорячился Илларионов,— так одна эта личность стоит всех других скопом! Завтра он еще столько же наберет, и начинай все сначала!

— Что упустили Крученого, конечно, оплошка,— сказал Величко,— но раздувать ее нечего. Без сучка, без задоринки ни одна операция не проходит. А насчет твоей железной последовательности, Илларионов, так она известна: хватай кого ни попадя, авось угадаешь! Тоже не способ... И ты, Михалев, не думай: я тебя защищать не собираюсь. Главного не сделал. Ехал ловить Крученого, а его-то и проворонил. Хорош...

— Проруха и на старух бывает,— снова вступился за Алексея Воронько,— а Михалев молодой!

Почерневший за день и весь точно подсохший, Алексей сказал:

— Крученого еще не поздно взять. Дайте мне отряд, я его в Степино накрою.

— Отряд! Где я тебе возьму отряд?

— Пусть Саковнин выделит. А не выделит, так надо всей опергруппой ехать.

— Пошли к Саковнину,— сказал Величко вставая.— А вы, товарищи, начинайте допросы. Завтра будем помаленьку переправлять арестованных в Херсон...

Саковнин обещал помочь, но утро опрокинуло все планы. На рассвете в степи загрохотали пушки: началось контрнаступление белых. Резервные части, находившиеся в распоряжении Саков-

нина, ушли на передовую, да и весь штаб вместе с Особым отделом снялся с места и отправился туда же. Белые нажали крепко. Величко был вынужден поспешить с эвакуацией арестованных. Набралось их около пятидесяти человек. Транспорта не было. Пароход из Херсона не пришел. Решили взять шаланды у алешкинских рыбаков.

О том, чтобы выделить людей для облавы на Маркова, теперь не могло быть и речи.

Алексей разыскал Величко в рыбацкой слободке, где он, Воронько и Илларионов выдавали расписки на мобилизованные шаланды.

— Что же будет, товарищ Величко?

— Ты о Крученом? Сам видишь, какое положение. Придется отложить.

— Откладывать нельзя! Они с Федосовой условились на сегодня. Завтра будет уже поздно!

Величко неожиданно вспылал:

— Что же прикажешь делать? Бросить арестованных, пусть разбегаются? Людей нет! Самим на весла придется сесть, чтобы эту шваль с удобствами доставить. Вовремя надо было думать! Теперь — что! На коне не усидел, за хвост не удержишься!

Илларионов усмехнулся. Воронько молчал, топорщил усы.

— Отпустите со мной Храмзова, — попросил Алексей, — мы сами справимся.

— Храмзова! Да Храмзов ночью еще укатил на катере в Херсон с рапортом.

— Тогда я один поеду!

— Что ты сможешь, один-то!

— Смогу! Не поймаю, так пристрелю!..

Величко сбоку, искоса, посмотрел на Алексея.

— Кончай болтовню! Не верю я в это дело.

Тут заговорил Воронько:

— Знаешь, Величко, я бы сам с ним поехал, дело-то стоит того. Одному туго придется, в два человека, что ни говори, легче. А?

О лучшем спутнике Алексей и мечтать не мог. Он с надеждой посмотрел на Величко.

Тот подумал, пожмурил умные, утомленные от недосыпания глаза.

— Черт с вами, поезжайте!

...Надо было узнать дорогу на Степино и раздобыть верховых лошадей или на худой конец телегу. Они пошли к Марусе.

Маруся и ее заплаканная глухая тетка укладывали в крашеный, обитый узорной жестью сундучок немудреное Марусино приданое — всякую полотняную мелочь. Маруся просияла, увидев Алексея и Воронько, и радостно сообщила, что ее переводят в Херсон, что Величко сказал: «Хватит, насиделась тут, в Херсоне тоже занятие найдется», и что она поедет вместе со всеми — для нее будет местечко на одной из шаланд. Но когда она узнала, зачем они пришли, ее намерения моментально изменились. Она тут же изъявила готовность их сопровождать и заметно обиделась, когда Воронько решительно и безоговорочно отверг ее услуги. Дело, сказал он, опасное, не женское, что там будет — неизвестно, и возиться с нею недосуг...

Достать лошадей оказалось нелегко. Выручил снова дядя Селемчук, к которому повела их Маруся.

Этот спасительный дядя Селемчук, — Алексей наконец-то увидел его, — был саженного роста старик, сплетенный из крепких узловатых сухожилый, костистый, с запавшей грудью и негнущейся спиной. Он сказал, что, у кого в самих Алеш-

ках есть сейчас лошади, он не знает, но верстах в трех — четырех от города живет его кум, у которого есть меринок и таратайка.

— Пойдем до кума,— предложил он,— вин не откаже.

У городской заставы они простились с Марусей. Девушка придержала Алексея за руку.

— Ты смотри там,— сказала она, глядя в подбородок Алексею,— поосторожней все-таки...

— А что?

— Ничего. Так. Но вообще...— И на миг подняв к нему покрасневшее лицо, повернулась и пошла обратно какой-то несвойственной ей напряженной походкой.

Алексей несколько раз удивленно оглядывался и смотрел ей в след. А Воронько, краем уха уловивший их разговор, сказал вполголоса, чтобы не слышал дядя Селемчук:

— Дивчина-то к тебе того... присохла.

— Скажете!

— Точно! Я в таких вещах не ошибусь.— И, помолчав, добавил рассудительно: — А что? Очень даже симпатичная дивчина, самостоятельная.

Алексей отмахнулся. Но всю дорогу до станции он с непонятым волнением думал о Марусе, вспоминал ее лицо с ямочкой на правой щеке и маленьким ртом, у которого верхняя губа была тоненькая, а нижняя — пухлая...

Кум дяди Селемчука, Аггей Васильевич Кучеренко, хмурый и плешивый, с носом, похожим на губку, так он был изъеден оспой, согласился отвезти их до Степино, но ждать сутки или двое, пока они управятся с делами, отказался наотрез.

— Я еще засветло назад вернусь,— сказал он.— Непокойно стало. Вчера вон банда нале-

тала, нынче, верно бродит окрест. А Степино, знаешь, что за место? Там бандюков видимо-невидимо, вся округа кишит!

— Ладно,— сказал Воронько,— нехай в один конец. На обратно сами лошадей добудем, нет — конфискуем у какого-нибудь кулачины.

Через полчаса они выехали. День был ветреный, но теплый. По небу суетливо бежали облака, точно спешили куда-то к месту осеннего сбора.

Недолго ехали степью, где шелест стоял от обожженных солнцем ковылей. Ветер подметал дорогу, относил пыль в сторону, и она широкой мгlistой пеленой повисала над суходолами. Потом дорога пошла вдоль реки, то отдаляясь от нее, то спускаясь к самому берегу, заросшему высокими и редкими кустами ивняка.

Деревеньки и хутора Кучеренко объезжал. Вел он себя беспокойно, встречи с бандитами боялся до дурноты. Несмотря на внешнюю хмурость, был словоохотлив и всю дорогу рассказывал о бандитских расправах с теми, кто держится Советской власти. Таких историй он наслушался пропасть. А совсем недавно к нему на жительство с гуляйпольского района перебралась овдовевшая сестра. Муж ее служил в Красной Армии, был ранен и отпущен домой. Места там махновские, кругом кулачье. Бывшего красноармейца чурались, как прокаженного. А как-то днем в хату зашли двое — оба в красных галифе, оружием увешаны до зубов. Спросили, где хозяин. Сестра Кучеренко ответила, что хозяин в поле. Они строго приказали ей из хаты никуда не выходить и остались ждать. Потом велели собрать на стол. Чужая беда и надеясь задобрить страшных гостей, она выложила им все, что было в доме, и даже полбутылки самогону достала. Только

что принялись за еду, вернулся муж. «Эко ты не во время пришел! — подосадовал один из «гостей». — Ну, садись, закусывай, не стесняйся...» Ему налили самогону, чокнулись, заставили выпить за «единую самостийную Украину». Целый час мирно беседовали, расспросили, где воевал, как думает ставить хозяйство. Сестра Кучеренко уже надеялась, что все обойдется добром. Когда встали из-за стола, один сказал: «За потехой о деле забыли, пошли на баз, побалакать треба...» Увели хозяина во двор и повесили на перекладине ворот.

— Сестру не тронули, — рассказывал Кучеренко, косясь на придорожные кусты, — но она все одно рассудком ослабела, заговаривается, как блаженная. Ворота видеть не может. Чуть глянет — криком кричит, покойник ей мерещится.

Воронько сосал кончик длинного уса.

— Самая поганая штука — бандиты, — задумчиво сказал он. — Стойкая болячка. Видал когда-нибудь пожар на торфянике? Нет? Огонь в землю уходит. Загасишь в одном месте, а он в другом пробился. В другом загасишь, глядь, а уже в пяти местах полыхает. А то бывает, что и нет, вроде, огня, а все равно дымом пахнет и пятки жжет... Ничего, дядя Аггей, загасим, дай срок!..

А Алексей смотрел на желто-зеленые полотнища листы, проплывающие мимо, и думал о своем. О Кате, о предстоящей встрече с ней и об отце. Он думал, насколько ближе и понятней был бы ему теперь отец, если бы им довелось встретиться. И припомнилось ему, как шесть лет назад, собираясь на фронт, перед тем, как надолго, а может, и навсегда покинуть семью, отец решил поговорить с ним, надеясь, должно быть,

оставить в душе сына зерно собственной веры в будущее. Тогда Алексей впервые услышал слово: «социализм». Отец долго и терпеливо объяснял его значение. В тот вечер Алексей почти ничего не понял, кроме того, что социализм — это хорошее дело, и отец за него горой. Но цепкая приемистая мальчишечья память сохранила все от первого до последнего слова. Эту единственную беседу, когда отец разговаривал с ним, как с равным, Алексей вспоминал часто, с каждым разом обнаруживая, что все лучше и лучше понимает ее. А потом отцовские слова как будто растворились в сознании, и Алексей уже не мог вспомнить, что ему сказал отец, а что он понял самостоятельно. Он узнал цену человеческой крови, заливавшей просторную землю для того, чтобы на ней лучше и крепче возшло предсказанное отцом будущее... Алексей многое понял, и сердце в нем, не зачерствев, стало тверже — он почувствовал это не дальше, как вчера, когда Дина Федосова напомнила ему ту первую шпионку, которую он видел в своей жизни. Как и когда-то, были в его душе и смятение, и щемящая жалость, и глупая, неведомо откуда взявшаяся неловкость оттого, что он обманул ее, — но все это не могло уже заслонить главного: сознания, что сделанное им дело справедливо и что, если потребуется, он повторит все с самого начала...

И еще он думал о Марусе...

ТИХИЙ ХУТОРОК

Около трех часов пополудни они подъехали к Степину, небольшому, всего в семь дворов, зажиточному хутору, стоявшему на берегу Днепра. В

лесу, не доезжая с полверсты, Кучеренко остановил лошадь.

— Степино,— сказал он, указывая кнутовищем на видневшиеся между деревьями коричневые груды соломенных крыш.— Тут и пешком пройти ровно ничего. Не осудите, милые, дальше не поеду: бандитское это гнездо!

— Дальше и не надо.— Воронько прыгнул с таратайки и размял затекшие ноги.— А тебе я скажу, дядя Аггей,— напороочил он Кучеренко,— помрешь ты не от бандитов, а от несварения пищи: больно у тебя кишки тонкие, трусоват вышел. Слезай, Алексей, пешечком дотопаем.

— Так я ж не военный,— в оправдание пробормотал Кучеренко.

— Ладно, довез — и на том спасибо. Прощай.

Кучеренко с виноватым видом повернул меринка и, пожелав им удачи, уехал.

— Прячь пушку,— сказал Воронько Алексею,— нечего людей пугать. Хай их думают, что мы дезертиры или еще что. От лишних вещей отделаться надо. Не сообразили мы, Лексей, дорожные узелки соорудить, была б маскировка...

Под кустом татарника, заломив на нем стебли для памяти, они закопали кобуры и полевую сумку Воронько (документы он переложил в верхние карманы гимнастерки, которую надел вместо сюртука). Оружие спрятали под одеждой. Хлеб и кусок шпика, припасенные Воронько, съели.

Круто свернув вправо, глубокой лесной балочкой, промытой родниковым ручьем, они обогнули хутор и подошли к нему с противоположной стороны, чтобы на случай казалось, будто путь их лежит не из Алешек.

Перед хутором возвышался большой холм, поросший низким кустарником. Дорога прорезала

его насквозь как раз посередине, и холм был похож на разделенный пополам каравай.

Воронько и Алексей поднялись на вершину и залегли в кустах. Надо было убедиться, что Маркова еще нет.

С того места, где они находились, хутор был виден из конца в конец. Белые хаты, похожие одна на другую — все большие, пятистенные, с куренями и пристройками, — стояли в ряд вдоль дороги, повернувшись окнами к Днепру. Лес размашистым полукругом отделял от прочего мира богатый хуторской участок с огородами и хлебными полями с одной стороны и крутым скатом к реке — с другой.

У пологого травянистого берега стояли дубки и шаланды. Их было много, значительно больше, чем могло понадобиться жителям, даже если бы каждый из них промышлял рыбалкой. Среди лодок темнел широченный паром с дощатым настилом поверх толстых бревен, с брусковыми перилами и бочками-поплавками, привязанными к бортам. Неподалеку от него мальчишка-подросток, голый до пояса, поил быков. Его отец или дед, бородатый и босой, в полотняных шароварах, курил, сидя на грядушке арбы. Рядом было свалено сено, которое они только что привезли.

Во дворах возились женщины, над летними кухнями, сложенными под открытым небом, вился дым, у лесной опушки, на лугу, паслось стадо, похожее издали на крошки хлеба, рассыпанные по зеленой скатерти.

— Чего топят, чего топят? — бормотал Воронько, разглядывая эту мирную картину. — Парят, жарят, как на праздник. А праздника по святцам никакого не намечается...

Алексея больше занимал паром. Откуда ему

здесь взяться? Место глухое, до большака далеко...

— Что будем делать, Иван Петрович? — спросил он. — Пойдем в хутор? Маркова, по-моему, здесь нет.

— Черт его знает... — Воронько лежал на животе, покусывая травяную былинку, что-то сообщал. — Лежи пока, отдыхай. — Он достал часы. — Полчетвертого, время есть, куда торопиться... Я, знаешь, что думаю: не нравится мне эта стряпня... Ага! Чуешь? — и, различив что-то, подтверждавшее его мысли, поднял палец.

Сзади тарактели колеса, глухим рокотом наплывал топот конских копыт.

Алексей, за ним Воронько подползли к краю холма, где он крутым срезом обрывался к дороге.

По широкому пыльному проселку, вытекая из лесу и направляясь в ложину между скатами холма, двигался большой конный отряд.

Броской рысью бежали кони, всадники держались плотно, звякали шашки, ударяясь о стрелы.

Пестрое зрелище представлял отряд. Хмурые, молчаливые всадники были одеты кто во что горазд: в шинели, бекешы, матросские бушлаты, в галифе различных оттенков, в штатские пиджаки и военные френчи; на головах фуражки, папахи, бескозырки, гайдамацкие шапки со свисающим красным верхом. Один из всадников был, совсем не по сезону, в зипуне, другой в ослепительно сиявшей на солнце поддевке, сшитой из поповской филони.

Это была банда братьев Смагиных. А вот и они сами, чуть впереди других: старый знакомый Алексея — Григорий в бурке и студенческой фу-

ражке, рядом его братец в полной офицерской форме, но без погон, и третий — Марков... Алексей узнал его, еще даже не различив лица, по коренастой фигуре с опущенными прямыми плечами, по какой-то особой, одному Маркову присущей звероватой стати, но больше всего по тому, как при виде этого человека у него на миг замерло сердце и вдруг застучало торопливо и сильно.

Воронько никогда не видел Маркова, но и он догадался, кто этот третий, едущий впереди отряда.

Повернув голову, спросил беззвучно:

— Он?

Алексей кивнул.

Вблизи холма от строя отделился один в бушлате и кавказской мохнатой папахе и, шпора коня, первым влетел в хутор, крича и размахивая плетью.

Хутор ожил, женщины во дворах забежали быстрее, откуда-то появилась толпа ребятишек и с радостным визгом помчалась навстречу всадникам.

Бандиты проехали так близко от чекистов, что от поднятой ими пыли запершило в горле и в нос ударил смешанный запах дегтя, конского пота и махры.

Прогудела под копытами земля, прокатились тачанки, на одной из них среди вороха мануфактуры блеснул медным боком самовар, и вся ватага въехала в хутор. Сразу стало понятно, для кого старались степинские хозяйки. Плетни в несколько минут превратились в коновязи, на лошадиных мордах повисли торбы с овсом, часть коней свели на берег к разложенному грядками сену, а бандиты набились во дворы, ближе к кух-

ням. Ветер пропитался дразнящим запахом вара, зажужжал голосами...

Эх, одну бы роту сюда, только одну роту! Поставить пулеметы на холме, раскинуть цепь за огородами, перерезать лесную дорогу — и конец Смагиным, ни один бандит не ушел бы от красноармейской пули!

Но сейчас об этом можно было только мечтать и, лежа на вершине холма, цепenea от досады и бессилия, смотреть, как, уверенные в своей полной безопасности, бандиты жрут, чистят обмундирование, смазывают колеса тачанок. Где-то даже запиликала гармошка, но сразу оборвала: бандитам было не до веселья.

Марков и Смагины ушли в крайнюю, ближнюю к лесу, хату и не показывались. Алексей и раньше предполагал, что для встречи с Диной Марков может приехать с охраной, но что сопровождать его будет вся банда в полном составе — ему и в голову не приходило. Что же дальше? Сиди здесь хоть сутки, хоть двое — все равно ничего не высидишь!

Было, впрочем, непохоже, что бандиты собираются долго прохлаждаться на месте. Коней они не расседывали, тачанок не разгружали. Человек пятнадцать спустились на берег и что-то делали возле шаланд.

Спустя примерно полчаса из хаты, в которой скрылись главари, вышел увитый пулеметными лентами мужик с черной повязкой на глазу и что-то зычно гаркнул, взмахнув треххвостой нагайкой. Бандиты тотчас же высыпали из дворов, стали отвязывать лошадей и сводить их по скату к реке. Вплотную к берегу уже был подтянут паром, на котором босой хуторянин укреплял длинные, как оглобли, смоленые весла. На паром

вкатили тачанки, по одной завели лошадей. Когда паром наполнился, его оттолкнули шестами. Бандиты на шаландах заехали вперед и взяли его на буксир.

Нагло, среди белого дня, банда братьев Смагиных начала переправляться на правый берег Днепра, туда, где находились ее основные «интендантские» базы. Чуть не плача от обиды и злости, Алексей думал о том, что Марков в четвертый раз ускользает от него, и теперь ищи-свищи его в кулацком захолустье Большой Александровки! Вот он стоит на берегу рядом с Григорием Смагиным, заложив руки за поясной ремень, что-то втолковывает ему. Весь он на виду, будь винтовка — ничего не стоило бы снять, а из нагана разве достанешь!

Точно угадав, о чем Алексей думает, Воронько прошептал:

— Твой-то не уйдет, помяни мое слово! Гляди, как он Смагину наставления дает! Убей меня, если он не останется Федосову поджидать!

Приходили такие мысли и Алексею, но он суеверно отгонял их, чтобы не сглазить...

Паром трижды возвращался и увозил новые партии коней и бандитов. Наконец, когда он отваливал в последний раз, на него взошел один Смагин. Воронько оказался прав.

С Марковым осталось человек двадцать. Стенело. Когда паром скрылся из виду, направляясь к мерцавшему по ту сторону реки сигнальному костру, бандиты разошлись по хатам...

Радость Алексея оттого, что Марков не уехал, была очень кратковременной. Ничего в сущности не изменилось. Двадцать вооруженных головорезов охраняли его и, хотя всего каких-нибудь двести метров отделяли чекистов от хаты, где

Марков устроился на ночлег, был он по-прежнему недосягаем.

Надо было, не теряя времени, придумывать что-то, а мысли лезли самые нелепые и фантастические. Наконец Алексей предложил такой план: он сам, не скрываясь, пойдет к Маркову и скажет, что Сева погиб и что он прислан Диной, которая с его помощью удрала из города, но почему-либо застряла в деревне близ Алешек: не на чем ехать, устала, заболела или еще что-нибудь в этом роде. О себе можно сказать, что уцелел совершенно случайно, потому что, едва только пристроил мину в штабе, его послали с каким-нибудь поручением...

Воронько этот план забраковал начисто. Если из Алешек посчастливилось удрать хоть одному из марковских приспешников, то Марков уже знает и про облаву на постоялом дворе, и об аресте Федосовой, и о провале всех его явок, и о том, что адская машина, вместо штаба красных, подняла в воздух несметные тучи песку за городом. Кто мог это сделать, кроме Алексея? Никто.

— О Федосовой он еще не знает,— возразил Алексей.— Зачем бы он тогда оставался здесь? Ждет ведь ее.

Воронько подумал.

— Ну, положим, не знает,— проговорил он, почесывая шею под воротником,— положим, он тебе даже поверит. Поедете вы за Федосовой, не найдете ее — и все. Тут уж ты — лучший подарок для бандитов. Они на тебе за все отыграются!

— Пусть! — упрямо твердил Алексей.— Пусть отыгрываются. Я все-таки успею эту сволочь пристрелить, Марков-то хоть не уйдет!

— Ну и дурак,— без всякого уважения к то-

варищу сказал Воронько. — Ишь, напланировал! Отдать себя бандитам на потеху! Они ведь не сразу убьют, не-е, они побалуются. Звездочек со спины нарежут, пятки поджарят, а то и еще чего похуже... Не то, Леша, не то! Если не брать Крученого живьем, так уж кончить-то мы его кончим... Не додумали мы с тобой гранатами заpastись. Сейчас бы насовали в хату и будь здоров!.. А, знаешь, гранаты мы достанем, ей богу!

— Где?

— А вон у него, гляди!

Белые мазанки, поблескивая освещенными окошками, проступали сквозь тьму смутными лунными пятнами. Тишина заволакивала хутор, и черная мгла набилась по дворам. Чуть светлее было на дороге, а у ближней хаты Алексей различил человека с винтовкой. Это был часовой — за разговором Алексей не заметил, как он тут появился.

— Ша! — предупредил Воронько. — Погодим малость, пусть заснут.

Еще около часу лежали они, не шевелясь, пока в хуторе одно за другим не погасли все окна. Часовой сначала ходил, потом сел на землю. Невидимый в темноте, он лишь угадывался на голлом пригорочке возле дороги.

— Берись, Михалев, — прошептал Воронько, — будем начинать помаленьку. Ступай на шлях, добирайся ползком. Я отсюда зайду. Как достигнешь, глуши без разговоров, не дай бог нашу-муть!

И они расползлись в разные стороны.

Алексей спустился по отвесному срезу холма и осторожно пошел вперед.

Почти до самого хутора вдоль дороги тянулись кусты. Их шелест скрадывал шаги. В том месте,

где холм сравнивался с полем, Алексей лег на землю и пополз.

Локти уходили в вязкую почву, френч насквозь промок от росы, жесткая трава резала руки. Алексей полз долго, останавливался, вертел головой, отыскивая взглядом часового или Воронько, и не видел ни того, ни другого. Но вот холм остался позади. Открылся Днепр, темный, чуть посеребренный звездами. Алексей продвинулся еще метров на двадцать — двадцать пять и замер, распластавшись на земле. Где-то совсем рядом он услышал ровное хрипловатое дыхание.

Убедившись, что не обнаружен, он поднял голову и увидел часового. Незаметно для себя Алексей подполз к нему так близко, что теперь их разделяло всего три — четыре шага. Часовой сидел на пригорке, подтянув ноги и обнимая зажатую между ними винтовку. Он спал.

Алексей поднялся во весь рост, шагнул ближе и в тот самый момент, когда встrepенулся потревоженный шорохом часовой, что было силы обрушил на его плоскую кубанку рукоять своего револьвера.

Гукнув, будто у него перехватило горло, часовой упал на бок. Алексей навалился сверху, зажал ему рот.

— Готов? — спросил, возникая из тьмы, Воронько.

— Кажется, готов...

— Спешешь ты, Леша! — сказал Воронько тоном терпеливого поучения. — Прешь, как оглашенный, чуть не разбудил до времени!

— Не заметил я его, — переводя дух, виновато ответил Алексей.

Бандит был увешан оружием. Пистолетов разных систем у него было четыре: на ремешке че-

рез плечо, за пазухой и в обоих голенищах яловых сапог. Кроме того — охотничий нож, сабля, винтовки и четыре гранаты. Весь этот арсенал чекисты не тронули, сняли только гранаты. Каждый взял по две.

Медленно, чтобы не привлекать внимания дворовых собак, они пошли к дальнему концу хутора, где находилась хата, занимаемая Марковым.

Они были уже близко от цели, когда случилось то, в чем в равной мере были повинны оба — и Воронько и Алексей. У них не поднялась рука, чтобы добить оглушенного бандита, и это была роковая, непоправимая ошибка.

Часовой был здоровенный парнюга. Кубанка, видимо, значительно смягчила удар, нанесенный ему Алексеем, и, полежав на мокрой траве, он пришел в себя. Очнувшись, сообразив, что с ним произошло, он заорал истошным голосом и принялся палить в воздух сразу из двух пистолетов.

Лопнула, разодралась над хутором тишина. Дружным визгом залились собаки. Захлопали двери, кое-где посыпалось стекло. Через минуту из дворов уже выводили коней — их не расседывали даже на ночь, — по улице заметались всполошенные тени.

Воронько толкнул Алексея к плетню, в колючие заросли бурьяна и татарника. Никто не обратил на них внимания. Бандиты решили, видно, что хутор окружен красными. Некоторые бросились на берег, к шаландам...

В суматохе ничего не стоило уйти в лес через огороды, тем более, что замысел Воронько провалился — это было совершенно очевидно. Но тут Воронько допустил вторую ошибку.

— Отсидимся! — твердо сказал он, когда

Алексей потянул его в ворота ближнего двора.— Сейчас они утихнут. Это даже к лучшему: увидят, что ложная тревога, спокойней будут... А хочешь, иди, я один управлюсь. Правда, иди, Лексей, зачем двум-то рисковать!

— Заткнули б глотку! — грубо ответил Алексей.

Паника улеглась довольно быстро. Бандитам не трудно было убедиться, что никаких красных возле хутора нет. Из своего убежища под плетнем чекисты слышали, как они учиняли допрос часовому. Тот ничего толком не мог объяснить. Что он видел? Какую-то неясную тень, неожиданно возникшую перед ним. Да и это воспоминание Алексей основательно вышиб из него.

— Спал, сучья морда, на посту спал! — орал кто-то, должно быть, главный, и крыл часового густым и свирепым матом.

— Та ни, не спав я, убий бог!.. — оправдывался тот.— Дывись, яку воны мени гулю насадылы!..

— Ото я зараз покажу тоби гулю!..— И звучали удары.

Часовой кряхтел и пытался что-то доказать.

— Стой-ка!.. (Алексей узнал голос Маркова.) Пустите его, после посчитаемся! А вы...— это относилось к толпившимся вокруг бандитам, — живо по дворам! Обшарьте каждый уголок!

Не сговариваясь, Воронько и Алексей попятись к распахнутым воротам, заползли во двор, и, поднявшись на ноги, побежали к плетню, отделявшему огорода.

Все могло обойтись благополучно, если бы им удалось, незамеченными, перемахнуть через плетень. Но во дворе Алексей опрокинул свиное корыто, поскользнулся в разлитом пойле и упал, а

когда поднимался, на него, давясь от озверелого лая, набросилась дворовая собака. Он отшвырнул ее, но она снова вцепилась в брюки. Волоча ее за собой, Алексей достиг плетня. Но время было уже упущено.

В воротах появились бандиты.

Воронько был уже на огороде. Он закричал:

— Прыгай!

И когда Алексей перевалился через плетень, Воронько метнул во двор гранату и следом за ней вторую...

Потом они бежали по огородным грядкам, по жесткой стерне хлебного поля...

Пули завывали вокруг. Сзади, вопя, топали бандиты...

Кустарник на опушке впивался в лицо, в руки, в одежду твердыми жалами колючек. Они продрались сквозь него, и лес принял их в свою спасительную черноту...

ОБРАТНАЯ ДОРОГА

— Меня, кажись, зацепило,— сказал Воронько.

Они быстро шли по лесу, торопясь выбраться из него до рассвета. Лес был невелик. Утром конные бандиты окружают его, и тогда уйти будет трудно.

По дну той самой балочки, по которой они днем обходили хутор, чекисты достигли проселочной дороги на Алешки, но, едва приблизились к ней, услышали конский топот и взяли в сторону. Лес скоро кончился. Некоторое время они шли полем, пересекли сухой овраг, снова шли полем и, наконец, углубились в какую-то небольшую редкую рощицу. Здесь можно было считать себя вне опасности.

— А меня-то зацепило, слышь, Алексей,— повторил Воронько.

Последнюю треть пути он шел тяжело, сгорбившись, подняв плечо, и как-то неловко, левой рукой, прижимал к телу правый локоть. Алексею бандитская пуля слегка оцарапала шею. Ранка побаливала, и Алексей молчал, сердясь на Воронько за случившееся. Не вздумай тот отсиживаться в бурьяне, возможно, им все-таки удалось бы прикончить Маркова...

Воронько сказал в третий раз:

— Зацепило меня.— Помолчав, добавил: — Сядем-ка, Леша, посмотреть бы надо... Что-то не пойму...— и вдруг покачнулся, схватился за дерево и, с сухим хрустом шелуша ладонями кору, сел на землю.

Алексей испугался. Только сейчас он сообразил, что такой человек, как Воронько, не станет жаловаться да еще трижды повторять свою жалобу без очень серьезных к тому оснований.

— Что, Иван Петрович? — спросил Алексей, наклоняясь к нему.

Воронько, прислонясь лбом к дереву, дышал с хрипом, и казалось, будто каждый вздох стоит ему огромных усилий.

— Иван Петрович!

Воронько проговорил, отдыхая после каждого слова:

— Глянь-ка... Алексей... чего... у меня... тут...— он указал на свое правое плечо.— Серники есть?.. У меня возьми... в кармане...

Распахнув ворот гимнастерки, Алексей увидел при свете спички, что тельняшка Воронько черна от крови. Он попытался стащить гимнастерку.

— Режь! — сказал Воронько.— Руки не подниму... Плевать...

Перочинным ножом Алексей распорол гимнастерку и тельняшку до пояса. Пальцами шаря по выпуклой, липкой от крови груди товарища чуть ниже ключицы нащупал рваные края ранки.

Раздрав рубаху на полосы, Алексей туго забинтовал Воронько плечо. Потом кое-как натянули распоротую гимнастерку.

— Идти сможете? — спросил Алексей.

— Смогу, чего там...

И, с помощью Алексея поднявшись на ноги, он действительно прошел еще метров двести по мягкому изволоку, сам спустился в овраг и только здесь, услышав где-то вблизи журчание ручья, виновато сказал:

— Леша, водички бы мне... — и сел на землю.

Когда Алексей, по плеску найдя ручей, в фуражке принес воды, Воронько лежал на боку, согнув ноги и прижавшись щекой к траве. Воду он выпил жадно, мокрой фуражкой отер лицо и горло и снова лег.

Теперь он дышал часто и коротко, словно тугая повязка мешала ему глубоко вздохнуть.

— Туго, Иван Петрович? —

вздрагивая от острой жалости к нему, спросил Алексей.— Может, ослабить?

— Ничего... Слышь, Алексей...— Воронько нашел его руку, слегка притянул к себе.— Ступай в Алешки один... Вернешься с телегой... А я здесь подожду...

— Куда! До Алешек все двадцать верст!

— До утра дойдешь...

— Не оставляю я вас тут! — сердито сказал Алексей.— Черт его знает, что там, в Алешках. Наши уехали. Может, там белые!

— Иди, Леша... Иди, говорю!..

Алексей сел на траву, кулаками сдавил виски.

В такое трудное положение он еще никогда не попадал. Ночь, раненый товарищ, до Алешек без малого двадцать верст, а вокруг враждебные кулацкие села, поблизости Марков с бандитами и можно ожидать, что на рассвете они не преминут пошарить вокруг, поискать их. А если еще Марков догадывается, кто давеча пугнул его — облавы не миновать!

Что делать! Идти в Алешки, как предлагает Воронько? Пешком, по незнакомой дороге, с обходами да поворотами раньше, чем к полудню, не доберешься. А что в Алешках? Чекисты уехали, войска на передовой, даже Маруси — и той нет. Подводы тоже не достать. Кучеренко струсит, не поедет. Дядя Селемчук... А что он? Дядя Селемчук и так уже сделал все, что мог... Ну ладно, допустим, подводу он как-нибудь достанет — все равно, раньше, чем завтра к ночи, обратно не приехать, а что за это время станет с Воронько?

Единственная возможность: пробираться к Днепру, в какой-нибудь деревушке выпросить или выкрасть лодку и спуститься по течению до самого Херсона — лучше ничего не придумаешь!

Алексей встал.

— Иван Петрович, надо идти, давайте помогу...
Иван Петрович!

Воронько молчал. Похолодев от ужаса (неужели умер?), Алексей припал ухом к его груди. Сердце билось. Воронько был без сознания.

Алексей оглянулся, словно надеясь, что из окружавшей его кромешной тьмы явится неожиданная помощь. Над оврагом мертвенно шумели ковыли, ветер пригибал кустарник, ручей шевелил гальку.

Алексей подтянул ремень, закинул вялые руки Воронько себе за плечи, ухватился покрепче и встал на ноги. Воронько был пониже Алексея и на первых порах показался даже не очень тяжелым. Алексей слегка встряхнул его, устраивая поудобней — Воронько глухо застонал, — и медленно пошел по неровному дну оврага.

...Остаток ночи и весь следующий день слились в памяти Алексея в одно непрерывное, почти нечеловеческое усилие.

Он потерял дорогу и долго продвигался не к Днепру, а вдоль него. Когда он все-таки определил верное направление, на пути попалась широкая старица с топкими заболоченными берегами, пройти по которым с Воронько на плечах было невозможно, пришлось делать большой крюк.

Заходить в деревни, чтобы попытаться раздобыть подводу или хотя бы уточнить дорогу, было опасно.

Алексей довольно скоро понял, что Воронько ему не донести. Вернее, не донести живого. Воронько все реже приходил в себя. Он весь горел. Повязка на его груди насквозь пропиталась кровью. Алексей во время одной из остановок

разорвал свою нижнюю рубаху на полосы и наматал их поверх старой повязки, но и это не помогло — кровь снова выступила.

Воронько умирал. Он умирал трудно. Жизнь крепко сидела в нем. Алексей не разбирался в медицине, но ему было ясно, что спасти товарища может только быстрая помощь, а ее не было. Все, что мог сделать для него Алексей, — это приносить в фуражке воду, если она попадалась на пути, и тащить, тащить его на себе с угасающей надеждой добраться вовремя, пока жизнь еще не совсем оставила сильное и теперь такое беспомощное тело товарища...

Лицо Воронько подернулось синеватой желтизной. Усы обвисли и казались особенно черными. Приходя в себя, он просил оставить его, не трогать, дать отдохнуть, теряя сознание, стонал...

Алексей старался реже останавливаться. Так, казалось, легче было идти.

Пятки липли к земле, деревенели бедра, под коленями скопилась стойкая вяжущая боль.

Алексей ступал, ступал налитыми болью ногами, вдыхая запах крови и пропитанной потом вороньковской гимнастерки. Каждый следующий шаг казался последним, но он делал этот шаг, за ним другой, третий...

Десятый, сотый...

Проползала, колыхаясь под ногами, верста, вторая...

И Алексей потерял им счет, боясь остановиться, потому что знал, что достаточно сбросить Воронько и упасть на землю, чтобы не хватило ни сил, ни, особенно, воли встать.

На исходе дня, в глубоких сумерках, он подошел к какой-то приднепровской деревне.

ЗА ВОРОНЬКО!

У загона, возле старого засыпанного колодца, Алексей положил Воронько на траву.

Воронько не стонал. Он только всхлипывал тихонько, вздрагивая головой, да еще в горле у него что-то дрожало низко и хлюпко. Из-под усов к шее тянулась черная полоса. Алексей попробовал пальцем — кровь. Он присел, рукавом отер щеку, шепнул:

— Подожди, Иван Петрович, я ненадолго...

Воронько не ответил. Алексей оглянулся, нащупал в темноте какой-то чурбан, подсунул его Воронько под голову и встал.

— Так я сейчас, пять минут...

Он вытащил наган и, придерживаясь за изгородь, пошел по обочине.

Впереди белели хаты. Колодезный журавль, казалось, торчал из рябого, светло-серого неба. Ветер с Днепра трепал и мял жесткую листву.

У дороги валялась сломанная бесколесная телега. Алексей остановился возле нее, обдумывая, куда идти, и свернул к стоявшей на отлете хатенке.

Заплетаясь ногами в огородной ботве, он добрался до забора, нашел калитку. Собаки во дворе не было.

В хате, видимо, прислушивались. Как только Алексей постучал, раздался тонкий, настоенный страхом девчоночий голос:

— Мамадя, ты?

— Откройте...

— Дядя Степан?

Стукнула о доски тяжелая заставка. Алексей надавил и, едва запор был снят, он отодвинул тугую, трущуюся об пол дверь и протиснулся в

сени. Натыкаясь на рухлядь, пробрался в комнату.

На столе горела коптилка. От ветерка, влетевшего в дверь, огонек заколебался, удлиняясь, и Алексей успел мельком окинуть взглядом старую, давно не беленую хату. В углу на кровати, под лоскутным одеялом, кто-то лежал.

Девочка, заложив запоры, вошла следом за Алексеем, плаксиво говоря:

— Чего долго, дядя Степан? Мамани-то все нет. Как уехала вчера, так и не возвращивалась. Чего бы, дядя Степан? А-а!..— закричала она, разглядев его, и зажала рот ладонями.

— Тихо! — попросил он. — Тихо, девочка, не кричи! Кто-нибудь есть дома постарше?

На кровати поднялась женщина. Алексей взгляделся — молодая.

— Вам чего? — спросила она, до подбородка натягивая одеяло.

— Хозяюшка, красноармейцы мы, от бандитов спасаемся. Дорогу потеряли...

Скрывать не имело смысла. Темное исцарапанное лицо Алексея, кровь на распахнутом френче, наган в руке, да и его неожиданное появление в таком виде здесь, ночью, в центре бандитского района, — все это красноречиво говорило о том, кто он такой.

Женщина спустила ноги с кровати и начала шарить на полу обутки. Алексей торопливо продолжал:

— Товарищ у меня тяжело раненный. Помогите. Помогите, хозяйюшка, дорогая...

Женщина нашла обутки и, одергивая длинную нижнюю юбку, встала.

— Чего вам? — переспросила она, будто не расслышав.

— Красноармейцы мы... Товарищ умирает у колодца... Ему помочь надо!..

Она заговорила быстро, рассматривая Алексея завалившимися глазами:

— Ой-и нет, не можем мы, не можем, добрый человек! В деревне же зеленые!

— Зеленые?!

— Пять человек у Сафонова, старосты! Давеча их много приезжало, а после, бог дал, уехали, только пять и осталось... Да ведь все равно, узнают — не жить нам. Не возьмем его, ох, не возьмем, добрый человек!..

— Да нет же...— начал Алексей.

Она не дала ему продолжать:

— Что мы, миленький, с им делать будем? Я вот больная да сестренка малая...

Девочка, оправившись от испуга, стала, захлебываясь, выговаривать, что мамка их уехала за мукой в соседнюю деревню к тетке Ефросинье да все нет ее.

— Ты, дяденька, не видал случаем?

— Не видел,— сказал Алексей. Перед этими плачущими женщинами он на минуту забыл, зачем пришел.

А они рассказывали наперебой, что утром приехали бандиты, объявили «нибилизацию», двух мужиков взяли, а третьего, Ивана Лотенко — он идти не хотел,— увели силой, после уехали, а пятеро осталось у старосты Сафонова, который и сам в налеты ходит, а ныне наворовался, так дома сидит.

— Если он у нас красноармейца найдет, лютой смерти предаст, душегуб! — говорила женщина.— Я ведь сама богом только и жива: мой муж второй год в красных воюет...

— Да я его оставлять не собираюсь! Мне лодку нужно, до Херсона доехать!

— Лодку? — переспросила женщина, и потому, как она вдруг замялась, Алексей понял, что лодка у них есть.

— Хозяйка, выручи! — сказал он, вкладывая в свою просьбу все свое отчаяние, всю боязнь за Воронько. — Помрет товарищ! У тебя у самой муж такой, как мы...

— Миленький, как же без лодки-то? — проговорила женщина и, точно ища поддержки, оглянулась на сестру. — Ведь она одна у нас...

— Вернем лодку! Обязательно вернем! Вот тебе большевистское слово! Веришь? — и, видя, что она все еще колеблется, вытащил из кармана свой чекистский мандат. — Смотри сюда: чекисты мы из Херсона. Хочешь, расписку напишу?

— Да не надо мне! — замахала она руками. — На кой мне твоя расписка!

— Мы тебе вместо лодки шаланду приведем с парусом! И будет тебе вечная благодарность от Советской власти!

— Чего уж, — нерешительно проговорила женщина. — Ежели помирает человек... Рази я не понимаю! — И повернулась к сестре: — Нюрка, сведи его, нехай... Весла в курене.

Девочка вскарабкалась на печку и через минуту спустилась вниз, связывая за спиной концы большого рваного платка. Увидев ее готовой, старшая всхлипнула, притянула к себе и, оправляя платок, зашептала:

— Низом идите, бережком, тихенько, не услышали б у Сафонова.

Опасаясь, как бы она не передумала, Алексей слегка подтолкнул девочку к двери.

Женщина сняла запоры, и они вышли из хаты.

Девочка юркнула в сарай и приволокла по земле два весла. Алексей закинул их на плечо и шепнул женщине, отпирившей калитку:

— Спасибо тебе, сестренка!

Она, уже, возможно, сожалея о своей доброте, напомнила:

— Лодку-то не погуби!

— Не бойся...

Воронько не дышал.

Алексей опустил на землю, подтянул колени и положил на них тяжелую, гудящую голову.

Только теперь он почувствовал, как устал. Болели ноги — до крови, должно быть стер; плечи и спину резко саднило.

Он подумал, что сейчас можно бы лечь возле Воронько и уснуть.

— Дядя,— позвала его девочка,— что ж ты? Пойдем, а, дяденька...

Тогда Алексей встал на колени и начал обшаривать Воронько. Из карманов гимнастерки достал пачку документов, часы, в брюках нащупал наган, вытащил его и сунул за пояс рядом со своим. Потом сложил Воронько ноги, руки вытянул вдоль тела и, совсем разбитый, присел рядом.

Сзади всхлипнула девочка.

— Тише...

Она замолчала, сильно вздрагивая.

Придвинувшись к ней, он зашептал:

— Понимаешь, умер Воронько. Пока я к вам ходил, умер... понимаешь, девочка, я его с прошлой ночи, верст...— он махнул рукой.

Девочку била дрожь.

Он замолчал и некоторое время смотрел на

нее, не понимая что с нею? И вдруг почувствовал, что у него горит лицо. И странно — будто смывалась усталость: легче стало голове. В груди будто освобождалось что-то. И совсем неожиданно для себя он издал горлом какой-то низкий надорванный звук и понял, что плачет...

Он поднялся, взял весла.

— Ну, пойдем, лодку приготовим. Его после...

Девочка живо вскочила и, всхлипывая и шмыгая носом, побежала вперед.

Деревня была большая. Как и многие приднепровские деревни на левобережье, она стояла на небольшой возвышенности, спасавшей ее во время половодья. Слева простирались заливные луга, справа — один из рукавов Днепра. Девочка провела Алексея мимо каких-то амбаров, и они оказались по середине деревни.

— Стой, — сказал Алексей, — куда ты меня завела? На собак нарвемся.

— Собак нет. Которые собак имеют, в хаты забрали. За тем куренем тропка до рички...

Алексей помедлил, прислушался.

Было тихо. Вязкая темень делала деревню широкой и несуразной. Над крышами покачивались купы деревьев. От этого казалось, будто вся деревня скрытно и боязливо шевелится.

Вдруг что-то звякнуло раз, другой, потом донесся негромкий густой голос, и Алексей увидел, как колодезный журавль, все еще заметный в небе, качнулся и исчез.

Девочка потянула Алексея в сторону.

— То они... у Сафонова... — от страха она совсем потеряла голос.

— Погоди,— сказал Алексей освобождаясь.—
Погоди!

Скрипело дерево, заговорила женщина, и снова ей что-то коротко, басом, ответил мужчина. Опять звякнуло, и стало тихо.

— Ты вот что...— сказал Алексей.— Ты подожди меня здесь, слышишь?

Девочка всплеснула руками:

— Ты куда, дяденька?

— Сейчас я...— Он вытер лоб. Ему стало жарко.— Взгляну. Подожди... Я скоро.

— Ой, дядю, не надо!

Он бросил весла и достал револьвер. Только проверив, все ли патроны на месте, и отойдя на несколько шагов, он вспомнил о девочке, обернулся и сказал:

— Ты не уходи. Сиди здесь. Не бойся, я вернусь...

Девочка, не отвечая, смотрела на него с ужасом, сдвинув локти и прижав кулачки к подбородку.

Дом стоял посреди палисадника, заросшего сиреневыми кустами. Когда Алексей подходил, хлопнула дверь. Он лег на землю и подождал. Часовых не было видно. Алексей перелез через ограду и в два прыжка перебежал к стене.

Окно было отмечено в темноте желтой щелью между ставнями. Ставни были заперты. Алексей потянул одну: скрипнув, она поддалась. Полоска света упала на кусты.

Алексей прижался к стене.

В хате слышалось несколько мужских голосов и один высокий — женский. Алексей приподнялся и заглянул в окно.

В комнате было светло, горели две лампы. Одна — пузатая, под зеленым козырьком — была подвешена к потолку, другая стояла на краю печной лежанки.

Алексей сосчитал бандитов: один у двери, трое за столом, один моет ноги — пять, все. Еще хозяин и женщина...

Он всматривался напряженно, точно стараясь запомнить на всю жизнь. В хате одна комната. Справа дверь, за нею печь. У стены кровать. Стол недавно, по-видимому, выдвинут на середину. В темном углу — иконы, огонек лампадки.

Рыжий бандит, в солдатской папахе и гимнастерке, с карабином и набором гранат у пояса, стоял, привалившись к печи. Когда он улыбался, у него широко раздвигались толстые, поросшие красным волосом щеки.

«Часовой, выходит, — подумал Алексей. — Этого раньше...»

Второй, совсем молодой еще, по виду бывший кадет или гимназист старшеклассник, сидя на скамье у кровати, мыл ноги в жестяной шайке. У него были розовые, будто ошпаренные уши. Вымыв одну ногу, он закинул ее на колено, вытер пестро расшитым полотенцем и осторожно поставил на пол круглой пяткой.

Трое ужинали. Двое из них сидели спиной к окну, их лиц Алексей не видел. Третий, должно быть старший, лысый, с калмыцкими скулами, медленно жевал, полузакрыв глаза.

Рослый мужик в жилете поверх выпущенной из штанов рубахи, присев на краешек кровати, что-то быстро говорил. У него часто двигалась черная плоская борода.

Возле двери на табурете были сложены шашки,

несколько кобур, стояли прислоненные к стене винтовки.

Алексей смотрел, стискивая наган и скрючив палец на спуске. Он знал, что стоит прижать его — исчезнет тишина и уже не восстановится. И сам он из охватившей его тяжелой расслабленности перенесется в лихорадочную поспешность. Он заранее представил себе, что произойдет. Задержается наган, затопит комнату грохотом... Что будет дальше, он представить не мог, но знал, что как бы ни было, каждый мускул будет действовать безошибочно, опережая сознание.

И все-таки он медлил. Хотелось не шевелиться, чувствовать послушное пока еще тело и смотреть, смотреть, запоминая все до мельчайших подробностей...

Коренастая коротконогая баба поставила на стол глиняную крынку со сметаной. Молодой бандит, тот, что мыл ноги, ущипнул ее за крутую спину. Она взвизгнула и засмеялась.

Бандиты захохотали. Мелко, прикрывая рот, смеялся мужик. Рыжий у печи что-то крикнул, и молодой, обхватив бабу, привлек к себе. Она взвизгивала, отталкивая его.

Судорожно сглотнув, Алексей сунул наган в стекло...

Казалось, будто вихрь врезался в хату, и сметенные им, метнулись, нелепо перемещаясь, предметы.

Пронзительно взвился женский крик. Сбитая с печи лампа шлепнулась об пол, и тотчас на половине вспыхнул и пополз низкий лохматый огонек...

Не замечая, что осколки стекол режут ему лицо, Алексей почти до пояса влез в окно. Он

стрелял расчетливо, точно — сначала в того, что у печи, потом в тех, кто за столом, потом в молодого.

Рыжий развел руками и стал валиться вперед, описывая головой дугу. Старший бандит, вскакивая, повалил стол на тех, что сидели спиной к окну, — они были убиты, когда поднимались, — а сам, пойманный пулей уже возле табурета с оружием, согнулся и сунулся головой в стену... Молодой перевернул шайку и, будто поскользнувшись в луже, рухнул рядом с ним.

В нагане кончились патроны. Алексей швырнул его, выхватил второй, вороньковский...

...Когда все было кончено, он еще некоторое время не шевелился, всей тяжестью повиснув на подоконнике. Смотрел в хату на разгорающееся пламя и на разлитую сметану, которая тоненькой воронкой стекала в отверстие от сучка в половице...

Спохватившись, он отскочил от дома и быстро пошел назад, к амбарам.

При каждом шаге что-то ударялось в бедро. Алексей сунул руку в карман, и лишь тогда вспомнил о своих двух неиспользованных «лимонках»...

В деревне били в набат. Высокое пламя обшаривало облака, и они воспалялись, багровели, накрывая деревню широким раскаленным куполом. Ржаво-красные отблески плясали на беспокойной поверхности реки, освещали недвижимое лицо Воронько, лежавшего на корме развалистой неуклюжей лодки.

Переправившись ближе к правому берегу, Алексей развернулся поперек течения, опустил весла и долго смотрел на удаляющееся зарево...

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Девятого ноября тысяча девятьсот двадцатого года херсонский военный трибунал по делу «контрреволюционного подполья в Алешках» приговорил к расстрелу пятнадцать человек. Были среди них и Диана Михайловна Федосова, девица, 1901 года рождения, русская, из дворян, служащая, и Павел Никодимович Глущенко, мещанин, 1886 года рождения, украинский националист, женатый, и Соловых Владислав Адамович, тоже мещанин, 1893 года рождения, поляк, холостой, служащий телеграфа...

Приговор обжалованию не подлежал и десятого на рассвете был приведен в исполнение.

Решение военного трибунала совпало с крупнейшим успехом Красной Армии на врангелевском фронте: были прорваны белогвардейские укрепления на Перекопском перешейке. Началось освобождение Крыма.

Тогда же отдел по борьбе с бандитизмом Херсонской ЧК приступил к операции по уничтожению банды Смагиных.

Но прежде надо рассказать о некоторых событиях, происшедших в жизни Алексея Михалева.

Горестно и тяжело переживал Алексей смерть Воронько. Он готов был приписать себе одному всю вину за его гибель. Не было дня, чтобы он, перебирая в памяти подробности их неудачной вылазки, не упрекнул себя в том, что не добил часового, что не уговорил Воронько скрыться сразу, как только часовой поднял тревогу, что не послушался Воронько и тащил его на себе, а не пошел, как тот предлагал, в Алешки за подмогой (а вдруг и вправду успел бы привести?..).

Даже в том, что вообще добился разрешения на это предприятие, он готов был себя упрекнуть.

И ему казалось, что товарищи тоже молчаливо осуждают его.

Когда Алексей привез в Херсон убитого Воронько, в Степино был послан на баржах конный отряд ЧОНа под командованием Филимонова. Бандитов там уже не застали: они успели переправиться на правый берег, и Филимонов последовал за ними.

Вблизи деревни Воскресенки он настиг и окружил братьев-разбойников. Бой был горячий, но довести дело до конца Филимонову не удалось: часть банды,— а с нею Марков и оба Смагина,— вырвалась из окружения и ушла в дебри кулацкого района Большой Александровки. Филимонов начал преследование, которое длилось больше месяца, но ни к чему не привело...

Обстоятельства, при которых погиб Воронько, Алексей подробно изложил в докладной записке председателю ЧК, но он не знал, что с Филимоновым в Степино поехал сотрудник «б. б.» Матвей Губенко, которому Брокман поручил тщательно проверить все, что написал Алексей. Губенко вскоре вернулся и доложил, что факты правильные. Хуторяне подтвердили, что ночью после переправы Смагиных на правобережье среди оставшихся смагинцев был переполох. Считали, что на хутор случайно забрели красные и, напорвшись на бандитов, «пошвыряли бомбы та и утеклы. Шукалы их, шукалы на другой ден окрест, тильки ничего не вышукалы». А после был слух, что в село Казачьи лагеря красные перебили до последнего огромную банду. Исполнительный Губенко с тремя бойцами съездил в Казачьи лагеря, нашел женщину, которая ссу-

дила Алексею лодку, узнал от нее и от ее сестренки, как все произошло, и даже осмотрел пепелище на месте сафоновского дома. Он, кстати, сделал то, о чем забыл подавленный всем происшедшим Алексей: конфисковал для красноармейки в Степино большую парусную шаланду. Однако женщина наотрез отказалась взять ее, боясь мести бандитов. Тогда Губенко оставил ей расписку в том, что у нее «на нужды Советской власти временно позаимствована лодка, которую она может в любой отдельный момент получить в Херсонской ЧК по предъявлении данной бумаги»...

Пока шло следствие по делу шпионского подполья, Алексей только раз встретился со своим шурином. Это случилось в первые дни по его возвращении из Степино.

Дело вел Величко. Глущенко вначале записался, хотел выдать себя за беженца из-под Киева, осевшего на хозяйство в Таврической губернии. Тогда Величко вызвал Алексея. Не подготовленный к встрече с ним Глущенко был так ошарашен, что щекастое лицо его в один миг обмякло и сморщилось, как матерчатый кулек, из которого разом вытряхнули содержимое.

— Знаете этого человека? — спросил Величко.

Глущенко затряс головой:

— Не... нет, откуда же?.. Не ведаю, кто такой!..

— Не узнаешь? — сказал Алексей, подходя ближе. — А ты лучше посмотри, небось не чужие! Ну, узнал?.. Это, товарищ Величко, муж моей сестры, Глущенко Павел Никодимович. По показанию Федосовой — украинский националист,

был членом повстанкома под Екатеринославом в прошлом году... А раньше служил приказчиком по готовому платью. К немцам подмазывался... У Маркова связным был, держал на хуторе явку. Это он адскую машину доставил Федосовой — я сам видел...

Величко занес показания Алексея в протокол.

— Ну, как, будете признаваться теперь? — спросил он Глущенко.

Тот беззвучно хлопнул губами.

— Подпишись, Михалев, — сказал Величко.

Алексей взял ручку, наклонился над столом. Тогда Глущенко, наконец, задушенно проговорил:

— Алексей... Леша.. Что же ты? Родного-то человека... Ведь так ждали тебя...

В кулаке Алексея хрустнула сломанная ручка.

— Родного?.. Контра ты! Вот я тебе покажу родного!

— Эй, эй! — крикнул Величко. — Не забываться!

Трясущимися руками, едва владея собой, поставил Алексей свою подпись и выскочил из комнаты...

А через два дня Величко пришел к нему, помялся и сказал, глядя в угол на запыленный штабель вороньковских книг:

— Там у меня сестра твоя сидит, зайди... — и, помолчав, добавил, точно преодолевая неловкость: — Между прочим, спроси, может, она знает чего.

...Постарела Катя. Появилась у нее рыхлая нездоровая полнота, в глазах дневало какое-то беспомощное покорное выражение, вокруг рта лежали привычные скорбные складочки. Увидев эти несчастные глаза и складочки у рта, Алексей почувствовал одновременно и жалость к сестре,

и облегчение. В глубине души он опасался, что жизнь с Глущенко не прошла бесследно для слабой, податливой Екатерины, что и ее, дочь красного командира и большевика, он сумел обратить в свою поганую веру. Затравленные глаза сестры яснее слов говорили о том, как ей далась жизнь с мужем: жила как живет, плакала, подчинялась, не вдумываясь в происходящее вокруг нее. Было в ней что-то отупелое, усталое, какая-то забитость и тоска. Даже сидела она по-новому, приниженно горбясь, сложив на коленях большие потрескавшиеся руки, одетая в поношенную старушечью накидку.

Трудно сказать, чего было больше в их встрече — горечи или радости.

Выплакавшись, Катя рассказала, что четыре месяца назад первый раз получила весточку от отца — он был в Сибири, воевал там с Колчаком, все спрашивал, где Алексей, только она не ответила: Глущенко не позволил.

— Как же это! Адрес-то хоть помнишь?

— Забыла, Лешенька! Паша письмо разорвал, он ведь папу никогда не любил.

Ну что с нею делать! Ладно уж: знать, что отец жив, и то хорошо!

— Леша, а ты что... чекист?

— Чекист.

Катя посмотрела на него со страхом, который в ней, жене Глущенко, вызывало это слово. Потом спросила:

— А что же с ним будет, с Пашей?

— О нем забудь,— отводя глаза, сказал Алексей. И обнял зарыдавшую сестру: — Ну, брось, брось!.. Какой он тебе был муж! Тиранил он тебя. Теперь вместе будем жить, в Херсоне... Мне

вот, наверно, комнату дадут. Папу найдем. Ну, прошу, не плачь!

— Пови-дать бы... его... хоть!..— сквозь рыдания выговорила она.

— Не к чему. Сразу надо отрезать. Ну, брось, Катенька, сестренка!

Ни о чем он ее, конечно, расспрашивать не стал. Только позже окольными вопросами выяснил, что на хуторе, за свинарником, есть погребок — в нем Глущенко прятал какие-то ящики, которые привозили ему издалека...

Через четыре дня на хутор был отправлен чекистский наряд, и Катя уехала с ним. Сказала, что за вещами. Обратного она не вернулась. Пришлала записку:

«Дорогой братик Лешенька, не сердись на меня, поживу пока здесь. Поплачу одна. Хозяйство тоже не бросишь. Ты уж не сердись, роденький мой!..»

Честно говоря, Алексей был даже рад этому. Он отвык от сестры. Ее непрерывные слезы, жалобы на его бессердечность, просьбы помочь мужу и вызволить его из беды и полное непонимание того, чем жил Алексей, — все это отделяло его от Екатерины, вызывало подчас недоброе раздражение, к которому примешивалась еще и обида за то, что она не сохранила отцовский адрес. Для Алексея это было хуже, чем предательство.

Чекисты привезли с хутора три ящика с боеприпасами...

В день отъезда Екатерины у председателя ЧК состоялось очередное оперативное совещание. Когда оно кончилось, Брокман задержал Алексея.

— Отправил сестру? — спросил он.

— Отправил.

— Посиди. Давненько я с тобою не беседовал.— Брокман сел за стол и, набивая трубочку, спросил: — Что у вас там вышло с Илларионовым?

Алексей давно ожидал этого разговора.

— Не сработались,— сказал он угрюмо.

— А кто виноват?

— Вам видней. Может, и я. Он начальник, я— подчиненный...

— Мг-м, значит, ты,— точно взвешивая его слова, повторил Брокман.

Он прикурил и, попыхивая дымком, заметил вскользь:

— Быстро ошибки признаешь... А скажи, если бы было по-илларионовски, ушел бы Крученый или нет?

— Может, и не ушел бы...

— Та-ак.— Брокман, все еще заметно прихрамывая, подошел к окну, прислонился к подоконнику.— Странно,— проговорил он.— Невеселая картина. Я вот заметил: когда человек слишком быстро признает свои ошибки, это либо трус, либо предатель. Сиди! — прикрикнул он на вскочившего Алексея.— Получай, что заслужил! И без истерик мне тут! — добавил он, хотя Алексей не проронил ни одного слова.

Алексей опустил на стул и так закусил губу, что почувствовал во рту солоноватый привкус крови.

«Так и надо! — подумал он.— Так и надо!..»

Брокман молчал долго, очень долго, и грозным казалось Алексею это молчание. Он даже вздрогнул, когда председатель ЧК вдруг засмеялся. Да, Брокман засмеялся, негромко, неумело, будто покашливая.

— Чудак ты, парень! — проговорил он. — Его тут оговаривают, а он туда же! Виноват, раскаялся!.. Ты каяться не спеши! Докажи, объясни, какие у тебя были планы! Ошибиться — не беда... если ты честный человек. Конечно, упустил Крученого — что ж хорошего. Напутал кое-где, не использовал всех возможностей — тоже есть. Но все-таки сделал порядочно, так и скажи!.. А Воронько — большая потеря. Прозрачной души был человек. Большая потеря... — Он помолчал, приспуская брови на глаза. — Надежней трудно найти. Книги любил... Мечтал после войны учителем стать. Образования у него никакого, говорил, учиться будет. А ведь ему за сорок... — Брокман подошел, прямо посмотрел Алексею в глаза. — Ладно, Михалев, иди, работай. А насчет сестры не беспокойся, это ничего...

Алексей не понял, что он хотел сказать последней фразой, но Брокман смотрел на него с таким простым человеческим неслужебным пониманием, что его окатила горячая облегчающая волна благодарности к этому суровому человеку, и что-то напряженно задрожало в груди — вот-вот сорвется...

Станный этот разговор стал ему понятен вечером. Ясность внес Федя Фомин.

— Лешка, ты здесь? Чего расскажу! — возбужденно возвестил он, заскочив в комнату. — Я еще утром хотел, так на операцию послали. Между прочим, сегодня самолично проводил обыск у одного адвоката. Вот где книжек, мать честная! Три стенки — и все книжки, книжки, убей меня на месте, не вру!..

Рассказал он следующее.

Утром, когда Алексей провожал Екатерину, Федя принес Брокману какие-то бумаги и застал

у него Илларионова, который в непочтительных тонах поминал Михалева. Федя скромненько присел у двери, решив вступить за друга, если понадобится.

Будучи человеком самолюбивым, Федя более всего боялся брякнуть что-нибудь невпопад, чтобы не подумали, что он не разбирается в самых сокровенных глубинах чекистского дела, и потому, когда Илларионов крыл Михалева за неправильное ведение операции в Алешках, он молчал. К тому же было видно, что доводы Илларионова производят на Брокмана слабое впечатление.

— Брокман ему говорит: у меня, говорит, другая информация! — рассказывал Федя. — Мне, мол, Величко все представил в ином свете, и я считаю, что Михалев — способный оперативник. Так и сказал: молодой и способный. Сознаешь?

— Ну, ну.

— А Илларионов, гад, опускает губу ниже подбородка, вот так, и говорит: способности, мол... Как это он сморозил? Ах, черт, забыл! У него словечки — язык вывернешь. Словом, в том смысле, что бабушка надвое гадала. И вы, говорит, товарищ Брокман, совсем зазря даете ему такую веру, потому что один из самых сволочей в том заговоре — близкий родственник Михалева, муж его родной сестры, и сестрица, верно, того же поля ягода, ее надо притянуть, как соучастницу, а Михалев ее, совсем наоборот, покрывает и даже, пока мы здесь разговариваем, отправляет подальше с глаз, чтобы не было против него улик! Ну, тут, Лешка, я ему дал! Не посмотрел на Брокмана! Язва, ты говорю, товарищ Илларионов, а не чекист! Лешка тебя переплюнул, так тебя завидки берут и за кишки дерут!

А за то, что ты его хаешь, так надо бы намять тебе скулы, как последнему гаду!..

Федя несколько преувеличивал. Он действительно не сдержался, услышав поклеп на друга, но выразил это не в такой определенной форме, как рассказывал. Он просто забормотал, краснея и заикаясь от волнения: «Что же это он!.. Товарищ Брокман, что это он такое говорит!.. Скажите ему! Да Михалев!.. Это же свой, Михалев!..»

Брокман велел ему сесть на место и помалкивать, пока не спросят, и обратился к Илларионову:

— Тебе известно, кто задержал родственника Михалева?

— Конечно. Храмзов. Вскоре после того, как этот тип привез Федосовой взрывную машину затаженного действия.

— Федя, найди-ка Храмзова, он только что у меня был,— сказал Брокман,— пошли сюда.

Когда приведенный Федей Храмзов в очередной раз доложил, как задержали Глущенко, разговор был исчерпан.

— Что же касается сестры,— сказал Брокман,— то ее допрашивал Величко. Безвредная бабенка, запуганная. Кстати, сам Михалев узнал у нее об оружии, которое хранил ее муженек. Так что и тут все чисто. А что ты мне все это сказал, товарищ Илларионов, возможно, и не вредно. Только запомни: бдительность — это хорошо, подозрительность — плохо. Михалев показал себя хорошо, зачем же чернить человека. Ему, имей в виду, нелегко сейчас. Ты знаешь, что он сделал в одиночку на левом берегу?..

И Илларионов, а с ним Федя и Храмзов узнали о похождениях Алексея в Казачьих лагерях...

БУДНИ

Жизнь в ЧК текла своим чередом, бурная, сложная, разнообразная. Перед глазами проходил многоликий разношерстный поток людей различных сословий, возрастов и положений. Здесь страшное нередко соседствовало со смешным, правда — с ложью, честный человек — с жуликом. И часто их нелегко было отличить друг от друга.

Считалось, что сотрудники ЧК расписаны по отделам и занимаются строго определенными делами: одни разведкой и контрразведкой, другие борьбой с бандитизмом, третьи — со спекуляцией и саботажем.

В действительности же дела постоянно смешивались, перепутывались так, что иной раз трудно было определить, какому отделу они подлежат. Порой за незначительным на первый взгляд должностным проступком скрывался злостный саботаж, налет уголовников на частную квартиру оказывался деталью большого контрреволюционного заговора, болтливый нищий на базаре — провокатором, заезжий спекулянт шпионом. И от чекистов требовалось подлинное искусство, чтобы в этой путанице, отмечая второстепенное и случайное, высмотреть, почувствовать, угадать врага, не обидеть друга...

В ЧК служили простые люди. У подавляющего большинства из них не было в жизни ничего такого, что могло бы подготовить их к суровой и ответственной работе в органах власти. С оружием в руках добывали они для народа свободу и землю. А потом победившая революция сказала им: научился дарить, научись и карать врагов. Но будь зорек! Не ошибись! Не спу-

тай друга с врагом! Такая ошибка — тягчайшее преступление! Будь справедлив, как справедлива революция, вручившая тебе оружие! Но уж если встретился с врагом — не жалея, скрепи сердце, сражайся до последнего, ибо ты — солдат революции!..

Все это понимал Алексей, понимали его товарищи. Были, конечно, среди них и такие, которым ненависть к врагу или излишнее служебное рвение, или свойства личного характера мешали добросовестно разобраться в обстановке, толкали порой на необдуманные крайние меры. По мнению Алексея, к их числу относился и Семен Илларионов. Однако можно с уверенностью сказать, что людей, подобных Илларионову, было немного среди чекистов. Да и тех, что были, скомывала обстановка деловитой сдержанности, которую поддерживали старые большевики — Величко, угрюмый седой Адамчук, который начинал вместе с Дзержинским, и особенно — Брокман. Казалось просто непостижимым, как удается председателю быть в курсе всего происходящего в ЧК. Он хранил в памяти мельчайшие подробности самых разнообразных дел, помнил, что, когда и кому было поручено, и спрашивал с каждого строго. Его взыскательность создала в ЧК атмосферу высокой ответственности за свои поступки, ответственности, которой был проникнут каждый чекист.

Как-то Федя Фомин, разруганный за что-то Брокманом, пожаловался Алексею:

— Говоришь с ним, а он словно бы все наперед знает. — И, подумав, добавил: — Большого опыта человек!

Федя располагался теперь в одной комнате с Алексеем: он унаследовал стол Воронько. Шум-

ное это было соседство. Запас энергии у Феде огромный, а девать ее было некуда: к самостоятельному ведению дел его не допускали, поручали главным образом разного рода оперативные задания. Был он самым молодым среди сотрудников, его любили за веселый, непоседливый нрав и мало кто звал его по фамилии — просто Федюшка и Федюшка. Всякое проявление неуважения к своей особе Федя переживал болезненно и всеми силами сокращал сроки своей молодости: прибавлял себе года, говорить старался басом и тайно мечтал отпустить усы, но они не спешили расти на его свежем мальчишеском лице. Затейник он был большой: хорошо плясал, умел показывать смешные сценки про пьяных и юродивых и проделывал это так здорово, что заслужил даже похвалу Илларионова, бывшего профессионального актера.

С некоторых пор Федя стал часто бегать на Виттовскую, в угрозьск, где завел дружбу с одним из следователей, Петром Константиновичем Буркашиным. Алексей встречал Буркашина — человека лет тридцати пяти, крепыша, с короткой шеей и фельдфебельскими закрученными усами. Однажды Федя поделился с Алексеем, чем они с Буркашиным занимаются:

— Он, понимаешь, бывший цирковой борец, выступал под именем Маска победы, си-ла!.. — Федя посмотрел на дверь, понизив голос, попросил: — Ты пока не болтай никому, после мы их всех удивим! Буркашин меня джиу-джитсу обучает.

— Ну?

— Точно. Три приема уже освоил. Хочешь покажу?

— Покажи.

— Пошли в сад, тут места мало...

В дальнем углу сада, примыкавшего к зданию ЧК, Федя сбросил кожанку, подвигал руками, разминая мускулы, и предложил Алексею:

— Давай, бей меня по голове.

— С чего это?

— Бей, я отвечаю. Покажу тебе один прием — ахнешь!

— Смотри, Федюшка!

— Вот дурной! — загорячился Федя. — Думаешь, мне охота плюху получить? Говорю, значит, знаю секрет. Ты попробуй! Да бей же, говорят тебе!

Алексей усмехнулся и с сомнением спросил:

— Сильно бить?

— Ну, как можешь. Целься в лоб!.. Давай!

Алексей пожал плечами, размахнулся и ударил. Федя подскочил, хотел что-то сделать с его рукой, но не успел.

Плюха получилась крепкая. Отлетев шага на три, Федя сел на заглохшую клумбу. Рот его округлился, глаза посоловели.

— Ты что, Федюшка? — обеспокоился Алексей. — Я ведь не хотел, ты сам просил.

Федя помотал головой, сердито проговорил:

— Ишь, силы накопил! Я еще и приготовиться не успел...

Он встряхнулся и, растопырив локти, снова подошел к Алексею, похожий на нахохлившегося петуха.

— А ну, давай еще раз!

— Да брось ты, Федюшка, — сдерживая улыбку, сказал Алексей. — Так и мозги вышибить недолго!

— Бей, говорю! — разозлился Федя. — Мне

Буркашин не так еще дает, тебе до него тянуться! Бей!

Чтобы не обидеть его, Алексей ударил еще раз, но не сильно, больше для виду. И тогда случилось то, чего он никак не ожидал.

Федя каким-то особым манером перехватил его руку в воздухе, нырнул куда-то под мышку, и не успел Алексей ахнуть, как ноги его потеряли опору, кусты и небо вкруговую поменялись местами, и он во весь рост шлепнулся на землю.

Оглушенный падением, он тотчас же вскочил на ноги. Федя прыгал вокруг, возбужденно кричал:

— Что, ловко? Ловко? Уразумел?

Теперь попросил Алексей:

— А ну, еще раз!

Повторили. И снова Алексей очутился на земле.

Потом Федя показал еще прием, как ломать руку, если нападут с ножом.

— Ловко! — признался Алексей. — Занятная штука, может пригодиться! Ты меня сведи к твоему Буркашину на досуге.

— Сведу! — пообещал Федя. — Мне не жалко...

Однако не скоро еще довелось Алексею постигнуть премудрости японской борьбы: досуга у него не было...

Хороший врач время, еще лучший — работа. В сбитом, но напряженном ритме сменялись об­лавы, допросы, обыски, расследования. За один только месяц Алексей удвоил свои познания о Херсоне. Правда, знания эти не украшали город, в котором он родился и вырос. В нем обнаружили десятки бандитских «малин», грязных ресторанич­ков, черных валютных рынков, притонов,

где сбывались контрабандные товары и можно было за сходную цену достать так называемую «малинку» — чудовищную смесь из морфия, опия и хлороформа. Все эти злачные места кишмя кишели спекулянтами, анархистами-террористами, провокаторами, белогвардейскими и иностранными шпионами и прочей нечистью. Разбитая, но еще не уничтоженная контрреволюция защищалась яростно. Это была настоящая война, и, как на всякой войне, обе стороны несли потери. На Забалке были зверски зарезаны два молоденьких красноармейца из отряда ЧК — им же исполнилось еще и семнадцать лет. В перестрелке, вспыхнувшей среди бела дня на городском базаре, был тяжело ранен добродушный богатырь Никита Боденко. Выстрелом из-за угла ранили в голову Николая Курлина. Под крыльцо дома, где жил Брокман, бандиты однажды вечером подложили бомбу, спусковой механизм бечевкой соединили с дверной ручкой. Расчет был на то, что председатель ЧК позже всех возвращается домой. Спасла его чистая случайность: на бечевку наткнулась дворовая собака. Собаку разорвало, дверь разнесло в щепки, но в доме, к счастью, никто не пострадал...

Такие случаи считались в порядке вещей. Их даже не учитывали. Опасность была естественным свойством чекистской работы.

В насыщенных событиями трудовых буднях ЧК не оставалось времени для личных переживаний. И заповедным казалось все, что не было направлено непосредственно на работу...

С Марусей Алексей виделся редко. Она относилась к тому разряду засекреченных сотрудников, которых придерживали для специальных поручений. Чекисты постоянно ощущали на себе

неусыпное зловещее внимание преступного мира, которому рано или поздно становились известны все, кто имел отношение к ЧК. Поэтому Марусе было категорически запрещено без крайней нужды общаться с кем-либо из «легальных» сотрудников, а тем более появляться в здании ЧК. Райком комсомола направил Марусю на работу в наробраз, жила она в общежитии где-то на улице Говарда, и Алексею за все время удалось только три или четыре раза перекинуться с нею несколькими фразами.

Но как ни случайны и кратковременны были их встречи, они всякий раз оставляли у него такое чувство, будто надвигается что-то большое, неясное еще, но радостное, чего словами-то и не назовешь. Словно из всего сложного мира, который, кстати, чаще обращался к нему самой мрачной своей стороной, неожиданно выделилась какая-то светлая точка, стала расти, расти и приняла в конце концов облик невысокой девушки с ямочкой на правой щеке, по-детски припухлым ртом и упрямой морщинкой между бровями.

Возможно, Алексей еще не скоро заметил бы все это, если бы не разговор с Воронько по дороге в Степино. Он тогда впервые подумал о Марусе не только как о сотруднике, товарище по работе. Он перебрал в памяти подробности их встреч, вспомнил, как в последнее время, разговаривая с ним, Маруся вдруг беспричинно заливалась краской и начинала говорить резким независимым тоном, как горячо вступалась за него в спорах с Илларионовым, вспомнил еще много незаметных, но значительных мелочей и с удивлением пришел к выводу, что Воронько, пожалуй, не так уж неправ...

И чем больше он думал о Марусе, тем больше ему казалось, что уже давно его тянет к этой девушке.

Случалось, что красивая и знающая цену своей красоте Федосова с ее расчетливым кокетством вызывала в нем темное, острое и беспокойное чувство, в котором он постыдился бы признаться даже самому себе. И ни разу он не задумался над тем, почему, встречая в тот период Марусю, он испытывал такое облегчение, будто из гостей возвращался домой. Он никогда не сравнивал их. Он просто чувствовал, что там — чужое, ускользающее, враждебное, а здесь — свое, понятное и близкое. С Марусей было просто и легко: товарищ, свой человек!..

Она не была так красива, как Федосова. Трудно сказать, была ли Маруся вообще красива. Здоровая свежесть, крепкая фигурка, живые глаза, всегда готовые к улыбке, — это еще не красота. Но это, пожалуй, лучше...

Встречаясь, они успевали сказать друг другу немало: «Как живешь?» — «Твоими молитвами». — «Здоров?» — «Не жалуюсь. А ты?» — «А что мне сделается! Рана не болит? (Рана! Это о царапине-то на шее!) Похудел ты, смотреть страшно. Работы много?» — «Не спрашивай!»

И расходились. Нельзя было даже сказать на прощание: «Заглядывай» или «Вечером свободна?..»

Но зато, расставшись, можно было еще и еще раз припоминать встречу и находить глубокий смысл в том, как запунцовели у Маруси щеки, когда она внезапно увидела его, как сказала «пхудел, смотреть страшно» — так Катя когда-то говорила, — и что назвала Лешей, а раньше всегда по фамилии, и что руку задержала, когда прощались, и, кажется, что-то еще хотела сказать...

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ

Двенадцатого ноября вернулся Филимонов с отрядом. Последнее время ему не везло. После первого успеха в деревне Воскресенка он еще два раза основательно пощипал Смагиных, но затем счастье изменило ему. Две недели он безрезультатно рыскал по степи, топтал следы смагинских тачанок, был даже несколько раз обстрелян бандитами, но завязать с ними боя так и не смог.

Банда за это время уменьшилась почти вдвое. Около половины своего состава она потеряла при первой стычке, часть разбежалась, другие явились в органы Советской власти, когда была объявлена амнистия дезертирам и добровольно сдавшимся бандитам. При Смагиных оставалось всего около сорока человек, но зато это были самые отпетые головы, такие, кому не приходилось надеяться на снисходительность Советской власти. Об их лютости уже рассказывали легенды.

С ликвидацией Смагиных следовало торопиться: надвигалась зима, время, на которое бандиты уходили отсиживаться в леса. Операцию пришлось бы отложить до будущего года.

По показаниям сдавшихся смагинцев, Марков неотлучно находился в банде. Он, по-видимому, тоже ждал зимы.

Между тем, опасаясь предательства, Смагины сменили свои базы. Придерживались они обычной бандитской тактики — наступать на «пустом» месте. Врывались в деревни, убивали коммунистов, жгли их дома и скрывались до подхода советских отрядов. Фактически в районе Большой Александровки не было Советской власти. Население было терроризовано, Советы уничтожены.

Банда, сократившись, приобрела еще большую

маневренность и казалась неуловимой; наглость ее росла с каждым днем. Дошло до того, что однажды из деревни, где ночевал отряд Филимонова, бандиты выкрали председателя комбеда, бывшего бойца Красной Армии.

На рассвете, выезжая из деревни, чоновцы увидели на столбе за околицей раздетый до нижнего белья труп. Он висел высоко над землей. Ладони его были прибиты к столбу гвоздями, голова расчечена. К залитой кровью рубашке приколоты записка, написанная изящным каллиграфическим почерком:

«Узнай у него, Филимонов, где мы. Ему сверху виднее».

Весь день чоновцы гнали лошадей, стремясь настичь банду, но Смагины сумели ловким маневром запутать следы и уйти от преследования.

На совещание к Брокману были вызваны оперативные сотрудники ЧК. Когда все собрались, уполномоченный по борьбе с бандитизмом Адамчук обвел людей насмешливым взглядом из-под белых бровей и сказал:

— Хороши чекисты! Орлы! Бандитов не можем перехитрить. Филимонов весь ковыль в степи потравил... Спросите у него про Смагиных. Он расскажет! У смагинской кобылы хвост из конского волоса да четыре ноги, на передние кованы — вот его сведения! — и свирепо сверкнул глазами на Филимонова, который хотел было что-то возразить.

Кряжистый большеголовый Филимонов сидел неестественно прямо, стараясь не скрипеть новыми наплечными ремнями. На висках его и на бритой губе выступила испарина.

— Стыдно сказать, — продолжал Адамчук. — Весь мир будет смеяться! Слушайте сюда! Ответ-

ственным за операцию назначен Михалев, поскольку он, вроде Филимонова, крупный специалист по Смагиным и по Крученому... Но чтобы думать всем! Слышите? Всем до одного! К завтрашнему дню чтобы каждый из вас придумал план, а там выберем, какой лучше. Все! Идите, мозгуйте. Орлы...

Уже к вечеру в планах не было недостатка. Одни предлагали преследовать банду несколькими группами, разделив район ее действия на участки; другие, наоборот, считали, что следует на время прекратить преследование, усыпить бдительность Смагиных, а затем накрыть их внезапным рейдом; кто-то из наиболее отчаянных вызвался даже записаться в банду и действовать, так сказать, изнутри...

После недолгих споров приняли к исполнению следующий план: в район Большой Александровки направить двух человек с заданием уточнить главные базы Смагиных. Один агент поселится в какой-нибудь деревушке, расположенной в центре района, другой будет осуществлять связь. Выбрали деревню Белую Криницу. На подготовительную работу отводилась одна неделя с тем, чтобы к 22—23 ноября все сведения были собраны. В этих числах усиленный отряд Филимонова прибывает на мельничный хутор, в десяти верстах от Белой Криницы.

Стали думать, кого послать.

— Я бы сам поехал,— неуверенно предложил Алексей.

— Смеешься! —махнул на него рукой Адамчук.— Там же Крученый, а сам ты для них меченый,— улыбнулся он.— Нужно человека понезаметней, Королеву, например.

— Я еще думал про Федю Фомина,— с неоправ-

данной поспешностью сказал Алексей.— Он справится.

— А чем тебе Королева не показалась? Девчонка умная, имеет опыт, комсомолка. Вчера видел ее: чуть не ревет, до дела просится. Между прочим, она пристроена в наробразе. Оформим ей направление учительницей.

— Я против,— сказал Алексей. И, чувствуя, что краснеет, разозлился и добавил совсем уже невразумительно словами Воронько: — Не женское это дело!

— Вот-те раз! — удивился Адамчук.— Это еще почему? Как раз самое что ни есть женское! Приезжает в село молодая учительница, детишек учить. К ней бабы валом повалят — кто за советом, кому письмецо написать. Вот где источник информации!

— Королева подойдет,— согласился Брокман.— А связным можно и Фомина. Паренек шустрый.

Величко тоже высказался за Королеву и Федю. Алексею ничего не оставалось, как согласиться с ними. Он и сам понимал, что Адамчук прав, но легче ему от этого не было.

Вечером, предупредив Марусю, они с Адамчуком и Федей пришли в наробраз.

Обсудив детали предстоящей операции, решили, что Марусе и Феде надо ехать вместе под одной фамилией — как брату и сестре. Феде тогда не придется прятаться и выжидать удобного случая, чтобы встретиться с Марусей. К тому же они были похожи друг на друга: оба светлоглазые, русые, румяные. Выдать их мог только разговор: Федя был из Рязани и акал на рязанский манер, за что и получил прозвище «чакист». А Маруся была волжанка: она окала. Разница в выговоре стано-

вилась особенно заметна, когда они разговаривали между собой. И Адамчук предложил Феде выдавать себя за глухонемого. Это, кстати, избавило бы его от расспросов дотошных деревенских кумушек, уменьшило бы шансы проболтаться, но зато услышать можно было много интересного: глухих не стесняются.

Задача была нелегкая, но Феде она пришлась по душе. Поручение казалось ему пустяковым, некоторое усложнение только украшало его.

— А справишься? — спросил Адамчук прищурясь. — Молчать придется и днем, и ночью, и наяву, и во сне. Даже когда вы одни будете и то нишкни: не дай бог, поблизости кто пройдет! Выдержишь? Тебе ведь это не по характеру.

— Хо! — самоуверенно сказал Федя. — Год буду молчать, если надо, огнем из меня не выжгешь. Глядите, и сейчас начну. Для тренировки, — сказал он новое словечко, позаимствованное у Буркашина.

И действительно промолчал весь вечер. У парня был недюжинный актерский талант. Алексей не мог удержаться от улыбки, глядя на туповатое, безучастное выражение лица своего приятеля.

Кончая разговор, Адамчук спросил:

— Все понятно? Вопросов нет? И у тебя, Федюшка?

Федя не ответил. На его лице были написаны скука и безмятежное добродушие.

— Эй, я тебя спрашиваю! Все ясно?

Федя смотрел в завешанный паутиной угол и сонно моргал глазами.

— Федюшка, ты что? — Маруся тронула его за руку. — Тебя же спрашивают!

Федя непонимающе уставился на нее и быстро

зашевелил пальцами, издавая при этом какие-то нечленораздельные «ао» и «уы».

На что не улыбочивый человек был Адамчук, и тот засмеялся, глядя на него. Маруся и Алексей закатились от хохота. А Федя удивленно смотрел на них, моргал глазами, а потом тоже радостно осклабился глуповатой улыбкой глухонемого, привыкшего к тому, что его порок вызывает у людей веселье.

— Все бы хорошо,— заметил Адамчук, становясь серьезным,— только чуб уברי: слишком лихо для убогого.

Но Федя в ловушку не пошел и продолжал улыбаться блаженно и глуповато.

— Хитер! — похвалил Адамчук.— Теперь вижу: сможешь.

И лишь тогда Федя шмыгнул носом, запихнул чуб под кубанку и самодовольно подмигнул Алексею.

Вышли они вместе. Было холодно и темно. У подъезда Алексей сказал Феде и Адамчуку:

— Вы идите, мне тут надо... заглянуть кой-куда...

— Ага,— проговорил Адамчук и покосился на Марусю.— Потопали, глухонемой,— взял он Федю под руку,— нам с тобой вроде заглядывать некуда. Бывайте...

...С минуту они стояли друг против друга. Алексей сказал:

— Идем, провожу!

— Ой, не надо, Леша!

— Пустое. Ночь, все равно уж...

И они пошли рядом по темным улицам, где на холодных неметенных тротуарах шуршали сухие

листья и в воздухе уже пахло снегом. Оба долго молчали, не решаясь и не умея начать разговор. Потом Маруся споткнулась, Алексей неловко подержал ее за локоть. Маруся локоть не отняла, но отвела его подальше, держа под острым углом, и они почему-то пошли очень быстро, точно опаздывали куда-то...

Так и подошли к Марусиному общежитию, не обмолвившись ни единым словом. Только у крыльца, когда нужно было прощаться, Алексей деловито сказал:

— За Фоминым присматривай, чтоб не забывался, а то обоих выдаст. Внимание к себе не особенно привлекайте.— И, сорвавшись с тона, добавил совсем так же, как она когда-то сказала ему: — Ты там поосторожней!..

Из ближнего окна падало немного света, и Алексей видел поднятое к нему лицо Маруси.

— Знаешь, Леша, — сказала она, — когда я приеду, что-то тебе скажу.

— Что?

— Вот когда приеду... Ну, прощай, до двадцать второго!

Он задержал ее.

— Говори сейчас!

— Сейчас нет. После...

— Тогда я скажу.

— Ну?!

Он слегка потянул ее за руку, но рука не поддалась, стала твердой и выскользнула из его ладони.

— Ну, ладно, когда приедешь...

Маруся засмеялась и взбежала на крыльцо.

Алексей постоял-постоял и пошел обратно.

Это была последняя их встреча и первый разговор, в котором хоть что-то стало ясно...

В БЕЛОЙ КРИНИЦЕ

И началась операция, простая, заурядная, со своей героикой и со своим трагизмом, операция, каких много было в ту беспокойную пору.

На утро оформили документы и переодели Федю в штатское — он выглядел в нем не старше пятнадцати лет. Подрядив на базаре попутную телегу, Маруся с Федей уехали. А спустя шесть дней из Херсона выступил отряд Филимонова.

В один ночной переход, объезжая деревни, он достиг мельничного хутора в десяти верстах от Белой Криницы. День прошел спокойно, бойцы отдыхали, чистили коней. Погода выдалась скверная: холодный дождь с ветром, и на мельницу никто не приезжал. Алексей устроился на сеновале, хотел уснуть, но сон не шел к нему. Чем больше он думал об опасностях, которым подвергались Маруся с Федей, тем значительней они ему казались. В центре «черного» района, фактически беззащитные (Адамчук запретил брать с собой оружие: видно, не очень доверял Фединой выдержке), лишенные возможности в течение долгой недели рассчитывать на какую-либо помощь. — каково им было там! А что, если в деревню наедут бандиты?

Работа не клеилась, все валялось из рук. Шесть дней, прошедших с Марусиною отъезда, Алексей прожил словно в каком-то мутном оцепенении. По его настоянию отряд Филимонова выступил на сутки раньше срока. И прибыл вовремя...

В десятом часу вечера Филимонов позвал Алексея пить чай к мельнику. Не успели сесть за стол, как в сенях затопали, дверь ударила в стенку, сбив стоявшее на табуретке ведро с водой, и

в комнату влетел Федя. За ним всунулись чонувцы из дозора.

Федя был без пальто. На стоптанные ботинки комьями налипла грязь. Штаны и розовая, в горошек, рубаха были мокры насквозь. Волосы, распавшись на пробор, прилипли к искаженному лицу.

— Скорей! — крикнул он с порога. — Братцы, родненькие, скорей!

Алексей, рукавом сметая чашки на пол, бросился к нему.

— Что случилось?!

— Маруся!.. Смагины там...

— Где?

— В Белой Кринице!

— Маруся! Что Маруся?

— Замордуют ее! Смагин свадьбу затеял!

— По коням! — приказал Филимонов, хватая с лавки шинель.

Через несколько минут отряд мчался по степи. Ветер метал в лицо пригоршни дождя. Чавкала под копытами развязшая дорога. Гнулись к конским шеям бойцы. Сзади, на тачанке, кутаясь в попону, трясся Федя.

О многом сказали Алексею Федины слова.

«Свадьба!» Бандитская «свадьба»! Кто в ту пору не знал, что это означает! В селах и деревнях, затيرانенных бандитами, вербовали атаманы девушек на короткую забубенную любовь. Какой-нибудь расстрига-поп в несколько минут окручивал их, используя, вместо аналая, уставленный бутылками стол, шумел над деревней пьяный разгул со стрельбой и матерным ревом, а потом, попирав, атаман неделю-другую таскал свою жертву за собой по степи в тачанке, а то, случалось, бросал уже наутро после «свадьбы». Много было

в деревнях таких несчастных, раздавленных позором, зараженных мерзкими болезнями бандитских «жен», отмеченных на свою беду недолгим вниманием веселых атаманов.

Перед глазами Алексея стояло смазливое, с светлой бородкой и красными пятнами на переносице лицо «студента». Он вспоминал его недобрый взгляд, и страх за Марусю теснил грудь.

Скорей! Скорей! Только бы успеть! Только бы добраться вовремя!

В эти минуты он даже забыл о Маркове...

А случилось вот что.

Как и предсказывал Адамчук, приезд учительницы вызвал большое оживление среди деревенских женщин. Год назад умер старый школьный учитель, новые ехать боялись, с ребяташками не было никакого сладу. Марусю встретили хорошо, посетовали только что больно уж молода. Спросили, когда начнет уроки. Маруся сказала, что недельку поживет, привыкнет, оглядится, а там и начнет с богом.

Была в деревне школа — большая низкая изба со слепыми оконцами, точно бельмами, затянутыми копотью и паутиной. В ней стояли колченогие лавки и длинные столы, до черного блеска затертые ребячьими локтями. Использовали эту избу для деревенских сходок, а до воцарения в районе братьев Смагиных — под сельскую раду. Тут же, за классной комнатой, имелась довольно большая и теплая кладовка, без окон, но вполне пригодная для жилья.

В первый же день по приезде Маруся повязала голову цветной косынкой, подоткнула подол и принялась за уборку. Федя тоже был «пущен

в дело». Он вначале запротестовал было, но Маруся так цыкнула на него, что пришлось уступить, тем более, что в положении глухонемого не особенно разговоришься. Впрочем, он скоро примирился со своей участью. Легкая, быстрая, полная упругой девичьей силы, Маруся с таким энтузиазмом взялась за наведение порядка, что было весело подчиняться ей, и тогда обнаружилось, что совсем не унижительно для мужского достоинства мыть окна, обтирать со стен пыль и паутину или, ползая на коленях, скрести найденным в кладовке обломком косы серые замытые доски пола...

Весь день к ним навевывались бабы, расспрашивали, откуда да что, пугали бандитами, жалели Марусю, что такая молодая, а уже столько натерпелась — родителей потеряла, через всю Россию пробиралась с убогим на руках, — и «убогого» жалели... Принесли яиц и молока. Бабы были общительны и разговорчивы. Уже к вечеру Маруся знала, кто в деревне со Смагиным запанибрата. Узнала она также, что на неделе раза по два бандиты заглядывают сюда. Вот не приезжали дней пять, значит, скоро будут.

И, действительно, они приехали в середине следующего дня. Шел дождь, сквозь слезящееся окошко Маруся с Федей видели, как по улице протрусили съезжившиеся, увешанные оружием всадники, направляясь к дому местного старосты Матуленко, солидного благообразного мужика, которому Маруся отдала свои и Федины документы. Тачанки, запряженные четверней, ехали сзади. Сидевшая в гостях у Маруси бабенка всполошилась, ахнула: «Пожаловали!» — и убралась домой.

Федя залез на чердак и оттуда сообщил, что Смагины привезли к старосте раненого. Спе-

шилиесь... Раненого сняли с тачанки, везут. Пошли по хатам. Коней не распрягают. Идут сюда...

Бандиты, видимо, не знали еще, что в деревне новая учительница. Заметив промытые окна в заброшенной школе и подметенное крыльцо, удивились и заглянули. Их было трое.

— Эге! — проговорил один из них, щетинистый, с разрубленной щекой. — Это еще что за краля?

— Я здешняя учительница, вчера приехала, — сказала Маруся спокойно.

— Учительша? — изумился бандит. — Этакая-то пигалица? Врешь! Бумага есть?

— Мои документы у старосты.

— Санько, — мигнул он товарищу, — беги к Матуленко, скажи батькам, шо тут большевичка объявилась.

— С ума, что ли, сошел! — сказала Маруся. — Я не большевичка.

— Там увидим!

Молодой Санько затопал по грязи к дому старосты.

— А это кто? — спросил бандит, указывая на Федю, который с любопытством разглядывал пришедших.

— Это мой брат, он глухонемой.

— Нёмый? — недоверчиво проговорил бандит. — Поди-ка сюда, ты! — обратился он к Феде. — Иди, говорят!

Федя вопросительно посмотрел на Марусю.

— Иди, Феденька, иди,— сказала она, показывая пальцем на бандита.— Не бойся, иди...

Федя подошел.

— Так ты, сталоть, нёмый? — спросил бандит.

И вдруг вытянул Федю плеткой по плечу.

Никто, кроме Маруси, не мог оценить Фединой выдержки. Он отшатнулся, присел от боли, но не издал ни звука.

— Что ты делаешь! — закричала побелевшая Маруся, закрывая Федю собой.— Больного бьешь!

Федя, опомнившись, что-то плаксиво и обиженно залопотал.

— Що робышь! — недовольно сказал второй бандит.— Це ж убогий!

— Ничего! — засмеялся первый.— Съест, не вредно. Это для проверки...

Затем они уселись на лавку и стали ждать. Первый бандит как ни в чем ни бывало задавал Марусе вопросы, откуда они, кто их прислал, кого знают в деревне. Маруся отвечала односложно, отворачиваясь и глядя по голове всхлипывающего Федю.

Под окнами зачавкала грязь. Дверь хлопнула, и перед Марусей предстали Григорий Смагин (она сразу узнала его по описанию Алексея), его брат, обрюзгший, с отечными испитыми щеками, одетый в щегольской романовский полушубок, и еще четверо.

— Ну-ка, покажите мне учительницу! — сказал Смагин Григорий.— Вы?!

Он уставился на Марусю, и глаза его, пустые наглые глаза бывшего женолюбца, стали масляными.

— Вот не ожидал ничего подобного! Тю-тю-тю...— сказал он, оглядываясь на брата. Тот слегка кивнул.

— Здравствуйте, мадам!—шутовски поклонился Григорий.— Какая приятная неожиданность! Думал увидеть какую-нибудь гимназическую мегеру, и вдруг на тебе: очаровательный цветок! Говорят, вы большевичка? — спросил он, чуть прищурившись и поклонившись еще более галантно.

— Глупости он болтает! — горячо сказала Маруся.— Это выдумал ваш... ну вот этот, словом! — показала она на рубленого.— Моя фамилия Королева, Мария Петровна. Мы с братом беженцы из Нижнего Новгорода, брат глухонемой, мы столько натерпелись, мы голодали, а он бьет брата плеткой! — она прижала платок к глазам.

— Он бил вашего брата! — с преувеличенным возмущением воскликнул Смагин.— Да как ты по-

смел, мерзавец! Геть отсюда! Все, все, геть!
Я сам тут займусь!..

Он выставил бандитов из избы, — не ушел только Смагин-старший, — и обратился к Марусе:

— Успокойтесь, пожалуйста! Это недоразумение, он будет наказан. Ах, негодяи, негодяи, как распустились! Подумать только: ни за что ни про что ударить плеткой! Очень нехорошо! Ну, успокойтесь, разрешите задать вам несколько вопросов.

— П-пожалуйс-та...

Смагин сел за стол, указал ей место напротив. Он развязал мокрый башлык, расстегнул и спустил на лавку просторную кавалерийскую бурку, снял с головы свою сизую студенческую фуражку и положил ее так, чтобы Маруся видела технический значок.

— Давно ли вы в большевистской партии? — вежливо спросил он.

— Вы смеетесь надо мной! — всплеснула руками Маруся.

— В таком случае, кто же вы, простите?

Она с самого начала повторила придуманную совместно с Алексеем и Адамчуком историю о том, как она потеряла родителей, как бежала из Нижнего Новгорода, когда там начался голод, как скиталась с братом по вокзалам и как в Херсоне ей предложили поехать в деревню учительницей, хотя она никогда не готовилась к этой деятельности и просто даже не знает, как будет учить... Она была согласна на все, лишь бы, наконец, обрести кров и не думать о куске хлеба для брата...

— А вам не говорили, что здесь опасно? — спросил Смагин. — Вернее, опасно для тех, кто распял Россию, — поправился он, — для красных?

— Г-говорили... Но я подумала, что нам никто не захочет причинить вреда. За что?

— Вы правы! — сказал Смагин. Он поверил каждому ее слову. Это было видно по тому, как он ее слушал, и по тому, как переглядывался с братом. — Вам нечего бояться. Мы преследуем только врагов. Друзей мы любим... — Он потянулся через стол и, сладко улыбаясь, погладил ее по руке.

Маруся невольно отдернула ее.

— Повторяю, вам нечего бояться! Особенно меня, — подчеркнул он. — С этого дня я сам буду, как говорится, опекать вас. Вам нравится такой опекун?

— Я, право, не знаю, — пробормотала Маруся.

Он засмеялся, уверенный, что первый шаг к победе сделан и сделан успешно.

— Вы скоро опять увидите меня! — пообещал он. — Я знаю, что наша дружба в короткое время станет крепче и... ближе.

И хотя то, что он говорил, было на руку чекистам, Маруся от этого взгляда побледнела еще больше и с трудом заставила себя кивнуть головой.

— На днях вы получите весточку, — сказал Григорий вставая. — А теперь позвольте откланяться...

Рукопожатия ему показалось мало, он попытался обнять ее. Маруся увернулась.

Он захохотал и надел бурку.

— Пойдем, Васек, — сказал брату, — мы еще вернемся сюда.

Обрюзгший Васек пробурчал что-то на прощанье. Григорий подмигнул Марусе и напомнил:

— Ждите вестей! — наклонился в дверях и вышел.

Вскоре банда уехала из деревни...

На другой день, в обед, перед школой остановилась телега. Кривоногий мужичок с кучой, точно

прореженной, бородой спросил «учительшу Машу».

— Принимайте, — неприветливо сказал он, — имущество привез.

— От кого это?

— Григорий Владимыч кланяется.

Федя помог ему втащить в школу большой окочанный сундук. Немедленно сбежались бабы смотреть присланное Смагиным богатство: шали, полушалки, две шубы, платья городских фасонов, обувь и несколько штук мануфактуры. Бабы ахали, восхищались и с нескрываемой жалостью поглядывали на Марусю. Ей и самой был понятен зловещий смысл этих подношений. Хорошенькая учительница, одинокая и беззащитная, была для Смагина заманчивой добычей. Нередко любовные похождения атаманов вызывали взрывы такого возмущения, что, случалось, из повиновения выходили целые деревни, а от родственников опозоренной девушки можно было ожидать любого предательства. С Марусей нечего было беспокоиться на этот счет. Вступить за нее было некому, кроме убогого брата...

Когда бабы, судача и вздыхая, разошлись, Федя сердито спросил Марусю, которая весело перебирала тряпки в сундуке:

— Чего скалишься, невеста? Обрадовалась? Дела ни в пень! Жди теперь свадьбы. Надо сейчас же в Херсон подаваться, наших привести.

— Дурной ты! — сказала Маруся, прикидывая, как ей пойдет муаровое бальное платье с длиннющим шлейфом, какие носили, наверно, в прошлом веке. — Сиди и не рыпайся. О таких делах только мечтать можно! Протянем дней пяток, пока Алексей с Филимоновым придут, а там мы им такую свадьбу закатим, не проспят!

— Пять дней! Станет он ждать пять дней! Увидишь, сегодня же завалится!

— Ничего, Федюшка, перекрутимся как-нибудь...

Федя не ошибся. Перед вечером явился новоявленный Марусин жених. На этот раз вся ватага, минуя дом старосты, подъехала прямо к школе. Смагин вошел оживленный, улыбающийся.

— Принимайте гостей! Не ждали?

«Гости» набились в избу, наполнив ее гомоном, грохотом сапог и шашек, запахом конского пота и овчины.

— Здравсте, Маша! — приветствовал Смагин Марусю.— Соскучились? Приехали вас веселить. Рады?

— Милости прошу,— поклонилась Маруся.

— Давайте поздороваемся. По-старинному, по-русски.— Он облапил ее, хотел поцеловать в губы, но, промахнувшись, сочно чмокнул в щеку.

Маруся вырвалась, покраснела до слез. Смагин удовлетворенно потер руки, но вдруг нахмурился, глядя на ее скромное платье.

— Вы от меня гостинцы получили?

— Получила... Только мне не надо!

— Вот еще! Когда дарят от сердца, надо брать!—недовольно сказал он.—Впрочем, ладно, и в таком наряде хороша, как говорится. Несите на стол,—приказал он своим.—Албатенко и ты, Макар, ступайте к старосте, пусть закуску дает. Скажите, утром наведаюсь.

«Утром» — это означало, что они останутся ночевать...

Маруся нажарила свинины на двадцать человек — остальные разбрелись по деревне,— и началось пиршество. Столы составили в ряд. Оба Смагины сели в красном углу. Возле себя Григо-

рий посадил Марусю, рядом с нею Федю. Сколько ни старался Федя, он не мог определить, кто из присутствующих Крученый: ни один не подходил под описания Алексея.

Григорий пил много, быстро хмелел. Брат его выпил еще больше, но по нему этого не было заметно. Он глыбой громоздился над столом, положив перед собой тяжелые, как гири, руки. У него был прямой неломкий взгляд, в котором темнела неподвижная, навсегда застывшая ненависть.

Смагинцы пили сдержанно. Опыанел, пожалуй, один Григорий. Иногда кто-нибудь, чтобы угодить атаману, кричал: «Горько!» — и Григорий, похотывая, лез к Марусе целоваться. От него разило сивушным перегаром и зубной гнилью. Пятна на переносице стали еще ярче, губы обслюнявились и обвисли. Федя слышал, как он шептал Марусе:

— Хозяйкой будешь на весь округ!.. Что хочешь — твое!.. Мое слово — кремень... Не выламывайся, пей!.. — и толкал ей в губы кружку с самогоном.

— Не надо... Гадость какая, уберите!

Смагин хохотал, откидываясь на лавке, и смотрел на нее налитыми бешенством глазами...

Наконец пиршество кончилось. Оставшийся самогон слили в четвертную бутылку и унесли в тачанку. Бандиты стали устраиваться на ночлег. Маруся с Федей ушли в кладовку, заперлись.

Вскоре к ним постучал Смагин. Маруся долго уговаривала его через дверь пойти лечь, но в конце концов он сорвал задвижку.

Стали бороться в темноте. Григорий хрипел:

— Женюсь... Цыть, дура! Женюсь, говорю! Церковным браком... с попом! Как положено...

Когда Федя понял, что Смагин одолевает, он вцепился в его тужурку, оттянул от Маруси.

— Кто?! — заорал тот. — Кто, гад? Убью!

К счастью, он был очень пьян и безоружен. В каморку вошел Смагин-старший.

— Иди спать, Гришка, — строго сказал он. — Не успеешь, что ли? Иди!

И увел его с собой. Григорий сквозь зубы цедил матерщину.

Маруся легла на койку и заплакала. Она плакала горько, зло, вздохом, и Федя сам чуть не заревел, слыша, как она давится от рыданий, уткнувшись головой в подушку. Он подобрался к ней, зашептал:

— Маруся, хочешь, я в Херсон махну? К утру достигну. Приведу наших...

— Не смей! — ответила она. — Заметят, что ушел — все пропало... Перетерпим. А нет — я им... — И скрипнула зубами.

Наутро Григорий улыбался Марусе, словно ничего особенного не произошло. Бандиты куда-то торопились. Наскоро позавтракав остатками вчерашней свинины, стали собираться в дорогу. Григорий, уже в бурке, отозвал Марусю в сторону:

— Маша, вчера-то я побаловался спяну, ты не сердись. Но вот что я тебе скажу: мне без тебя теперь невозможно. Жениться на тебе хочу! Ты как?

— Ой, что вы, Григорий Владимирович! Как можно! Так у вас быстро...

Он усмехнулся.

— А жизнь нынче какая? Торопиться надо жить, кто знает, что нас завтра ждет! Но ты не сомневайся, Маша, у нас с тобой по-хорошему будет. Я эту петрушку, — он сделал неопределенный жест, — скоро прикончу, вот только должки кое-какие отдам. А после на север с тобой поедем, к Москве поближе. Хочешь в Москву?

— Подумать мне надо, Григорий Владимирович.

— Сколько же ты думать собираешься?

— Ну, недельку...

— Тю, очумела! Четыре дня думай, пока меня здесь не будет, а через четыре дня приеду и сразу свадьбу сыграем. Ух и гульнем!

— Да что вы, Григорий...

— Сказал и все! Жди меня. Через четыре дня прилечу, как на крыльях! Не бойся, Машутка, любить буду, нравишься ты мне! Но смотри,— у него жестко сузились глаза,— уехать без меня и в мыслях не держи, есть кому присмотреть! — Он снова заулыбался: — Да куда ты от меня денешься, суженая ты моя! Жизнь тебе такую устрою, будет о чем вспомнить! И братишку твоего пристроим. Ну-ка, обниму на прощание!

Маруся съежилась, выставила локти. Он засмеялся:

— Ладно, прощай. Жди!

...Четыре дня! Ровно столько, сколько оставалось до двадцать второго числа!

Все складывалось как по писаному. В день «свадьбы» Федя исчезнет после обеда. Любопытным Маруся объяснит это тем, что брат сильно переживает, и вот удрал, забился куда-нибудь и плачет: больной все-таки...

Однако вернулся Смагин не на четвертый, а на третий день, двадцать первого ноября.

В шесть часов вечера банда на рысях въехала в деревню. На тачанках везли раненых. Смагин, не останавливаясь, проехал к дому старосты, пробыл там с полчаса и затем со всею свитой явился к Марусе. И с первого же взгляда, едва он вошел, Маруся поняла: случилось что-то неподви-

денное, что-то такое, отчего обстановка резко меняется к худшему.

Смагин был мрачен. Скинув у порога мокрую бурку (погода была ненастная, с дождем и ветром), он рукавом отер воду с лица и криво улыбнулся Марусе:

— Здравствуй, душечка! Видишь, как спешил к тебе, на день раньше приехал! Помыться мне дай...

Но было совершенно очевидно, что вовсе не пламенная любовь к Марусе сократила срок его отсутствия. Позже, прислушиваясь к разговорам смагинцев, Федя понял, в чем дело. Смагины, по видимому, крепко приелись местным жителям. В одном из сел, которое братья считали вполне преданным им, крестьяне своими силами устроили засаду, в результате которой Смагины потеряли шесть человек убитыми и четырех ранеными. Под их началом оставалось теперь всего около тридцати сабель. Смагины захотели восполнить свои потери и в другом селе объявили мобилизацию. Но в ту же ночь все завербованные ими мужики удрали в леса...

Помывшись, Григорий Смагин зашел в Марусину каморку. Сел за столик, спросил:

— Ты готова?

— К чему?

— Сегодня окрутимся. Я уже и попа привез из Большой Александровки. Он у Матуленки отдыхает.

— Говорили же, ч-четыре дня,— прошептала Маруся помертвев.

— Мало что говорил! День роли не играет. Сегодня все и кончим.

— К-как же это? Ой, не надо! Ради бога, не

надо сегодня, Григорий Владимыч! Ну, денек еще? Завтра...

— Ерунда! — он нахмурился, на щеках забегали желваки, глаза ушли под брови. — Нюни не распускай, на меня не действует! Бога должна благодарить: я всерьез женюсь, поп настоящий. Все будет честь по чести. — И вдруг, зверея, саданул кулаком по столику. — Да завтра я расплююсь с этой поганой дырой навсегда! К матерям! Уйду! Сволочи! Уйду!.. На Украине еще места много. Пусть их большевики хоть в жернова суют — начхать мне! Предатели, гады!.. — сатанея от ненависти, он заикался, и капельки слюны повисали на его курчавой бородке.

В каморку заглянул Смагин-старший:

— Гришка, захлопни пасть, забываешься!

Григорий рванул ворот, отлетели пуговицы. Пустыми остывающими глазами он уставился в угол, помолчал и поднялся на ноги.

— Ладно, ерунда все... — он ощерился, изображая улыбку, подмигнул Марусе. — Ничего, Маша, тебя это не касается. Готовься! Мои счета с мужиками — одно, а любовь — особая статья. Я Матуленке скажу, чтобы своих баб прислал помочь. Готовься, — повторил он и вышел, стуча сапогами.

Ни кровинки не было в лице Маруси, когда она обернулась к Феде.

Он глазами спросил ее: «Что делать?» Она зашептала, почти прижимаясь губами к его уху:

— Беги, Федя! Беги скорей!

— Куда?

— Куда хочешь! На хутор... Или еще куда, хоть в Херсон! Может быть, успеешь! Я их попробую задержать. Приведи кого-нибудь, Федюшенька!..

Он хотел возразить, сказать, что не оставит ее одну с бандитами, что убьет Григория...

Но она зажала ему рот:

— Иди! Меня они все равно не возьмут! — И почти силой вытолкнула его из каморки.

Смагинцы уже составляли столы для свадебного пира, у крыльца сгружали с тачанки бочку с брагой и битую птицу — гусей и уток. Бандит с разрубленной щекой, тот самый, что в день знакомства огрел Федю плеткой, подозвал его к себе и, кривляясь, знаками стал объяснять, что сегодня произойдет. Если б он знал, о чем думает, слушая его с идиотской улыбкой, «глухонемой брат» атамановой невесты, у него поубавилось бы веселья!

В это время показались идущие к школе под дождем Григорий, староста Матуленко, две бабы и сухонький старик священник. Федя спрыгнул с крыльца, завернул за угол школы, будто за нуждой, огородами выскользнул за околицу и побежал что было силы...

Мельничный хутор стоял на пути в Херсон — Федя проезжал его вместе с Марусей. Окажись хутор чуть в стороне, Феде и в голову не пришло бы заглянуть туда: никакой надежды, что чекистский отряд уже прибыл, у него не было. Он бежал, захлестываемый ветром и косыми режущими струями дождя, не разбирая залитых водой дорожных выбоин, задыхаясь, с одной мыслью в голове: где угодно, как угодно найти помощь, спасти Марусю...

И когда, уже в полной темноте, какие-то люди схватили его, и один из них, присмотревшись, воскликнул: «Федюшка!» — он заплакал в голос, навзрыд, как ребенок...

МАРУСИНА СВАДЬБА

Спешившись у деревни, чекисты окружили школу, не потревожив даже деревенских собак, но это оказалось ненужной предосторожностью. Смагины на этот раз проявили несвойственную им беспечность. Возможно, они и выставили дозоры, но караулить под проливным дождем, пока другие пьют, было несладко, и часовые присоединились к пирующим. Когда бойцы Филимонова вплотную подошли к школе, лишь один смагинец встретился им: он блевал, стоя под дождем у крыльца. Так он и умер от руки Филимонова, не разобравшись, откуда пришла к нему смерть.

Большинство смагинцев было пьяно влежку. Те из них, кто еще мог соображать, очень быстро поняли безвыходность своего положения. Двое или трое бандитов, попытавшихся выскочить из окна, тут же свели свои счета с жизнью...

— Сюда! — кричал Федя. — Сюда, Леша!

Через классную комнату, где среди опрокинутых столов чекисты вязали бандитов, они бросились к Марусиной каморке. Распахнули дверь.

Маруся лежала на полу. Страшна была ее рана, нанесенная наотмашь отточенной, как бритва, бандитской шашкой.

Поперек кровати, без сапог и тужурки, валялся, раскинувшись, Григорий Смагин. Он тоже был мертв.

И еще кто-то, третий, живой, неподвижно сидел в углу...

Вот что увидел Алексей.

Остальное он понял позже.

...Маруся тянула до последнего момента. Вынесла она и короткий, наспех отслуженный венчальный обряд, и слюнявые поцелуи своего

«жениха» и похабные шутки упившихся бандитов. Ждала, надеялась, что спасение все-таки придет.

Когда же надежды больше не осталось, когда, распаленный водкой, Григорий Смагин, под грязный гогот собутыльников, затащил ее в каморку, решилась на последнее...

Предложила Смагину еще немного выпить: для храбрости... Он согласился, принес водки. Пока он ходил, Маруся вытряхнула в кружку содержимое своего кулечка из фольги. Он ничего спьяну не заметил...

Успел ли он крикнуть перед смертью или брат его, что-то заподозрив, сам вломился в «брачный покой», но это и решило Марусину судьбу. Смагин-старший зарубил ее...

Василий Смагин не оказал никакого сопротивления. Похоже было, что он совсем не слышал шума в соседнем помещении, не понимал, что за люди перед ним. Безумным и страшным было его лицо, когда стали вязать ему руки. И лишь когда выводили из каморки, он уперся в дверной косяк и, повернувшись к брату, выкатывая из орбит водянистые, как студень, белки глаз, закричал:

— Гриш-ка-а!.. Гришень-ка-а!..

Григория унесли.

Марусю положили на кровать, накрыли широкой, с подзорами, простыней.

И долго стоял над ней Алексей. Мыслей не было. Была боль, острая, почти физическая боль. Она вошла в сердце и осталась там рваным раскаленным осколком...

Филимонов положил руку ему на плечо:

— Пойдем, Михалев...

Алексей крепко потер лоб. Что-то нужно было

сделать... Что-то еще оставалось неоконченным.
Что же?

Вспомнил. Вышел в классную комнату.

Все бандиты уже были связаны. У стены жалели перепуганные растрепанные бабы, священник и два — три мужика. Маркова среди них не было. Ушел! Снова ушел!

Алексей оглянул арестованных.

— Где Крученый?

И тут, по легкому движению среди бандитов, понял, что Марков где-то здесь, рядом, близко!

— Я спрашиваю: где Крученый? — повторил он.

Арестованные молчали.

— Обещаю снисхождение тому, кто укажет!

Снова движение среди бандитов. Некоторые переглянулись между собой.

— Я скажу! — быстро проговорил бандит с черной повязкой на глазу. — Албатенко я, Микола Албатенко, запомни, начальник...

Но ему не дали купить жизнь. Сразу несколько голосов закричало:

— У старосты он, вон у того!

— Кто староста?

— Я, — забормотал Матуленко. — Есть у меня один раненый... Только не тот, что говорите, не Крученый... Марков его фамилия...

— Веди! — приказал Алексей.

Марков был ранен в стычке с продотрядом. Пуля навывлет прошила мякоть правого бедра.

Два месяца он мотался со Смагиным по степи. Вначале была надежда, что Григорию Смагину, который, отказавшись от своей первоначальной эсеровской программы, выкинул желто-голубое

знамя и объявил себя украинским националистом, удастся поднять восстание по всей Херсонщине. От этой надежды скоро пришлось отказаться. После разгрома в Воскресенске Смагиным так и не удалось оправиться. С тех пор они думали только о том, чтобы унести ноги от Филимонова. Банда редела. Вместо восстания сбились на мелкий разбой — убивали районных милиционеров, преследовали демобилизованных красноармейцев, грабили потребительские лавки. Марков хотел переждать некоторое время, пока утихнет шумиха, поднятая алешкинским делом, и о нем немного позабудут, а там — податься в Херсон. Нет, надолго задерживаться в Херсоне он не собирался: слишком рискованно. Путей было много: еще гуляет по Украине Махно, еще бушуют мятежи на Дону, еще можно ожидать нового прихода союзников. На худой конец есть заграница: Польша, Германия... Но в Херсон он все-таки заедет!..

Скитаясь со Смагиными, Марков случайно встретил бывшего крамовца, которому посчастливилось бежать из ЧК. Крамовец был одним из тех, кого захватил Алексей во время августовского рейда... Через верных людей Марков знал, что произошло в Алешках. Припоминая события двухгодичной давности, он начал понимать, что Алексей Михалев и тогда уже был причастен к неожиданному разоблачению фон Гревенец и ее казни накануне немецкого наступления.

Желание расплатиться с этим чекистом за Дину, за Крамова, за Гревенец, за его, Маркова, позор было в нем сильнее осторожности. Нет, в Херсоне он побывает!

Но для этого нужно было набраться терпения и продержаться еще хотя бы несколько месяцев. Со Смагиным это становилось труднее. От Фили-

монова можно уйти, помуржить красных еще долгое время, но от крестьян не уйдешь! Смагины утратили популярность среди местного населения. Об этом свидетельствовала засада в селе, которое считалось вполне надежным. Теперь под ними загорится земля!

Ветер наваливался на хату. Дождь шипел в соломенной крыше. Несмотря на ненастье, рана сегодня болела меньше. Марков лежал в темной горнице на широкой семейной кровати, которую уступил ему гостеприимный Матуленко, и припоминал тайнички, где можно скрыться. Он вспомнил некую добрейшую офицерскую вдову, содержащую лавчонку в Бобровом Куте, вспомнил ветеринарного фельдшера, живущего в Снегиревке, вспомнил еще кой-кого, кто, конечно, не откажет ему в приюте, если понадобится...

За стеной кряхтела и охала больная ревматизмом теща Матуленко. Сам староста с женой и дочерью — толстой некрасивой девкой с прыщавыми щеками — ушел пировать к Смагину. Марков был рад этому: хоть с разговорами не пристают — что будет, да скоро ли кончится, да как обернется...

Вдали хлопнули выстрелы. Марков прислушался. Разгулялись! Без стрельбы не обходится ни одна пьянка Григория Смагина. Хоть бы сегодня удержался: деревню пугает. И так люди волками смотрят!

Выстрелы скоро прекратились. Марков долго лежал с закрытыми глазами, пока не начал задремывать.

Он очнулся оттого, что кто-то вошел в хату.

— Это ты, Прохорыч? — окликнул он.

— Я, — ответил Матуленко.

Он был не один. С ним, должно быть, пришел

кто-то из смагинцев: Марков услышал стук подкованных каблучков по земляному полу.

— Кто там с тобой?

— Свои,— сказал Матуленко после небольшой паузы.— Григорий Владимыч до тебя прислал.

— Пусть идут сюда.

Вошли трое. Матуленко внес лампу.

Когда свет упал на того, что был ближе всех к кровати, Марков вскрикнул и сунул руку под подушку.

Перед ним стоял Алексей Михалев.

— Подними руки,— глухо сказал он,— не лапай наган, убью на месте!

Марков поднял руки.

— Встань! Отойти от кровати!

— Не могу. Нога...

— Сможешь. Отойти!

Марков встал и, хватаясь за стену, отошел от изголовья.

Алексей достал из-под подушки маузер и передал его Феде Фомину. Коленом отодвинул табурет, на котором лежали гранаты и шашка.

— Одевайся! — сказал он и бросил Маркову одежду, встряхнув ее, чтобы убедиться, что оружия больше нет.

Марков, нагнувшись, медленно натянул брюки. Он боялся поднять лицо, боялся встретиться взглядом с чекистами и прочитать в их глазах подтверждение того, что вдруг отчетливо представилось ему: сейчас они выйдут из этой чистой и теплой хаты, и там, под дождем, где-нибудь посреди утопнувшей в грязи дороги раздастся за спиной выстрел... Услышит ли он его?

— Я идти не могу,— сухим, рвущимся голосом проговорил он.— Не дойти мне...

— Ничего, здесь близко,— ответил Алексей.

Это был приговор, конец...

— Не смогу я,— повторил Марков.— Не надо...
Алексей понял, что творится в душе этого человека.

— Не бойся,— сказал он.— В Херсон поедешь, судить будут.

Марков быстро поднял голову. Правда? Значит, еще не сейчас? Он с надеждой посмотрел на стоявшего перед ним чекиста.

Это был тот самый Алексей Михалев, скромный «писарь», которого так «удачно» завербовала когда-то Дина Федосова, но Маркову казалось, что он впервые видит его по-настоящему.

Он никогда раньше не замечал в этом человеке напряженной суровой собранности и пристального неумолимого блеска в зрачках, будто в их прозрачной глубине мерцали холодные чешуйки слюды...

Утром хоронили Марусю.

Место выбрали за деревней, на пригорке, под высокой акацией, чтобы по весне распускала она над Марусей свои белые свечи.

Была видна с пригорка степь, широкая богатая украинская земля.

Расстреляли по обойме в прощальных залпах.

И через час потянулся из деревни длинный обоз. На телегах тряслись связанные смагинцы.

Алексей далеко опередил своих. Ехал один, думал. Под мерный шаг коня мысли приходили печальные и торжественные.

Нет Пантюшки, Воронько... И Маруси нет. И много еще в степи безыменных холмиков. Сохранятся ли они, или когда-нибудь их распашут под хлеба?.. Не в холмиках дело. В памяти людей

останутся те, кто укрыт под ними, кто отдал себя за эту землю; за хлеба, что вырастут на ней, за новую жизнь. Они останутся навсегда!.. Надо только до конца довести дело, ради которого не жалели они ни жизни своей, ни молодости, которому беззаветно отдали все, что имели...

Его догнал Федя. Поехали рядом. Над степью висело тяжелое, кудлатое небо. Ветер улегся. Туман дотаивал на горизонте. Но в воздухе уже совсем ощутимо пахло снегом, первыми ясными заморозками.

1957 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ВОССТАНИЕ ФРОНТОВИКОВ

	<i>Стр.</i>
Лешка Михалев	5
Начало	14
На часах	27
Пантюшка Дымов	34
Мрачные новости	39
Светские знакомства	43
Марков	51
Человек в шинели	57
Знакомство продолжается	71
Ночной разговор	76
Четвертое апреля	83
Дома	90
Херсон — немецкий город	96
Прощание	101

Часть вторая

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА

Возвращение	107
Новые встречи	118
Расследование	125
История с приказом	136
Допрос Филиппова	141
Ночные сигналы	149
Кто предатель?	155
„Подарки“ Фельцера	164
Домик в Маркасовском	168
Старые знакомые	175
Облава	183
Крамов и Крученный	187

Часть третья
ДИАНА ИЗ АЛЕШЕК

	<i>Стр.</i>
По следу	193
Маруся Королева	201
Родственники Соловых	207
Диана	214
„Свой человек“	225
Помощники	236
Встреча на острове	247
„Похищение“ карты	261
На явке Смагиных	269
Новое поручение	274
Посылка от Маркова	283
Бандиты	291
За Диной	300

Часть четвертая
В СТЕПИ ПОД ХЕРСОНОМ

Надо ехать!	313
Тихий хуторок	321
Обратная дорога	333
За Воронько!	339
Родственные связи	349
Будни	359
Подготовка операции	367
В Белой Кринице	374
Марусина свадьба	391

**Александр Александрович Лукин, Дмитрий Иоганович
Поляновский „Сотрудник ЧК“**

Редактор *Митичкина А. П.* Художник *Ребров Ю. П.*
Технический редактор *Волкова В. Е.* Корректор *Иванова А. П.*

Г-44669 Подписано к печати с матриц 28.7.58 г.
Формат бумаги 70×92¹/₃₂—12¹/₂ печ.л.=14,62 усл. печ. л. 15,374 уч.-изд. л.
Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-9, Тверской бульвар, 18

Изд. № 1/1238

Заказ № 2309

2-я типография им. К. Е. Ворошилова Военного издательства
Министерства обороны Союза ССР
Ленинград—Центр-1, Дворцовая пл., 10

Цена 5 р. 20 к.

Цена 5 р. 20к.